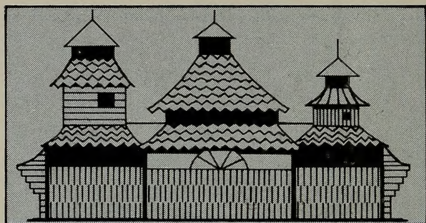
EX
LIB
RIS

PAUL R. MAGOCSI

Рôчникъ I. Ужгородъ, 20. февраля (лютого) 1920. Число 1. и 2.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 20. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и августа.

Выдае Школьный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (будинокъ губерніи).

Нашъ президентъ Томашъ Г. Масарикъ.

Далеко, далеко на западъ одъ Пôдкарпатскоѣ Руси въ серединѣ ческоѣ землѣ розложився надъ рѣкою Велтавою прекрасный городъ. Е то головна столиця чеськословенскоѣ републики „Злата Прага", котру задля великого числа турнь называють стотурневою.

А понадъ тотымъ городомъ на горѣ стоить замокъ, въ котрôмъ колись сидѣли ческѣ володарѣ. Ту коло прекрасного храму св. Вита розположенѣ замковѣ будинки, ставленѣ многими поколѣнями а кожде изъ нихъ приставляло новѣ. Суть ту ялѣ салѣ такъ стариннѣ якъ и новѣйшѣ и тисячи комнатъ.

Новое житя почалося въ тыхто комнатахъ одъ недавна.

Доки ту царствовали ческѣ королѣ, было то головнымъ осередкомъ житя ческоѣ державы. Ту рѣшалося про всѣ важнѣ дѣла ческоѣ державы и ческого народа.

И даже и тогды, коли ческими королями были австрійскѣ володарѣ, мали они тутъ свою резиденцію. И коло ихъ двору бывъ рухъ — доки они не пересилилися до Вѣдня — а на Прагу и еѣ замокъ цѣлкомъ забыли. Вѣдень Праги не любивъ. Паношився надъ нею а ческому народови накидувавъ чужое, для него нелюбимое а особливо нѣмецкій языкъ.

Ческій народъ помятае добре свою колишню силу и славу, туживъ за волею и давно хотѣвъ, абы усунена была тяжка кривда, яка ему сталася черезъ одобраня самостôйности.

Працювавъ пильно и твердо, чтобы бывъ досить сильнымъ и образованымъ, чтобы мôгъ ажъ прійде догôдна пора добитися опять своихъ правъ, своеѣ державноѣ независимости.

Та хвиля прійшла.

Свѣтова война покарала гордыхъ насилувателѣвъ ческого народу и загаломъ всѣхъ словянскихъ народôвъ розбитямъ. Перемога властолюбныхъ народôвъ Нѣмцѣвъ, Мадярôвъ и Туркôвъ, котрѣ злучилися до бою проти цѣлого свѣта, была на все зломана.

Наслѣдкомъ того розбитя одержавъ ческій народъ опять державну самостôйность, заложивъ собѣ свою ческословенску републику.

На пражскомъ престолѣ не сидить бôльше цѣсарь або его заступникъ, але мужъ, котрому народъ повѣривъ найвысшу власть надъ собою, першій президентъ ческословенскоѣ републики. Е нимъ професоръ Др. Томашъ Г. Масарикъ.

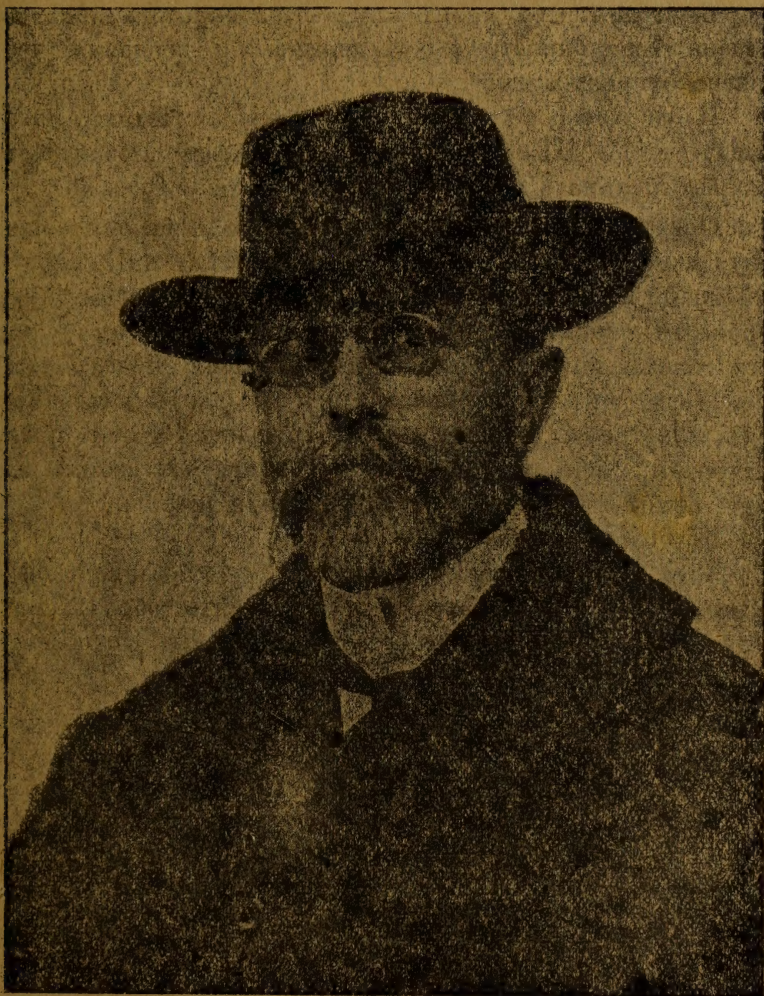
Дня 7. марта сего року буде 70 лѣтъ, коли той мужъ нами всѣма дуже любленый и въ цѣлôмъ свѣтѣ поважаный народився въ малôй хижѣ мѣста Годонина на Моривахъ якъ сынъ худобного простого чоловѣка. Сынъ кочиша а ставъ професоромъ, письменникомъ, ученымъ, посломъ а въ кôнцѣ найвысшимъ достойникомъ ческоѣ державы.

Въ малôй хижѣ увидѣвъ свѣтло денне — а нынѣ сидить въ королѣвскôмъ замку въ Празѣ! Якъ великѣ е заслуги того то достойного старця, котрѣ довели его одъ колыски въ хижѣ бѣдняка до замку вельможъ!

Якъ велика е его праця, яка его благородность, что умѣвъ ними зыскати признаня свѣта и любовь свого народа!

Съ початку не бывъ призначеный до науки. Почавъ учитися за коваля, але туга за знанямъ вела его до книжки, такъ что мôг зложити испытъ до гимназіи, образоватися и стати великимъ ученымъ. Написавъ цѣлый рядъ науковыхъ книгъ и учивъ на высокôй школѣ (университетѣ) якъ професоръ. Выховавъ богато знаменитыхъ ученикôвъ. При тôмъ

працювавъ публично, бравъ дѣяльну участь въ публичнôмъ житю и вызначався всегда чесностею, прямостею и неодступною обороною правды и справедливости. Довгѣ лѣта бывъ посломъ до австрійского парляменту и ческого сойму.

Нашъ президентъ Т. Г. МАСАРИКЪ.

А коли выбухла свѣтова война, познавъ, что надôйшла пригôдна пора до працѣ, чтобы народъ увольнити, поѣхавъ на чужину и тамъ працювавъ для ческого народу и его ос-

вободженя изъ чужого ярма. Утворивъ ту ческѣ легіѣ, котрѣ воювали по боцѣ союзниковъ. Проливали кровь на бойовищахъ проти Нѣмцѣвъ и помагали до побѣды надъ ними.

Выслѣдомъ тоѣ працѣ его и его спôвробôтниковъ е одновленя самостôйности ческоѣ державы и основаня чесословенскоѣ републики.

И одночасно съ ческимъ народомъ въ Чехахъ, на Моравахъ и на Шлеску ослободжено такожъ Словенско изъ мадярского ярма а съ нимъ и Подкарпатску Русь.

Она то желала сама собѣ прилученя до чесословенскоѣ републики и та приняла ю подъ свою опѣку якъ самостойный край. То значить, что сама земля, еѣ горожане, будуть управляти своими справами. А особливо буде сама управляти своими школами, абы дѣти населеня Пôдкарпатскоѣ Руси могли учитися и образоватися въ своѣй материнскôй мовѣ. Одъ теперь не буде учитися руськихъ дѣтей чужимъ мадярскимь языкомъ, але будуть учитися на своимъ власнымъ языцѣ, такъ что будуть розумѣти все, что ѣмъ учителѣ будуть преподавати.

Зато у всѣхъ школахъ въ цѣлôй чесословенскôй републицѣ и въ Пôдкарпатскôй Руси высить образъ тогото заслуженого чоловѣка, котрого цѣлый народъ называе съ любовью своимъ „татонькомъ“. Я. Р.

KDE DOMOV MŮJ?

(Hymna českého národa.)

Kde domov můj, kde domov můj,
Voda hučí po lučinách,
bory šumí po skalinách,
v sadě skví se jara květ,
zemský ráj to na pohled!
A to jest ta krásná země,
země česká, domov můj,
země česká, domov můj!

КДЕ ДОМОВЪ МУЙ?

(Гимнъ ческого народа.)

Кде домов муй, кде домов муй,
Вода гучи по лучинах,
боры шуми по скалинах,
в садье скви се яра квет,
земски рай то на поглед!
А то ест та красна земье,
земье ческа, домов муй,
земье ческа, домов муй.

Kde domov můj, kde domov můj?
V kraji znáš-li bohumilém
duše útlé v těle čilém,
mysl jasnou, znik a zdar,
a tu silu, vzdoru zmar?
To jest Čechův slavné plémě,
mezi Čechy domov můj,
mezi Čechy domov můj!

Где домов муй, где домов муй?
В краѣ знаш-ли богумилем
душе утле в теле чилем,
мысл ясноу, зник а здар,
а ту силу, вздору змар?
То єст Чехувъ славне племѣ,
мези Чехы домов мôй,
мези Чехы домов мôй!

Я РУСИНЪ БЫЛЪ.

Я Русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился Русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыномъ.

Русинъ былъ мой отецъ, мати,
Руськая вся родина.
Русины сестра и братя
И широка дружина.

Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бески-[домъ
Первый воздухъ руській ссалъ,
Я кормился руськимъ хлѣбомъ,
Русинъ мене колисалъ.

Якъ первый разъ отворилъ ротъ
Руськое слово прорекъ,
На азбуки первый мой потъ
Съ молодого чела текъ.

Руськимъ потомъ я питанъ [былъ
Руськимъ иду росходомъ
Въ широкій свѣтъ, но незабылъ
Со своимъ знатись родомъ.

Великій роде мой и давный
Міру есть современный
Духомъ и силою славный
Всѣмъ народамъ пріемный.

Прото тебѣ о роде мой —
Кленуся живымъ Богомъ!
За премногу любовь твою
Повинуюся долгомъ.

Духновичъ.

ГИМНЪ ПÔДКАРПАТСКИХЪ РУСИНÔВЪ.

Пôдкарпатскіе Русины
Оставьте глубокій сонъ.
Народный голосъ зоветъ васъ
не забудьте о своихъ.

Нашъ народъ любимый
Да живетъ свободный,
Отъ него да отдалится
Непріятелей буря,

Да согрѣетъ справедливость
Ужъ и руськое племя.
Желаніе руськихъ вождь:
„Руській да живетъ народъ!

Просимъ Бога вышняго,
Да поддержитъ руського
И дастъ вѣка лучшаго.

Духновичъ.

Солодкѣ дѣточки!

Неразъ припозераюся на гнѣздо ластовки, и слухаю милу бесѣду маленькихъ ластовочокъ, котрѣ такъ радуються, коли стара принесе имъ дачто закусити. Принесе, а ще и роздробить имъ и такъ ихъ годуе, якъ наймильша мати.

Не разъ дивлюся и на то, якъ научае стара ластовка малыхъ своихъ лѣтати. Где-котра смѣлѣйша ластовочка, коли матери не е дома, пуститься сама лѣтати, но безъ помочи староѣ не разъ упаде на землю . . . . .

Такъ и васъ, солодкѣ дѣточки, годуе ваша добра мамка. Отъ рана до вечера трудиться, робить для васъ, журиться о тôмъ, чтобы вы мали чимъ ся пріодѣти, и насытитися.

Но вы, солодкѣ, не лишь тѣло маете, но маете и **душу** на образъ Божій сотворену. Вы знаете думати, знаете говорити, маете волю и чувства! И мила ваша мамка тай вашъ добрый няньо и сесю, дорожшу часть вашу годують, ибо научають васъ говорити, красно молитися къ Богу, научають васъ, якъ мается честно справовати, обы васъ полюбивъ Богъ, небесный вашъ отецъ и добрѣ люде.

И добра дѣтина за тотъ щирый старунокъ отца и матери щиро благодарна. Кождого дня вечеромъ стане на колѣнки и такъ ся за мамку и отця помолить:

— Боже добрый, благослови отця и мамку, дай имъ все, что они просять, здоровля и счастя!

Но видите, дѣточки, суть и такѣ дѣти, котрѣ не мають отця або матери! Суть такѣ, котрыхъ отець въ далекôй чужинѣ, гдесь въ Америцѣ або въ россійскôмъ ци таліанскôмъ плѣну жіе!

Но и тоты родичѣ, котрѣ дома суть, сами не могутъ дѣтей своихъ всему нужному научити! Ибо каждый розумный отець такъ говорить:

— Часъ надъ часомъ не стоить! Свѣтъ иде все впередъ! Дѣточки мои, учиться, отъ васъ свѣтъ вже бôльше буде требовати, якъ отъ мене требуе! Вамъ бôльше треба буде знати, якъ я знаю . . . . .

И про то мудрый отець радо вписуе дѣтину до школы и радо купуе дѣтинѣ книжки и новинки.

Якъ свѣтло въ темной хатѣ, такъ робить въ душѣ нашôй добра книжка и добра новинка.

Засвѣтить на предметы, на дорогу, обы'сме знали, куда ити, обы'сме ся дагде не зашпотали и не ударили.

Такимъ свѣтломъ хоче быти вамъ, солодкѣ дѣточки, и сеся ваша руська новинка.

Она загостить пôдъ кажду руську стрѣху, где ю радо приймуть.

И я вѣрую, что всягды, где лишъ упознають ю, любо будуть ю читати, еѣ поучительнѣ казки, описы и вершики, и загадки.

И не лишъ читати будете, но и сами дописовати! Такъ есть, дописовати! Якъ тоты ластовочки, такъ и вы маетеся змагати на своѣ крыла, будете пробовати лѣтати! О якъ будуться радовати ваши родичѣ и панъ учитель, коли прочитають вашу допись въ вашôй газетѣ.

И я, старшій вашъ братъ, изъ „Азбуки“ котрого вы научили'сте ся читати-писати, буду мати велику радость, коли увижу, что ваша новинка процвѣтае, что вы до неѣ дописуете и любо еѣ читаете!

Най буде такъ!

Въ Ужгородѣ, 27. янв. 1920. **Авг. Волошинъ.**

ШКОЛЯРСКА СПѢВАНКА.

Ой у лѣсѣ на долинѣ сидить голубъ сивый,
А кто учивсь замолоду, той буде щасливый.
Ой учѣмся любѣ дѣти читати, писати,
Бо все шкода молоденькѣ лѣта марновати.
Ой учѣмся любѣ дѣти, поки молоденькѣ,
Ходѣть радо всѣ у школу, вчѣться прилѣжненько.
Ой два волы и коровы чешуться рогами,
Хотѣвбы я проживати межи школярами.

Ой два воли и коровы, тай всѣ сивенькіи
Ой минають, не вертають лѣта молоденькѣ.
Стоить яво̂ръ надъ водою, клонить голузями,
Ой не одинъ, кто не вчився, плаче за лѣтами.
Пошли козы въ густѣ лозы, тай я за козами,
Лѣта мои молоденькѣ, жаль менѣ за вами.

Иванъ Пазуханичъ.

Правдива казка.

Хочете чути правдиву казку? Такъ послухайте.

Вже есть близько сто лѣтъ якъ народилася въ велико̂мъ мѣстѣ мала дѣвчинка, котру назвали Боженка. Отецъ еѣ Панкль бывъ кочишомъ (возникомъ) у богатоѣ княгинѣ.

Божена Ньемцова.

Коли Боженка трохи подросла, переѣхали еѣ родичѣ до Чехъ до Ратибожць а до Боженки прийшла еѣ бабонька. Яка та Бабонька была! Она знала казокъ щой не мѣра, знала богато пѣсень и приповѣдокъ и того всего научила свою онуку. Найбо̂льше однакъ любила Боженка казки и добре все памятала, якъ еѣ що красного бабонька оповѣла.

И въ школѣ была дѣвчинка прилѣжною а панъ учитель все ю хваливъ. И правду говоривъ, бо зъ Боженки выросла славна панѣ. Не взявъ ю нѣ король, нѣ принцъ, хоча была дуже ялою, а выйшла замужъ за одного бѣдного урядника Іосифа Ньемца и называлася уже Божена Ньемцова.

Со своимъ мужомъ ѣздила много по Чехіи, по Словенску ажъ вконцѣ осѣла въ Празѣ. Много она видѣла але и много перетерпѣла. Частѣ хвороты ослаблювали еѣ слабе здо-

ровля а и бѣда гостила у нихъ часто. Божена Ньемцова и єѣ чоловѣкъ дуже любили свою отчину и свою мову (языкъ) и для того приходилося ѣмъ не одно терпѣти.

Коли вже было найгôрше, то згадувала собѣ панѣ Ньемцова на свое дѣтинство, коли была такъ щасливою у своеѣ бабоньки, котра еѣ приказувала казки. Такъ тогди почала розказувати своѣмъ дѣтямъ о родинѣ, о бабоньцѣ и такѣ казки, котрѣ ôдъ неѣ чула. Дѣти то дуже любили и все просили мамку, абы зновъ ѣмъ оповѣдала. Тай одинъ разъ погадала собѣ панѣ Ньемцова: „Направду, всѣ дѣти съ радостею послухали бы тыхь то красныхъ казокъ, однакъ не могу ѣхъ всѣмъ розказати, лишъ написати и они собѣ ихъ перечитають“.

И направду написала книжочку: „Народнѣ казки Божены Ньемцовоѣ“. А декотрѣ изъ нихъ вы знаете: про Смоличка, якъ учився Гонза по латиньски, про Попельку, про курочку и когутика, про медяникову хижу, золотѣ звѣзды та много другихъ.

А не лишъ казки писала Божена Ньемцова а такожъ и велику книгу про свою бабоньку и назвала сесю книжку: „Бабонька“. Розказуе тамъ о тôмъ, якъ она бавилася съ дѣтьми въ млинѣ на печи, якъ гостили съ бабонькою у панѣ княгинѣ на замку, про пана ловця съ горъ, якъ ходили съ бабонькою на храмъ, о бабинôй скринѣ, о псахъ Торлѣ и Султанѣ, что заѣли жовтѣ каченята. А впрочемъ будете сами читати ихъ, ажъ та красна книжка выйде по руськи.

Окрôмъ казокъ и „Бабоньки“ написала Божена Ньемцова еще много оповѣдань, котрѣ будете певно радо читати, ажъ выростете. Всѣми тыми писанями записала себе Божена Ньемцова въ серцяхъ малыхъ и великихъ читачôвъ та ще и днесь, коли славиме еѣ столѣтнѣ народины, всѣ ю споминаеме. А и вы милѣ дѣти покажѣть у своѣхъ серцяхъ подяку за всѣ тоты милѣ казки, при котрыхъ вы часомъ заплачете або засмѣетеся.

НАША МАТИ.

„Що на свѣтѣ наймилѣйше?"
Разъ мати спитала.
„Ты, — дорога наша мамо",
Дѣточки сказали.

Вамъ, дѣточки мои любѣ,
Ще о тôмъ бы знати,
Що крôмъ мене ще и другу
Маму тре кохати.

Бо та друга всѣмъ намъ мати,
Она насъ повила,
Хлѣбомъ, солею и водою
Вона насъ кормила.

Еѣ мова люба, мила,
Насъ все забавляла
Еѣ дума голубила
А пѣснь до сну клала.

А та мати — се Русь наша!
Любѣть еѣ, дѣти,
Уквѣтчайте ю собою
Якъ городчикъ квѣти.

И для неѣ вы, дѣтоньки
Ростѣть на потѣху,
А выросши, не забудьте
На рôдненьку стрѣху,

Та на мову нашу любу,
Що васъ забавляла,
И на пѣсню сердечную,
Що васъ усипляла.

Тай у свѣтѣ тôмъ просторôмъ
Добра научайтесь,
А руськоѣ при тôмъ мовы
Й пѣснѣ не цурайтесь!

ЧТО НАЙМИЛѢЙШЕ?

Наймилѣйша рôдна хата,
Отчина свята менѣ;
Въ каждôмъ вижу свого брата,
Въ дорогôй мнѣ отчинѣ!

Хочу жити и умерти
Въ нашôй милôй родинѣ,
И той звôнъ при смерти чути,
Что я чувъ весь вѣкъ въ селѣ!

Казка про медяникову хижу.

Бывъ одинъ худобный отець и мавъ двое дѣтей, Ивася и Марусю.

Ôнъ ходивъ до лѣса рубати дрова и не мôгъ доглядати дѣтей. А коли ѣмъ мати умерла, оженився другій разъ, чтобы дѣти мали матѣрь. Але та друга мати не была добра, не любила нѣ отця нѣ дѣтей и отець дуже на то нарѣкавъ.

Мачосѣ дѣти такъ не злюбилися, что казала отцеви, абы ихъ изъ дому забравъ и больше не вертали. Надармо спротивлявся тому мужъ, но жона не давала ему покою; ôнъ боявся eѣ и прото сказавъ одного дня съ смутнымъ серцемъ: „Возьмѣть собѣ дѣти збаночки, пôйдете днесь со мною до лѣса на ягоды.“

Дѣти съ радости скакали, взяли доразъ збаночки и выбралися съ отцемъ до лѣса. Коли прійшли глубоко до лѣса, завѣвъ ихъ отець на мѣсто, де было богато ягодъ, что ажъ червонѣло и сказавъ имъ: „Но, мои милѣ дѣти, сбирайте ту ягоды а я пойду дрова рубати; доки будете чути, что я рубаю, то знайте, что я е на тôмъ мѣстѣ.“

Дѣти съ охотою кинулися на ягоды а отець одойшовъ дальше, привязавъ межи дерева палицю, котра колисана вѣтромъ товкла до дерева, якбы рубала дрова. Коли такъ дѣти обманивъ, вернувъ до дому а дѣти оставивъ въ лѣсѣ.

Якъ вже дѣти мали повнѣ збанки и доволѣ наѣлися, подумали собѣ, ци не треба бы подивитися до отця. Они ишли тамъ, ôтки одзывалося битя палицею, но не найшли тата, лишъ его палиця висѣла на деревѣ. „Дежъ нашъ тато? Може пôшовъ до дому а насъ оставивъ ту,“ сказавъ Ивась. — „А, что ты говоришь, то нашъ тато десь ту буде и прійде певно по насъ, тôлько останьме ту“ сказала Маруся.

Такъ и чекали, а чтобы не было имъ скучно, ѣли поволи ягоды изъ збанкôвъ, а коли вже збанки были порожнѣ — мусѣли ихъ зновъ наповнити и такъ минавъ имъ часъ. Якъ зачалося смеркати, палиця перестала бити, дѣтей зôбравъ страхъ и они пошли шукати отця.

„Сонце вже заходить, вечеръ настае, хôдѣть до дому!“ кликали они по лѣсѣ; але нихто не обзывався. „То мы вже заблудили, любый Ивасику, мы тата не можеме найти; мусиме остати тутъ черезъ нôчь“, сказала Маруся; она была старша и мудрѣйша. — „Але я ся бою“, сказавъ Ивась на сесе.

„Но такъ пожди, я вылѣзу на дерево, ци не попозыраю якого свѣтла и пошлибысме потôмъ въ ту сторону“ потѣшала го Маруся и доразъ таки полѣзла на дерево. Изъ дерева позырала доокола; а коли поглянула здалека мале свѣтло, закликала на Ивася, чтобы вже не боявся, злѣзла на дôлъ и пошла въ ту сторону, где видѣла свѣтло.

И выйшли изъ лѣса на зеленый лугъ; на тôмъ лузѣ узрѣли красну хижу, а была она изъ медяникôвъ. Ишли ажъ до окна, заглянули до середины и побачили тамъ стару бабу и дѣда.

„Пожди“, сказавъ Ивась, „я вылѣзу на стрѣху, зломлю кусникъ (дарабъ) медяника и буде намъ добре.“ — „Але якъ выйдуть на насъ“ съ боязнею сказала Маруся. Але Ивась бывъ вже на стрѣсѣ, ломивъ медяникъ и кидавъ Марусѣ на дôлъ.

И послала баба дѣда, чтобы пошовъ позырати, бо здаеся ѣй, якбы упавъ на дôлъ медяникъ. Выйшовъ дѣдо на дворъ и звѣдавъ: — „Кто то на моѣй стрѣсѣ ломить медяникъ?“ — „Нѣкто, то вѣтрець, дѣдоньку,“ тонкимъ голосочкомъ одповѣла Маруся подъ окномъ и дѣдо успокоився.

Дѣти наѣлися и лягли спати пôдъ окномъ. Рано Ивась опять вылѣзъ на стрѣху, чтобы наломити собѣ кусочкôвъ медяника — баба зновъ послала дѣдонька подивитися. Маруся хотѣла дѣда збути нѣчимъ але ôнъ ю узрѣвъ и пошовъ то повѣсти бабѣ.

„Скоро Ивасю, мусиме утѣкати, бо иншакъ буде съ нами зле,“ кликала Маруся до Ивася, бо чула, якъ баба посылае дѣда, чтобы привѣвъ дѣти и что ихъ она собѣ спече.

Ивась скочивъ со стрѣхи, Маруся вхопила го за руку и утѣкали скоро якъ только могли, куда ихъ очи несли. Дѣдо гнавъ за ними, зловивъ ихъ и замкнувъ ихъ до хлѣва. Тамъ ихъ годувавъ самими добрыми рѣчами, чтобы потовстѣли.

Одного дня прійшла баба и сказала имъ выставити палецъ (перстъ). А коли Маруся такъ учинила, баба его надрѣзала и сказала, что вже е досить товста. Натопили въ печи и готовилися ихъ спечи. Напередъ мала сѣсти на лопату Маруся, але она сказала, что не знае якъ то сѣдати и абы ѣй то баба показала. Баба сѣла, Маруся кивнула на Ивася и всунула бабу до печи. Потомъ дѣти утѣкли до дому до тата, котрый ихъ вже̂ бôльше не покидавъ.

За Боженою Ньемцовою.

ЧИЖЪ ТА ГОЛУБЪ.

Весною чижикъ молоденькій,
Такій спѣвучій, проворненькій,
Въ садочку все собѣ скакавъ,
Та якось у сѣльце й попавъ;
Сердечный въ клѣтцѣ рветься, бйеться...
А голубъ бачить тай смѣетьсься:
„А що? попавсь? отъ тобѣ й на!
Вже певно голова дурна...
Не бôйсь, менебъ не подурили,
Хочъ якъ бы не хитрили,
Бо я не Чижикъ! нѣ... отсе!“
Ажъ гулькъ — и самъ поймавсь у сѣльце.

Ото на себе не надѣйся,
Чужому лихови не смѣйся!

Леонидъ Глѣбовъ.

Коза—Дереза.

Бывъ собѣ чоловѣкъ та жона. Та поѣхавъ чоловѣкъ на ярмарокъ, тай купивъ козу. Привѣвъ до дому, тай пославъ свого старшого сына пасти козу. Только что до воротъ доганяе, а вже стоить тотъ дѣдъ у воротахъ съ палицею и питаеся: „Козонько моя мила, козонька моя люба! ци ты пила, ци ты ѣла“. — „Нѣтъ, дѣдоньку: я й не пила, я й не ѣла: только бѣгла черезъ мѣсточокъ, та вхватила кленовый листочокъ, только бѣгла черезъ гребельку, та вхватила водички капельку, — только пила, только й ѣла!“ — Отъ ôнъ взявъ того сына и убивъ тай закопавъ подъ корито.

На другій день посилае другого сына — меньшого. И только ставъ до воротъ догоняти той сынъ — то дѣдъ ставъ у воротахъ въ черленыхъ чоботахъ изъ палицею. Отъ ôнъ и пытаеся: „Козочка моя люба! ци ти пила, ци ти ѣла?“ — „Нѣтъ, дѣдусю, я не пила я й не ѣла: только бѣгла черезъ мосточокъ, та вхватила кленовый листочокъ, бѣгла черезъ гребельку, та вхопила водички капельку, — только пила, только й ѣла!“ — Отъ онъ взявъ и того сына убивъ и закопавъ подъ корито.

На третій день посилае вже жону. Отъ она погнала козу и у вечеръ стала доганяти до двору, а дѣдъ уже стоить у воротахъ въ черленыхъ чоботахъ съ палицею и питаеся: „Козонька моя люба, козонька моя мила, ци ты пила, ци ты ѣла?“ — „Нѣтъ дѣдуся: я не пила, я й не ѣла: бѣгла черезъ мосточокъ, вхватила кленовый листочокъ, бѣгла черезъ гребельку, вхопила водички капельку, — только пила, только й ѣла!“ — Отъ той дѣдъ убивъ и бабу тай закопавъ подъ корито.

На четвертый день погнавъ онъ уже самъ козу и только надогнавъ на дорогу, а самъ на просто пошовъ та взявъ тай ставъ на воротяхъ у черленыхъ чоботахъ, — тай пытаеся: „Козонько моя люба, козонько моя мила, ци ты пила, ци ты ѣла?“ — „Нѣтъ дѣдусю, я не пила, я й не ѣла: бѣгла черезъ мосточокъ, вхватила кленовый листочокъ, бѣгла черезъ гребельку, вхопила воды капельку, только пила, только й ѣла!“ Отъ, тогды онъ розсердився, пошовъ до коваля, выостривъ нôжъ и ставъ ю рѣзати. Но ножъ переломився. Онъ

пошовъ опять до коваля нôжъ вытрювати. Отъ коза поднялася тай побѣгла у лисиччину хату.

Отъ лисичка отямила . . . А она сидитъ на печи, тай каже:

„Я коза, — дереза,
За три копы куплена,
Пôвъ — бока луплена . . .
Тупу — тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Хвостикомъ замету,
Лабочками затопчу!“

Лисичка злякалась, выбѣгла изъ хижѣ, тай сѣла подъ дубкомъ. — Дивиться: иде вовкъ. А она и плаче и проситъ — каже: „Вовчику братчику! выжени менѣ звѣря неслыханого й невиданого.“ Вовкъ не выгнавъ тоѣ козы — напудився, тай выбѣгъ изъ хаты.

Лисичка опять пошла, сѣла подъ дубомъ — и плаче. Надойшовъ левъ. Она ему каже: „Левику братчику! выжени менѣ звѣря неслыханого й невиданого.“ Отъ, левъ пошовъ въ хату тай ставъ пытати: „А кто тутъ у лисиччинôй хижѣ?“

„Я коза — дереза
За три копы куплена,
Пôвъ бока луплена . . .
Тупу — тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Хвостикомъ замету,
Лабочками затопчу!“

Левъ злякався. — „Нѣтъ, каже, сестричко — лисичко, не выжену, боюсь!“

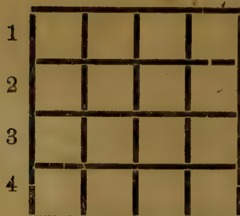
Лисичка опять пошла, сѣла подъ дубомъ и плаче. Ажъ надходитъ когутъ. Она каже: „Когутику — братчику! Иди, выжени менѣ звѣря неслыханого й невиданого.“ — Отъ прійшовъ когутъ и каже:

„Кукурику! Иду на ногахъ
Въ красныхъ сапогахъ, —
Несу — несу косу,
Тобѣ голову знесу
По сами плечи . . .
Вылѣзай-но съ печи!“

Коза впала на землю, тай убилась, а лисичка тогди съ когутикомъ живють тай поживають и добро наживають.

Народна Казка.

Загадка.

1 Хоронить дерево одъ зимна.

2 Полудневый часъ ѣды.

3 Назва стравноѣ зеленины, что пристигае въ лѣтѣ и въ осени.

4 Имя першого чоловѣка

Съ того мають выйти слова, котрѣ можна однако читати, якъ повздовжъ такъ и въ долину.

Редакціа „Вѣночка“ — дѣтямъ Пôдкарпатскоѣ Руси.

Посылаеме Вамъ перше число часописи призначеноѣ для Васъ. Читайте ю съ такою самою охотою, якъ мы для Васъ писали и печатали. Прочитайте ю такожъ тымъ, котрѣ читати не умѣють, меньшимъ якъ вы и старшимъ. А потомъ напишѣть намъ письмо або скажѣть пану учителеви, якъ Вамъ ся любило то, что Вы прочитали. И дайте намъ знати, чого бы Вы собѣ желали, абыхъ Вамъ тото у „Вѣночку“, сказали. Постараемеся такожъ, абы въ слѣдуючихъ числахъ были образки, котрѣ Васъ будуть займати. Числа „Вѣночка“ добре собѣ схованте, до конця року одержите ихъ двайцять а буде изъ ныхъ красна книжочка.

Содержанье.

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО“ ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.

Рôчникъ I. Ужгородъ, 10. марта (березня) 1920. Число 3. и 4.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 20. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и августа.	Выдае Школьный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.	Редакторъ: ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА. Предплата 4 К на рôкъ. Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (будинокъ губерніи).

Бланицкѣ лицарѣ.

Въ тяжкихъ часахъ, коли чоловѣкови ведеся не добре и мусить зносити прикрости, крѣпиться его надѣя на лѣпшѣ часы и додае ему потѣхи. Также и народы, коли жіють пôдъ непріятельскимъ ярмомъ, пестять въ своихъ серцяхъ надѣѣ на свое освободженя и поднесеня.

И такѣ надѣѣ высловлюють звычайно переказами и легендами.

Коли ческій народъ, колись сильный, славный, якій мавъ свою державу, достався пôдъ чужу власть и мѣсто его королѣвъ засѣли нѣмецкѣ Габсбурги, настали для него недобрѣ часы. Нѣмцѣ намагалися всѣми силами о то, чтобы его вынародовити и понѣмчити.

По роковôй битвѣ на Бѣлôй горѣ, коло Праги, где ческе войско было побите, цѣсарь Фердинандъ почавъ строго мститися на Чехахъ, котрѣ учинили пробу позбытися чужихъ володарôвъ. Тысячи родинъ ческихъ были прогнанѣ изъ отчины, великѣ розмѣры землѣ сконфисковано и роздано чужинцямъ, городы были позбавленѣ маеткôвъ, села спустошенѣ а сельскій людъ постепенно бывъ веденый подъ тяжке ярмо панщины. Чимъ дальше, тымъ было гôрше, тымъ бôльше, что много Чехôвъ забывало на свое ческе и

славянске походженя а помогало до того ще бôльшое гнобленя народа. Постепенно все ему было одбирано а нѣмчина продиралася до всѣхъ углôвъ ческоѣ землѣ, до уряду, до школъ и всюди; — ческій языкъ всюди осувано. Здавалося, что ческій народъ е засудженый на загибель.

Въ тыхъ добахъ вѣривъ однакъ ческій простый людъ, что въ найгôршôй хвилѣ достане помочь, что коли найбôльше звалиться на него зла доля и коли найбôльше буде на нѣмъ тяжѣти чужое ярмо — прійдуть освободити его Бланицкѣ лицарѣ.

На полудневый схôдъ одъ Праги, недалеко малого города Влашима, стоить невысока гора именемъ Бланикъ. О тôй то горѣ оповѣдавъ собѣ ческій народъ одъ давна, что внутрѣ еѣ суть величезнѣ салѣ, въ котрыхъ сплять ческѣ лицарѣ повнѣ зброѣ, и что тѣ подъ проводомъ св. Вацлава, ческого князя, выѣдуть колись на помочь ческому народови и побьють его ворогôвъ а передовсѣмъ Нѣмцѣвъ.

Народъ терпѣвъ и ждавъ.

Але чекаючи, не заложивь рукъ, не спускався на чудесну помочь, яку обѣцьовавъ ему переказъ о бланицкихъ лицаряхъ.

Въ часѣ, коли въ городахъ ческій языкъ, ческа мова были выгнанѣ и все было нѣмецке а передовсѣмъ уряды и школы, ческій простый сельскій людъ вѣрно захове дѣдицтво (спадщину) по своихъ предкахъ — матерню мову ческу. Тымчасомъ, коли въ палатахъ вельможôвъ и дворянства и въ домахъ мѣщанъ все бôльше и бôльше ширилася чужина — въ ческихъ хатахъ стерегли народный скарбъ ческого языка и зберегли его.

Зъ люду ческого выйшли помалу его освободителѣ — але не мали они блескучоѣ одежи лицарскоѣ, не мали острыхъ мечôвъ и копій — только ческу книгу, котрою будили спячихъ, укрѣпляли тыхъ, что стерегли а воювали противъ одчуженю. Цѣлый рядъ е тыхъ труженникôвъ, котрымъ ческій народъ давъ имя „будителѣвъ“, бо они направду будили его и пробудили до житя по тяжкôмъ снѣ, что трывавъ цѣлое столѣтя.

То были сѣ его бланицкѣ лицарѣ. Довгій ихъ рядъ а ческа исторія записала ихъ имена золотыми буквами до своеѣ книги.

По добѣ терпѣнь и недолѣ, пониженя и порабощеня засвѣтала поволи надѣя — переконаня, что не можна, абы з'усиля чужинцѣвъ понѣмчити цѣлый народъ сповнилися, что народъ буде жити, коли мае волю до житя, если хоче одолѣти ворожому змаганю: А число его труженниковъ: письменниковъ, ученыхъ, поетôвъ, художниковъ и композиторôвъ все бôльше и бôльше росло.

Лицарѣ правдивоѣ працѣ и вытрывалости суть ческѣ будителѣ: Добровскій, Колларъ, Шафаржикъ, Паляцкій, Гавличекъ, Челяковскій, Тиль и всѣ тѣ, котрѣ съ ними и по нихъ працювали надъ пробудженямъ ческого народа, помаючи, чтобы онъ розвинувся культурно и економично. Тымъ способомъ бывъ онъ приготовленый до своеѣ цѣли и ту осягнувъ народъ у свѣтовôй войнѣ, коли подъ проводомъ нинѣшного президента Т. Г. Масарика — освободився и заложивъ собѣ опять свою державну самостойность.

А такожъ для Пôдкарпатскоѣ Руси засвѣтала нова доба.

И она освободилася изъ подъ чужого ярма.

Але и она мусить нынѣ працьовати вытрывало и крѣпко якъ колись працьовали Чехи, чтобы способнѣ были одолѣти ворогôвъ и дочекатися хвилѣ освободженя.

Руськѣ дѣти Подкарпатскоѣ Руси! Для Васъ настала нынѣ нова доба и нове житя. Не въ чужôй школѣ але у своей власнôй народнôй, руськôй, можете нынѣ образоватися. Можете, а раньше вы не могли, бо школа была чужа, мадярска. Нынѣ маете свою школу и любить ю.

Любить ю для того, что до Васъ приходить съ любовю и хоче вамъ дати то найлѣпше, освободженя изъ темноти, хоче Васъ учити лѣчшому знаню, отворити Вамъ брамы до тыхъ скарбôвъ вѣдомости, котрѣ до теперь были зачиненѣ. Вы старшѣ маете ще богато доповнювати, что занедбалисьте не изъ вашоѣ вины. Чтобы вы и теперь не мали вины проти собѣ самымъ и своеѣ отчины, что занедбуете науку и школу. Кто до школы не ходить и не учиться, допускаеся тяжкого грѣха проти собѣ самому и своеѣ отчины, котра такъ богато потребуе для поднесеня по тôмъ занедбаню, до якого ю допровадили найбôльшѣ непріятелѣ и гнобителѣ.

Учиться, чтобысьте могли читати сами для себе и поучоватися але такожъ, чтобы вы могли перечитати краснѣ

рѣчи и тымъ, котрымъ доля не дала научитися читати и писати и не могуть черпати изъ скарбôвъ, якѣ мѣстяться въ книгахъ.

Будьте Вы тыми лицарями, якихъ мавъ братнiй Вамъ народъ ческiй: не оглядайтеся на то, что вы еще сами молодѣ и малѣ, что многѣ изъ тыхъ, котрыхъ маете збудити суть старшѣ одъ Васъ и бôльшѣ.

Что Вамъ въ школѣ скаже учитель, что вы перечитаете въ книжцѣ и у тôй Вашôй новинцѣ, оповѣдайте и читайте въ дома и побачите, что будуть Вамъ за то вдячнѣ тѣ, котрѣ сами не могуть изъ неѣ перечитати. Скажѣть всѣмъ, что Вы теперь дѣти свободного народа, котрый мусить быти того свѣдомый, что онъ е народомъ руськимъ и руськимъ остане, по руськи буде чувствовати, думати и працею та образованямъ приготовляти собѣ лѣпшу будучность.

„Въ працѣ и науцѣ лежить Ваше спасеня“. **Я. Р.**

РУСЬКА МОВА

Руська мати насъ родила,
Руська мати насъ повила,
Руська мати насъ любила:
Чому мова ей не мила?
Чомъ ся невъ встидати маемъ?
Чомъ чужую полюбляемъ?

(Маркiянъ Шашкевичъ).

Соколъ.

Подивѣться на образокъ! Побачите птицю струнку але сильну и красну. Розглядаеся по краю а по хвилѣ взнесеся у повѣтря и буде тамъ кружити по синихъ облакахъ все высше и высше, ажъ буде намъ видный якъ мала точка. Яка то сила крклъ, яка то одвага, яка то краса.

Милѣ дѣти! Якъ той соколъ мусите быти, а если кто тобѣ скаже, хлопче, ты гейбы соколъ, то ты е соколъ и то для тебе честь.

Длячого? Для того, что тебе хвалять.

Длятого, что тобѣ кажуть, что ты здоровъ якъ соколъ, красный якъ соколъ, быстрый и рухливый и что поступаешь такъ смѣло, одважно и благородно якъ соколъ.

Слухайте! Направду признасьте, что маете старатися о то, абы былисьте здоровѣ и абысьте хоронили свого здоровля якъ найдовше и найбôльше. Направду признасьте, что маете свои члены тѣла гибкѣ, своѣ змысли быстрѣ и что маете поступати съ цѣлею. Такъ будете, якъ бы соколы.

Того не осягнете безъ вправы. Такъ якъ соколъ запертый до клѣтки забывъ бы лѣтати, забывъ бы ловити добичу, закостенѣвъ бы, такъ и вы безъ вправъ былибысьте слабѣ, нездалѣ несмѣлѣ и боязливѣ.

Тому треба вправляти тѣло и змыслы.

А не лишъ то! Погляньте на сокола, якъ постойною вправою выправивъ свои змыслы, якъ спознавъ край, въ котрôмъ жіе, якъ научився познавати свôй лѣсъ и горы, свою родину и край. И вы мусите учитися, пильно учитися, если хочете быти якъ той соколъ, и якъ онъ любить свôй рôдной край, свôй лѣсъ и скалы, такъ и вы мусите любити свою семью, отця и матѣрь, своихъ братôвъ и сестеръ, свое рôдне село, дорогій край, въ котрôмъ вы народилися, народъ, котрого языкомъ вы говорите, любить державу котра о Васъ стараеться.

Видите сокола, якъ подноситься все высше и высше, якъ кружить у повѣтрѣ повный силы, и щасливый колышеся въ промѣняхъ сонця. Такъ и вы у своихъ гадкахъ и дѣлахъ прямуйте все дальше и высше до сонця правды, до красоты, старайтеся быти все лѣпшими и досконалѣйшими. „**Высше и дальше, все**

напередъ“ най буде вашимъ кличемъ. И може скажете милѣ дѣти, что тяжко то все, что одъ васъ хочу, дома сповнити: вправляти тѣло, острити змыслы, учитися, ублагородняти чувства, ити до добра и поступу, и народъ свôй та землю любити.

Тяжко одному вправлятися, тяжко учитися и робити добрѣ дѣла. Треба лучитися съ товаришами такъ само думаючими и съ ними працьовати разомъ.

Въ той способъ повстали сполки и товариства молодежи, мущинъ, дѣвокъ и женъ, котрѣ вправляють тѣло и члены, острять змыслы, учаться карности (дисциплины), зобовязуються любити свôй народъ и отчину, все хотѣти чинити добре и красне и при всѣмъ ити впередъ „удосконалюватися“ бо „высше и дальше, все впередъ“ есть ихъ приказъ.

Тотѣ сполки назвали себе „соколами“, чимъ означають, что ихъ члены хотятъ быти подобными до тоѣ красноѣ птицѣ. Называеме ихъ коротко соколами и шануеме ихъ тому, что въ бояхъ за свободу ческого народа, ческоѣ землѣ много учинили своею силою и одвагою, крѣпко боролися и перемогли ворога.

Поздоровляють они себе „na zdar“! — что значить, что каждый нашъ починокъ мае мати успѣхъ, все мае рости и удаватися.

Ихъ ознакою е крѣпкій мужъ съ мечемъ въ руцѣ подъ липою. Липа е святымъ деревомъ насъ всѣхъ Славянъ а означае взростъ, свѣтлость, добро и красоту. А мужъ смѣло глядѣючій впередъ означае силу и запалъ.

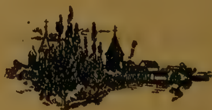
Дѣти! Вы не хочете быти такими соколами?

Въ Ужгородѣ е вже гимнастичне товариство „Соколъ“ а скоро буде и въ Мукачевѣ, Берегсасѣ и въ иншихъ мѣстахъ.

Зголошуйтеся всюды до „Сокола“! Вправляйтеся радо, учѣться пильно и побачите, что васъ буде тѣшити житя и свѣтъ.

Такъ отже до „Сокола“! — „Na zdar“!

Иосифъ Пешекъ.

ЗЕМЛЯ.

Чи тому, что ты убога
Земле, наша мати,
Маю йти за сине море,
Тебе покидати?

Не пôйду я за то море, —
Тутъ богато дѣла!
А что зроблю, все для тебе,
Моя мати мила!

Бо ты, земле, хоть убога,
Все-жъ ты наша мати,
И ты тôлько маешь право
До свого дѣтяти.

(Уляна Кравченко).

Свѣтова подорожъ краплины воды.

(Оповѣдае краплина воды.)

Съ подругами-краплинами жила я вольно у великôмъ морю. Гуляли мы и бавилися вѣки цѣлѣ, гойдалися и въ хвиляхъ сплѣталися. Почуеме тôлько, что десь вѣтеръ зашумить здалека, вже всѣ тремтиме, радѣеме. Иноդѣ качаючися на рыбонцѣ, заплаваешь Богъ знае якъ глубоко, а учуешь той звукъ и поспѣшаешь на гору, чтобы съ краплинками-подружками за ручeньки побратися и съ вѣтрами погратися.

Дмухають вѣтры надъ нами, лоскочуть насъ, розбурхують, затремтиме мы разомъ, затанцюеме, горами-хвилями здôймаемеся, важкими болванами покотимеся. За вѣтромъ всѣ поспѣшаеме, ажъ поки зустрѣнеме на шляху денебудь скелю або берегъ.

Ударимеся всѣ разомъ засмѣемеся, розскочимеся и зновъ въ море повернеме. Пристанеме до иншихъ, что въ такôй же гуртъ — хвилю вже зôбралися и за нами поспѣшають.

Бьемеся съ ними объ скелю або объ берегъ и зновъ назадъ повертаеме.

И часъ довго ишовъ.

Якось то въ соняшнôй день гуляла я съ подружками: мы ганялися за човнами, до стерна чиплялися и плыли далеко. Было ясно соняшно и такъ гарно на поверхнѣ, что не хотѣлося спускатися въ глубину.

Нѣма тиша деколи порушовалася скиглѣнямъ чайки, что лѣтала надъ нами и чогось шукала.

„Щасливѣ!“ — промовила одна подруженька.

„Кто?“ — звѣдала я.

„А отсѣ пташки, что высоко и вольно лѣтають у повѣтрѣ. А мы въ морѣ мабуть и не бачиме, что за нимъ дѣеться.“

„А такъ, а такъ, подруженько“ — зôтхнула я — хоть тутъ оно и весело, а всежъ таки хотѣлося бы полинути за пташками.“

„А знаешь что, голубонько, попросиме чайку-жалобницю, най она пôдниме насъ у повѣтря та понесе за море въ далечину.“

И стали'сме хвилювати и чайку просити:

„Голубонько бѣлогруда, возьми и насъ у повѣтря и вынеси за море въ чужѣ краѣ далекѣ.“

„Не можу васъ понести въ чужѣ краѣ далекѣ, бо маю недалеко одъ берега свое гнѣздо съ маленькими дѣточками. Не можу и лишити ихъ, бо плакалибъ за мамкою. Звернѣться вы до сонечка, оно вамъ допоможе пôднятися; звернѣться вы до вѣтру, онъ васъ понесе.“

А сонечко въ той часъ такъ весело сяло, что ажъ слѣпило насъ.

„Попробуемъ, — сказали мы и стали просити золоте сонце, чтобы допомогло намъ пôднятися у повѣтря.“

„Що дня мильоны васъ пôдоймаю я своими промѣнями золототкаными и вы того не бачите и вы того не знаете.“

„А ты, ласкаве сонечко, и насъ пôдойми.“

„Добре“ — промовило сонце.

Пригрѣло соняшне промѣня и мы почули, якъ невидимо знялися изъ води и почали пôдойматися.

II.

„Ага, мои подруженьки, я вже лину въ повѣтря.“

„И мы, и мы“, — почула я навкруги.

Глянула я, а навкруги никого не видно, тôлько и чути голосы.

Мы розпалися, розпилилися на малесенькѣ невидимѣ краплиночки, розсыпалися, у пару перетворилися.

Довго линули мы въ повѣтрѣ въ гору, довго стояли надъ моремъ, было въ повѣтрѣ мило и гарно. Вже сонечко съ пôвдня звернуло, якъ повѣявъ легенькій вѣтрецъ и погнавъ насъ, невидимокъ, изъ того мѣста, где мы были.

„Ану лишъ въ дороженьку, подруженьки,“ — сказала одна краплина. „Летѣть и не губѣть своихъ частиночокъ.“

„Всѣ будеме триматися купи“ — почулися голосы.“ И полинули'сме на крылахъ легкого вѣтру въ невѣдомѣ краѣ, въ далечину еще нечувану. Довго летѣли'сме надъ моремъ и все тѣшилися тымъ, что пôднялися изъ его поверхнѣ, что вольнѣ теперь. Не знали того, что краплина въ повѣтрѣ вольною не може быти, а летить туди, куди вѣтеръ несе.

Надъ вечеръ уже побачили'сме, что море лишилося за нами. Натомѣсть внизу простиралася чудова долина, укрыта зелеными килимами, поцятковаными рôжнобарвными квѣтками.

Вже сонечко заходило, якъ мы почули, что холодомъ насъ обхоплюе и тягне чтось до землѣ. Спускаемеся, радѣеме, бо хочеться побачити зблизька чарôзну зелену скатерть. Якъ зайшло сонце, мы почули, что наши частиночки одна до другоѣ пригортаються. Я знову почала бачити себе краплинкою, а денеде и иншихъ подруженькокъ.

„Подруженьки-краплиночки, заночуеме тутъ на шовковôй травицѣ,“ — сказала одна краплина.

„Заночуемъ, заночуемъ!“

Все близше и близше почалисьме до неѣ спускатися и въ концѣ розмѣстилися где кто мôгъ. Кто на листочку, кто на стебелинцѣ, а я щаслива упала на головку якôйсь рожевôй квѣточцѣ и одъ утомы скоро заснула.

III.

На другій день я прокинулася, глянула навкруги и здивувалася.

Сонечко уже зайшло и оповило пасмами своихъ промѣнѣвъ всю долину.

„Якъ любо тутъ менѣ“ — зôтхнула я и щѣльнѣйше притулилася до квѣточки.

„Любо и менѣ, краплиночко,“ — промовила квѣтка, — „та шкода, что не довго зо мною ты зостанешься. Кождоѣ ночи майже ктôнебудь изъ васъ ночуе тутъ, а прійде день, знимаетесь и лѣтаете въ дороженьку.“

„А я не хочу еще линути, менѣ и тутъ гарно“ — сказала я.

„То не одъ тебе залежить.“

„Аджежъ одъ мене залежало прійти до тебе на спочинокъ, на ноченьку, люба квѣточко?

„Нѣ, серденько! Якъ наступивъ вѣтеръ, похолоднѣло въ повѣтрѣ, а твои частиночки притиснулися одна до другоѣ одъ холоду, те саме зъ твоими подруженьками зробилося и всѣ вы перетворилися зъ пари невидимоѣ знову въ краплинки. А потôмъ росою впали вы на килимъ травы та квѣтокъ. Переночовали вы тутъ, спочиваете, поки пригрѣе сонечко, а тамъ знову оно розогрѣе васъ и знову парою легкою вы пôдôйметеся и въ дороженьку далеку полинете.

Розказуе менѣ квѣточка, а сонце уже высше та высше пôдбиваеться. Его промѣня все бôльше та бôльше огрѣвае мене. И почула я, что знову пôдôймаюся въ повѣтря легкою невидимкою, а разомъ зо мною и всѣ мои подруженьки.

Высоко, высоко пôднялися мы, а вѣтеръ тôлько и ждавъ, пôдхопивъ насъ и пôднѣсъ на своихъ грудяхъ. Летиме мы — радѣеме, новими краевидами утѣшаемеся. А на встрѣчу намъ чтось величне высуваеться бѣлою стѣною — перепоною становиться.

Еще не встиглисьме гараздъ приблизитись, а вже одчули, что холодомъ звôдтамъ дише. А наблизились — ажъ жахнулися: бѣла мертва скатертина пôдъ ними розостлалася.

„Ой, холодно, сестрички! Збирайтесь всѣ до купы, прискоримъ свôй летъ, чтобъ хутше поминути сесю бѣлу скатертину.“

Поспѣшали мы, губили свои частины, на скоро въ маленькѣ краплиночки зôбралися, одна до другоѣ притиснулися и важкимъ туманомъ понадъ снѣговыми горами розостлалися. Не летиме, а котимеся, бо важкими всѣ зробилися. (Доконченя слѣдуе.)

БАЖАНЯ МАТЕРИ.

Спи, моя люба дѣтино,
Въ теплôй колысочцѣ спи:
Най тобѣ доля навіе
Сонъ тихый, сонъ золотый!
Прокинешься, ручки простягнешь до мене
Лепетучи „мамо“ прокажешь менѣ
И слово те „мамо,“ найперше слово
За всѣ менѣ стане пѣснѣ . . .

Ще поки въ колисцѣ,
Мôй сынку, дрѣмаешь,
Въ житю таку долю
Для тебе бажаю:
Най правда, якъ мамка,
Тебе допильнуе.

А розумъ, якъ отець,
Тобою керуе:
Най люди про тебе
Розумного знають,
А мамку за сына
Добромъ споминають.

Три золотѣ волосы Дѣда-Всевида.

(Изъ К. Я. Ербена переложила Гелена Фотулъ-Чубиркова).

Было, та не было. Бывъ разъ одинъ царь, — той царь дуже любивъ ходити на половачку. Одинъ разъ пустився онъ до лѣса, где надыбавъ на одного оленя але заблудивъ. Была уже темна ночь, коли царь по великôмъ трудѣ найшовъ въ лѣсѣ одну хатку, — въ тôй хатѣ бывавъ съ женою одинъ угляръ. Царь попросивъ его, чтобы бывъ такій добрый указати му путь, котрою бы мôгъ изъ лѣса выйти.

„Пресвѣтлый царю, — гдесь бывъ теперь ишовъ въ таку велику тьму? — каже угляръ, — легни собѣ горѣ на пôдъ, инде

лѣпшого мѣста не маю, а тамъ есть сѣно, выспишься, а на рано я тя попроваджу“.

Пошовъ царь на пôдъ, лягъ собѣ, але не мôгъ уснути, бо зъ дну учувъ голосъ маленькоѣ дѣтины, котра тоѣ ночи народилася; бывъ то хлопчикъ; — и чуе голосъ одноѣ бабы, котра каже:

„Я дамъ тому хлопчикови такое, чтобы бывъ у великихъ непріемностяхъ“.

Друга каже:

„А я му дамъ такое, чтобы всягды бывъ щастливымъ и довго живъ“.

Третя каже:

„Но я му даю за жену тоту дѣвчинку, котра тоѣ ночи народилася тôй царици, что еѣ мужъ горѣ на подѣ спить“.

Царь, якъ тое послѣдное слово учувъ, такъ му было, якъ бы до серця мечь уколовъ; учувъ цѣлый судъ надъ малыми новонароджеными.

Не спавъ цѣлоѣ ночи. Рано дѣтина почала плакати. Углярь пошовъ до жены пробудити ю, чтобы дѣтя подойчила; але, — что видить? Жена умертва. Что теперь буде съ твою малою дѣтиною?

„Ахъ сиротко моя“! воскликнувъ, „что буду съ тобою робити“?

Царь уставъ, прійшовъ идъ углярови подяковати за ночлегъ, але якъ учувъ, что жена умерла, почавъ казати углярови:

„Дай ми то дѣтятко, я ся о нього буду старати и добре му буде; а тобѣ дамъ только грошей, что до смерти будешь мати зъ чого жити и не мусишь бôльше угля палити“.

Углярь бывъ тому радъ, а царь казавъ, что по хлопчика зашлe своего слугу. Якъ прійшовъ до дому, цариця го съ радостею привитала и указала дѣвчинку, котра тоѣ ночи народилася. Царь якъ бы и ничъ не знавъ, указовавъ радость; але въ серцѣ мавъ велику злость; прикликавъ до себе одного дворца и каже му:

„Пôйдешь тамъ а тамъ до того лѣса; найдешь тамъ одну хату, въ котрôй бываеть углярь; дай му тотѣ грошѣ, а онъ тобѣ дасть одно дитя. Тоту дѣтину возьмешь и на пути дагде у воду кинешь; если такъ не учинишь, самъ будешь воду пити, розумѣешь?“

Слуга пошовъ, ввявъ дѣтя, положивъ до одного кошика, пустивъ на воду где найширша была.

„Добру ночь незванный зятю“ — каже царь осмѣшливо, якъ му то слуга повѣвъ, что дитя пустивъ у воду. Царь гадавъ, что дѣтя утопилося; але оно плыло въ кошику на водѣ и заспало якъ

бы го дакто колысавъ; приплыло до одного мѣста, где была одна хатка, въ которôй бывавъ убогій рыбарь.

Рыбарь сидѣвъ на бережку и поправлявъ свою сѣть.

Видить, что на водѣ чтось плавле; скочивъ до своего човна и, что за диво, узрѣвъ, одно дѣтя въ кошику, — узявъ, принѣсъ до дому и женѣ радостно каже:

„Но жено моя! всегда нарѣкалась, что не маешь дѣтины, туй го маешь; принесла ти вода“.

Жена дуже зрадовалася, узяла и годовала якъ бы еѣ властное было; назвали го „Плавчикомъ“ ибо его вода принесла.

У двадцять лѣтъ зъ нашого Плавчика стався красный юноша, такій что по широкôмъ свѣтѣ не было къ нему рôвного. Одного лѣта, пошовъ царь зновъ на половачку самъ, безъ жадного водця. Было дуже горяче, хотѣло му ся воды пити; прійшовъ идъ хатѣ рыбаря, почавъ его просити, чтобы му давъ мало свѣжоѣ воды. Рыбарь розказавъ Плавчикови, чтобы наскоро свѣжоѣ воды донѣсъ и подавъ цареви. Якъ Плавчикъ подававъ ту воду цареви, тотъ такъ ся дивно на него попозеравъ и каже:

„Красного юношу маешъ рыбарю, есть то твôй сынъ“?

„Мôй, и не мôй“, одповѣвъ рыбарь: „майже тому двадцять лѣтъ, якъ приплывъ на водѣ въ кошику малымъ дѣтяткомъ а мы его выгодовали за своего“.

Царь на тѣ слова поблѣдъ якъ стѣна; познавъ, что то направду той, что го давъ утопити; скочивъ съ коня и каже:

„Потребую посла до своего царського двора, а никого съ собою не маю; можешь ты того молодця пустити“?

„Ваша царьска милость такъ розказуе, най иде“, одповѣвъ рыбарь.

Царь усѣвъ и написавъ своѣй царици одно письмо:

„Того молодого чоловѣка, которого ти тамъ посылаю, дай безмысленно мечемъ заколоти; бо онъ есть злый непріятель. Якъ вернуся, най буде сповнено. То есть моя воля, такъ я хочу“. Зложивъ письмо, запечатавъ и притисъ на него перстеньовый знакъ.

Плавничокъ узявши письмо, пошовъ. Ишовъ, ишовъ чрезъ одинъ великій лѣсъ, где и заблудивъ; зострѣтивъ онъ одну стару бабоньку.

„Где идешь Плавчику мôй“?

„Иду съ письмомъ до царського двора, а заблудив'емъ. Не могли бысте ми, стара мамко, указати праву путь“?

„Днесь то уже дармо сынку мôй, тамъ не дойдешь, есть велика тьма“, одповѣла бабонька.

„Зостанешь у мене на ночь; я тобѣ и такъ не чужа, тадь я твоя крестна мати“.

Плавчикъ послухавъ ю, и не довгій часъ видѣвъ предъ собою одинъ красный домикъ. Бабонька дала доброѣ вечерѣ, по вечери настелила красну постѣль; лѣгъ собѣ и глубоко уснувъ.

Баба якъ тое увидѣла, прійшла до него и тихо узяла той першій листъ и дала на мѣсто того другій, въ котрôмъ такъ было написано:

„Сей молодець, котрого тобѣ тамъ посылаю, есть нашъ зять; нашу доньку безмысленно маешь дати за него. Такъ я хочу, то е моя воля. Якъ ся верну, най буде все сповнено“.

Царицѣ якъ той листъ прочитала, дала учинити велику свадьбу; такъ мати, такъ и донька еѣ не могли ся нарадовати, натѣшити надъ тымъ прекраснымъ хлопакомъ; а Плавчикъ? — не знавъ зъ радости, что чинити, что доставъ за жену царьску доньку. Но, але та радость довго не была, ибо о несколько днѣвъ прійшовъ царь до дому, а якъ звидѣвъ что ся стало, розгнѣвавъ ся на свою паню, чомъ такое учинила.

„Мôй любезный мужу, ты ми самъ то повелѣвъ, чтобымъ доньку дала за него, поки ты ся вернешь“! одповѣла царицѣ и подала му письмо.

Царь письмо вѕявъ позирати; — паперъ, письмо, печать, — все его, и все было предъ нимъ знакоме. Давъ прикликати идъ собѣ зятя, и почався одъ него звѣдати, что и якъ, где ходивъ. Плавчикъ все сказавъ, что заблудивъ въ однôмъ лѣсѣ, якъ зострѣтився съ одною бабонькою, котра называлася его „крестною‘, и у неѣ переночовавъ, бôльше не знае ничъ.

Царь заразъ познавъ, что то была та баба, котра предъ двадцять роками осудила его доньку за угляревого сына. Думавъ, думавъ, а потомъ каже:

„Что ся стало не можъ перемѣнити але иншакъ моимъ зятемъ не можешь быти лишъ тогды, если ми принесешь три золотѣ волосы одъ Дѣда-Всевида.

(Доконченя слѣдуеть).

Ракъ и ворона.

Летѣла ворона понадъ моремъ; позырае лѣзе ракъ. Она хапъ его и понесла черезъ болото у лѣсъ, чтобы сѣвши денебудь на голузи гарненько поснѣдати.

Бачить ракъ, что прійдеся пропасти и каже воронѣ:

„Ей, ворона, ворона! Знав'емъ твого батька и твою матѣръ, славнѣ были люди“!

„Угу“, одповѣдае ворона, не роззявляючи рота.

„И твоихъ братôвъ и сестеръ знавъ“ — каже ракъ — „что за добрѣ люде“!

„Угу“ — гугнить ворона, а рака крѣпко держить.

„Та вже хоть они гарнѣ были люде“ — каже ракъ, „а тобѣ не рôвня. Менѣ здаеться, что на свѣтѣ нема розумнѣйшоѣ надъ тебе“.

„Еге!“ — Кракнула ворона на весь ротъ и упустила рака въ море.

Одъ того часу якъ кого одурять хвальбою або лестивою мовою, то люде кажуть:

„Упустивъ рака изъ рота“.

А якъ кого остерѣгають, то кажуть:

„Гляди! не пусти рака изъ рота“! (Народна казка.)

Спѣванки и дѣточѣ забавы.

Подоляночка.

Дѣти роблять колесо, одна стае въ середину. Всѣ ходять тримаючися за руки и спѣвають:

Десь тутъ была подоляночка,
Десь тутъ была молодесенька.
Туть она стояла, до землѣ припала,
Личко не вмывала, бо воды не мала.
Ой, ой, встань подоляночко,
Обмый личко якъ ту скляночку,
Возьмися за боки, за своѣ скоки,
Подскочи до раю, бери дѣвча скраю.

Сорока.

Дѣти роблять колесо. Одна дѣтина бѣгае въ серединѣ махаючи руками. Дѣти спѣвають:

Летѣла сорока по зеленôмъ гаю
А за нею сороки при зеленôмъ ручаю.
Чей же мало насъ
А ты Оленко (имя) ходи до насъ.

Загадка.

I.

Розвязы загадки изъ попередного числа.

К	О	Р	А
О	Б	Ѣ	Д
Р	Ѣ	П	А
А	Д	А	М

II.

Бачить — не бачить,
Чути — не чуе,
Мовчки говорить,
Добре мудрує,
Кривду соромить,
Правды научае,
Часомъ жартуе,
Смѣшки справляе, —
Люба розмова;
Дай Боже, дѣти,
Зъ нею до вѣку
Знатись — дружитись.

Содержаня.

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО“ ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.

Рôчникъ I. Ужгородъ, 20. марта (березня) 1920. Число 5. и 6.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 25. каждого мѣсяця скрôмъ юлія и августа.

Выдае Школьный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодинокое число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ. (будинокъ губерніи).

Иванъ Амосъ Коменскій.

Иванъ Амосъ Коменскій,

учитель народôвъ.

Въ давнѣйшихъ часахъ не такъ легко было осягнути образованя якъ теперь. Теперь кожда дѣтина може ходити до школы и учитися.

Держава сама дбае про то, чтобы были школы, одповѣднѣ школьнѣ комнаты, добрѣ учителѣ, потрѣбнѣ книги и всѣ школьнѣ потребы.

Она домагаеся, чтобы кождый умѣвъ читати, тому что она знае, что и для неѣ такѣ люде е пожиточнѣ и для того постановляе законами обовязкове ходженя до школы. Длятого стараеся уможливити образованя и найбѣднѣйшимъ, зносить школьнѣ оплаты, дае убогимъ школярамъ даромъ книги и школьнѣ потребы а въ высшихъ такожъ грошевѣ запомоги (стипендіи.)

Чтобы дѣти найлучше науку розумѣли, признала наша держава, что въ кождôй школѣ треба учити дѣти на рôднôй мовѣ.

Давнѣйше такъ не было.

Учитися могли тôлько дѣти богачôвъ — а наука коштовала много.

Бѣднѣ дѣты хотѣли учитися, въ голодѣ, и мусѣли часто жити жебранымъ хлѣбомъ. Книги были дорогѣ и мало ихъ было — а въ бôльшости писанѣ латинскимъ языкомъ. Школа была довгѣ вѣки латинска а управляли нею священники.

Коли дѣтина изъ сельскоѣ родины хотѣла образоватися, мусѣла мати на то дозвôлъ одъ панôвъ, властителѣвъ великихъ маеткôвъ, а за той дозвôлъ мусѣли его родичи платити тяжкою роботою на панщинѣ.

Тому цѣнѣть высоко свою руську школу, где всѣ можете учитися своею матерною мовою, и где учителѣ стараються улегшити вамъ всѣми способами науку и зробити еѣ Вамъ приступною.

Теперѣшна школа е выслѣдомъ стараня многихъ любителѣвъ народа, котрѣ порозумѣли, якъ моральне и матеріяльне значѣня мае для народа школа. Теперѣшна школа е народна, она учить однаково кожду дѣтину безъ розлуки, ци еѣ родичѣ богатѣ ци бѣднѣ. Сего мѣсаця дня 28. марта

минае 328 лѣтъ якъ народився одинъ изъ найбôльшихъ мужôвъ ческого народа, котрого такъ Славяне якъ и всѣ иншѣ народы справедливо зачисляють до найзнаменитшихъ мужôвъ: е то Иванъ Амосъ Коменскій. Онъ присвятивъ цѣле свое житя для справы, чтобы школа стала лѣпшою якъ тогды была, абы учила добре и была приступна для всѣхъ.

Его краснѣ думки поволи однесли всюда побѣду. Тому справедливо называють его учителемъ народôвъ.

Однымъ изъ головныхъ его учительскихъ наукъ было, чтобы дѣтина была научована въ школѣ матерною мовою, а нѣякимъ правомъ мовою чужою. Въ Чехахъ всѣ люде люблять школу, дѣти ходять до неѣ радо, старшѣ сами дбають о то, абы ихъ дѣти не занедбовали ходженя до школы.

Знають, что значить коли чоловѣкъ умѣе прочитати собѣ дащо изъ новинокъ и книжокъ. Тому зъ вдячностею згадують Ивана Амоса Коменского, котрый надъ все любивъ народъ и свôй старався о поднесеня народа и его школы, хоть бывъ прогнаный изъ своеѣ ческоѣ отчизны, ненависными переслѣдователями вôльноѣ думки и мусѣвъ майже цѣле житя перебыти въ чужинѣ.

Особливо нынѣ згадують въ Чехахъ того великого мужа дуже сердечно, бо то онъ бывъ тымъ, котрый въ тяжкихъ часахъ переслѣдованя выголосивъ ческому народови пророчѣ слова; что колись опять настане часъ, коли по довгôй недолѣ самъ народъ у себе запануе и зновъ здобуде свою державну самостôйность.

А въ тôй самостôйнôй ческôй державѣ, Чехо-Словенскôй Републицѣ, буде школа предметомъ найбôльшоѣ опѣки, а въ нѣй зберѣгатися будуть святѣ слова, якѣ для школы проповѣдавъ Коменскій, и якѣ записавъ у своихъ красныхъ книгахъ.

Дѣточки Пôдкарпатскоѣ Руси, любѣть свою руську школу, учѣться пильно и съ вдачностею згадуйте Ивана Амоса Коменского, учителя народôвъ.

РÔДНА МÔВА.

(Изидора Воробкевича).

Мово рôдна, слово рôдне!
Кто васъ забывае,
Тôй у грудяхъ не серденько,
Тôльки камѣнь мае.
Якъ ту мову можъ забути,
Котрою учила
Насъ всѣхъ мати говорити,
Мати наша мила?!.

Ой, тому плекайте, дѣти,
Рôдненькую мову,
И учѣться говорити
Своимъ рôднымъ словомъ!
Мово рôдна, слово рôдне, —
Кто васъ забывае,
Той у грудяхъ не серденько,
Але камѣнь мае.

Найдорожшій скарбъ Ивана Амоса Коменского.

Дня 28. марта 1668. рока было незвычайно весело и гучно въ однôмъ домѣ славного мѣста Амстердаму. Тотъ дôмъ купивъ передъ дасколько роками панъ Гавріилъ Геєръ, родомъ изъ Голландіи, для друга свого И. А. Коменского, чтобы онъ мавъ тутъ спокойный притулокъ по довгôмъ блуканю по свѣтѣ. Коменскій бывъ тогда уже 64 лѣтный старець, струженый и утомленый и съ вдячностею принявъ тото предложеня свого друга и приклонника.

Притулокъ въ Амстердамѣ бывъ вповнѣ заслуженый за то, что Коменскій учинивъ для выхованя молодежи и удосконаленя школы. Англія и Швеція признавали его заслуги, только его рôдный край, съ котрого бывъ выгнаный ворогами поступу и свободы

и котрый погибавъ въ моральнôй и матеріяльнôй бѣдѣ, не смѣвъ признаватися до него. И чейже Коменскій носивъ отчину у серцѣ. Про неѣ думавъ, коли писавъ свои творы науковѣ и выховуючѣ, щиро дбавъ за своихъ землякôвъ розкиненыхъ по свѣтѣ, для нихъ у послѣднôй хвилѣ свого житя писавъ слова потѣхи.

Того дня святковавъ Коменскій 75. своѣ народины. Того дня зôбралось много его пріятелѣвъ и почитателѣвъ, чтобы высказати ему желаня, любовь и пошану.

Коли проминула святочна хвиля, засѣли всѣ до стола и пили за здоровля господаря. При концѣ ставъ Коменскій и сказавъ:

„Дорогѣ пріятелѣ! Днесь, коли виджу васъ коло себе, задумавъ я показати Вамъ скарбъ, дорожшій менѣ одъ дорогоцѣнныхъ каменѣвъ, золота и сребра“.

Середъ собраными гостями настала тишина. На лицяхъ всѣхъ появилося здивованя. Якъ бы мôгъ Коменскій заховати скарбъ, онъ, котрый всѣмъ потребуючимъ обильно роздароововавъ, забываючи всегда на себе!

Потôмъ Коменскій одойшовъ изъ комнаты, а по хвилѣ вернувъ, несучи въ рукахъ замкнену скринку. Поставивъ ею на столѣ и отворивъ ключемъ. Всѣ зацѣкавлено подивились на скринку, въ котрôй мавъ захованый скарбъ послѣдный епископъ Чеськихъ братôвъ.

Безъ слова отворивъ вѣко а всѣ изъ несподѣваня кликнули. Скринка была выповнена по самый верхъ землею, чорною землею!

Коменскій схилився до неѣ и поцѣловавъ.

„О други! Се единый скарбъ, котрого бережу якъ ока въ головѣ и котрый дорожшій для мене одъ золота. Тота чорна, суха глина, е жменя землѣ, въ котрой я народився, землѣ котроѣ я вѣрнымъ сыномъ, за яку я и другѣ блукають въ чужинѣ. Коли выходили мы зъ отчины, взявъ я троха сеѣ землѣ, на котрôй жили мôй отець, дѣдъ и прадѣдъ, котру скрапляли кровю и потомъ. А коли нужда и недоля найбôльше тиснули мои плечи, тогды одчинявъ я свôй скаръ и зъ него набиравъ вѣры и надѣѣ. О, други милѣ! Коли Господь мôй покличе мене до себе, прошу Васъ, вложѣть менѣ до домовины отсю дорогу землицю, а я спати буду щасливымъ сномъ, бо-жъ буду спати на рôднôй землѣ!“

Коли Иванъ Амосъ Коменскій умеръ, поховали его пріятелѣ въ На-Арденѣ и всыпали ему до труны порохъ рôдноѣ землицѣ, а такъ спить и въ чужинѣ на рôднôй землѣ, яку такъ невымовно любивъ.

(За Ченкомъ Тондеромъ).

МОЛОДÔСТЬ.

(Уляна Кравченко).

Молодости будь ангеломъ менѣ
У сѣй житя дорозѣ —
Веди мене на верхи свѣтлянѣ,
Пôддержуй у знемозѣ.

Будь зброею — грудь мѣдю одобри,
Коли зависнуть громы —
Дай смѣло пійти до яснoѣ меты
Безъ впину и безъ втомы.

Не мрѣею улудную, нѣ сномъ,
Что въ блеску дня злѣтае —
Молодости, до дѣла будь крыломъ,
Что слѣдъ трывкій лишае.

Свѣтова подорожъ краплины воды.

(Оповѣдае краплина воды). (Докончення).

А зъ снѣговыхъ гôръ до насъ голосы линуть, у гостѣ до себе кличуть.

„Прійдѣть до насъ, голубоньки, перетворѣться въ бѣлѣ легкѣ краплиночки, будемъ тутъ жити, зъ вѣтрами гратися, гуляти межи горами. Мы бѣлѣ та уродливѣ, такими и вы станете“.

„Кто се до насъ такъ говорить“? — спытала я.

Признатись — у мене была велика охота зробитись пухкою, бѣлою крапелинкою та мене перестерегла одна подруга.

„Лети“. — каже — „звôдси якъ наишвидше, не сѣдай тутъ на одпочинокъ, а то на вѣки тутъ мертвою останешься. Оте бѣле покрывало, что закутуе горы высокѣ, складається зъ крапелинокъ. Они были такѣ вôльнѣ якъ и мы. Лѣтали въ повѣтрѣ. Перелѣтаючи черезъ горы, они сѣли одпочити, перетворилися въ снѣгъ и тутъ вѣки мертвыми лишилися“.

Якъ почула я се, ажъ здрôгнулася. До вѣтру зъ благанямъ удалася, чтобы вынѣсъ скорше изъ сеѣ мертвоѣ пустинѣ.

Повѣявъ вѣтеръ, покотивъ насъ хвилями понадъ горами, укрытыми снѣгами. Поминули горы и опинилися высоко-высоко надъ рôвными полями. А чимъ высше въ повѣтрѣ, тымъ холоднѣйше. Не можеме на холодѣ мы быти невидимыми.

Частины наши одна за другою линуть. Зôбралися мы до краплинъ знову, одна до другоѣ притиснулись, чорною пеленою надъ землею розôслалися, навѣть сонце собою закрыли. Вѣтеръ гнавъ насъ все далѣ и называвъ насъ **хмарами**. Мы въ хмару перетворилися. И стали такими важкими, что не могли уже въ повѣтрѣ триматися.

„Ой лишенько, подруженьки, я падаю“, — закричала одна. За нею друга, третя такъ перекричала и до землѣ полинули.

И я не могла удержатися и такожъ полетѣла на землю. А поручъ за мною летѣли миліоны такихъ краплинокъ, якъ и я. Падали мы на ниву засѣяну хлѣбами и чули, якъ ростинки, радѣючи, казали:

—Дощикъ, дощикъ на поживу намъ изъ хмароньки падае.

Се насъ они звали дощикомъ, се намъ они такъ радостно усмѣхалися. Послѣ я довѣдалася, что мы дуже бажанѣ всѣмъ ростинамъ, что безъ насъ они и жити не можуть та про се не буду оповѣдати, а буду провадити далѣ про свою подорожъ.

IV.

Падали мы дощемъ на землю. Деякѣ въ суху землю всмоктувалися, обôймали корѣня ростинъ та напували ихъ водою. Я упала на стеблину та такъ и пробыла тамъ, ажъ поки пригрѣло сонце, а потôмъ знову въ повѣтря пôднялася, декôлько разôвъ на землю падала, чтобы переночовати и зновъ полинути съ подругами. Декôлько разôвъ густымъ туманомъ надъ долинами розстелялася съ иншими, а рано съ вѣтромъ линули мы въ гору, тамъ збиралися въ хмары дощевѣ, слухали гуркоту грому та пôдперѣзовалися поясками блискавицѣ. Довго, довго перелѣтала я надъ землею съ мѣсця на мѣсце.

Разъ высоко — высоко я залетѣла съ иншими и тамъ такій холодъ бывъ, что мы всѣ зраву покацябли: закаменѣли, [illegible] давалися, поробилися твердыми та бѣлыми кульками

Деякѣ поодинцѣ, а деякѣ склалися до купы и здавалися такими великими, что ажъ страшно было дивитися. И тутъ не могли мы удержатися. Полетѣли на землю. Зашелестѣли въ повѣтрѣ, зъ розгону падали на нивы, что вже колосками проти неба красовались.

„Ой горенько! гинеме“! почули звôдси жалôбнѣ голосы. — „Не бôйте насъ, а змилуйтесь“. То колоски насъ благали, а мы падали и своею вагою торощили на гамузъ ростины. Богато хлѣба тогды мы знищили: люде ходили и плакали та казали;

„Господи! И начто Ты посылаешь на насъ таку напасть? Начто градомъ нищишь Ты нивы, труды наши кровавѣ?“

Шкода намъ было и людей и ростинъ та не виннѣ мы въ тому, бо то вѣтеръ загнавъ насъ у таку высочѣнь, де холодъ сковавъ насъ у зерна граду.

Довго лежали мы бѣлымъ покровцемъ та слухали тяжкѣ людскѣ жалѣ. А пригрѣло сонце и розтали мы та струмочками швидкими покотилися зъ горбôвъ. Хотѣлося скорѣйше утекли одъ того горя, что мы наробили. Розôгналися мы на похилому рôвчаку, а звôдти попали въ рѣчку.

Въ рѣчцѣ тôй мы одна съ другою стрѣчалися та розказовали одна другôй про своѣ подорожи. Были такѣ, что всю землю вже облѣтали и пôдъ землею побывали, а были и такѣ, что окрôмъ моря та рѣчокъ ничого не видѣли.

И такъ непомѣтно розмовляючи, увійшли мы въ велику рѣку. По нѣй плыли важкѣ пароплавы, човны: въ водѣ гралася рыба, табунами скрôзь плавала. Довго менѣ дуже нагадовало мои рôднѣ мѣсця въ океанѣ, але простору такого вже не было. Скôлько часу пробыла я въ морѣ, не знаю. Богато тамъ было гарного, а всежъ таки мене манило въ подорожъ, якъ уже разъ скоштовала еѣ.

Що дня зъ благанямъ до сонця я зверталася, чтобы вынесло мене звôдти.

И сонце змиловалось. Знову я полинула съ подруженьками въ повѣтря понеслася надъ землею. Тôльки дивнымъ намъ здалося, что повѣтря и надъ землею было холодне и, где бы мы не пролѣтали, скрôзь земля буде укрыта зеленою пеленою. А вѣтеръ несе насъ та спѣвае: зима, зима.

Холодно скрôзь было и сумно. На нôчь мы осѣлися на голыхъ деревахъ въ однôмъ лѣсѣ краплинками. Прокинулися ранкомъ и не пôзнали свого пристановища. Дерева всѣ укрылися бѣлыми квѣтками. Здавався лѣсъ якимсь казковымъ зачарованымъ. А тожъ мы и прибрали его та уквѣтчали, бо осѣвшись тутъ краплинами, перетворилися одъ холоду на морозъ. Днѣвъ зо два радовався нашимъ шатямъ та вылисковався проти сонця, а потôмъ — охъ, ажъ страшно згадати!

Дмухнувъ вѣтеръ, небо окрылося хмарами. Зашумѣло, загуло. Посыпалися снѣжинки, якъ рôй пчôлъ изъ неба. Засыпало снѣгомъ яры, по рôвныхъ мѣсцяхъ вставали горы, гулявъ вѣтеръ, грався изъ снѣгомъ, **бурю и заметѣль**—снѣговицю робивъ надъ землею.

Мене и деякихъ подругъ зôрвало съ дерева и занесло до якоись хаты и тамъ положило въ снѣгову купу пôдъ плотомъ.

„Оттутъ уже намъ и смерть, — сказала сусѣдка подруженька“.

„Оттутъ мабуть мы и вѣкъ свôй звѣкуеме, якъ тѣ бѣднѣ, что лягли на горахъ высокихъ, — додала я“.

Тамъ пролежали мы до весны.

Весною сонечко пригрѣло.

Розтопило насъ.

Деякѣ просто въ повѣтря полинули, а я съ подруженьками въ землю всмокталася. Въ землѣ мы довго внизъ ишли. Всякѣ грунта переходили и въ концѣ дôбралися до такого, что не могли вже засмоктатися. Зôбралося насъ тутъ богато: невеличкимъ струмочкомъ по похилому грунтѣ потекли пôдъ землею. По дорозѣ зострѣчали мы богато своихъ родичѣвъ, перерывалися въ великѣ пôдземнѣ озера, зъ озеръ находили выхôдъ и далѣ поспѣшали. Въ концѣ одного дня почули мы, якъ переднѣ зашумѣли и радостно закрычали:

„Сестрички, скорше сюда! Свѣтло, свѣтло“!

Побѣгли мы, а на сустрѣчъ намъ такъ и сіяе день, знову слѣпить. То была дѣра въ горѣ, **жерело**, и мы крôзь него знову на божій свѣтъ вырвались изъ темного царства изъ пôдъ землѣ. Потекли мы съ горы быстрымъ струмочкомъ и попали знову въ рѣчку, а зъ рѣчки мене якійсь рыбакъ вытягъ изъ рыбою и выкинувъ на берегъ.

Оттакъ я и опинилася на квѣтцѣ.

А теперь знову кличе мене сонечко у подорожъ знову полину я по бѣлому свѣтови.

Краплина воды невидимою парою знялася съ квѣтки и полетѣла у повѣтря.

Юрій (Сѣрый).

ГЕЙ, БЫКИ!

(Степана Руданьского).

Та гей, быки! Чого-жъ вы стали?
Чи поле страшно заросло?
Чи лемѣшь иржа поѣла?
Чи затупилось чересло?
Впередъ, быки! бадиля зосхло,
Сами валять ся будяки,
А чересло, лемѣшь новіи...
Чого-жъ вы стали? Гей быки!...

Та гей, быки! Ломѣть бадиля,
Ломѣть его, валѣть на прахъ:
Най не буде того зѣля
На нашихъ батькôвскихъ поляхъ!
А чересло мое излѣва,
Лемишъ изъ правоѣ руки
Зотнуть и корѣнь того зѣля, —
Чого-жъ вы стали? — Гей, быки!...

Та гей, быки! Зоремо поле,
Посѣемъ ярее зерно;
А спаде дощикъ — незабаромъ
Зъ землѣ пробудиться оно,
Пробудиться и на свѣтъ гляне,
И, якъ дѣвочіи вѣнки,
Зазеленѣють наши нивы, —
Чого-жъ стали? Гей. быки!...

Та гей, быки! Зерно поспѣе,
Обôлье золотомъ поля,
И потече изнову медомъ
И молокомъ свята земля;
И все мине, що гôрко было,
Настануть дивніи роки, —
Чого-жъ вы стали, мои дѣти?
Пора настала! Гей, быки!...

Три золотѣ волосы Дѣда-Всевида.

(Изъ К. Я. Ербена переложила Гелена Фотуяъ-Чубиркова)

(Продовженя).

Гадавъ царь, что такимъ способомъ избудеся своего непріемного зятя. Плавчикъ съ жалемъ въ серцѣ пустився у дорогу. — Где? самъ не знавъ. Ишовъ довго, черезъ горы, лѣсы, долины и вертепы, прійшовъ онъ идъ чорному морю. Ту видить одну лодку, а въ нѣй одного старця.

„Дай Боже гораздъ, старый вознику“!

„Дай Боже, молодый путнику; а где идешь“?

„Къ Дѣду-Всевиду, по три золотѣ волосы“.

„Ахъ, ахъ! давно я чекаю на такого чоловѣка; двадцять лѣтъ якъ на тôй лодцѣ кождого перевожу а нѣтъ мня кто одмѣнити. Пообѣцяешь ты, что позвѣдаешься Дѣда-Всевида, коли уже буде моѣй службѣ конець? — такъ тя перевезу“

Плавчикъ пообѣцявъ, а старикъ его перевѣзъ. Потомъ прійшовъ къ другому мѣсту, где видѣвъ предъ собою одинъ замокъ; предъ замкомъ стоявъ сторожникъ.

„Дай Боже гораздъ, честный страже“.

„Дай Боже и тобѣ молодый путнику, а где идешь“?

„Къ Дѣду-Всевиду, на три золотѣ волосы“.

„Ой, ой! Давно я чекаю на такого человѣка; мушу тя ознаймити своему цареви“.

Прійшли передъ царя и чуе такій розказъ:

„Чую, что хочешь ити къ Дѣду-Всевиду; скажи му дакъ, — что была ту одна яблонь, на котрôй ся родили такъ

яблока, что старый, якъ изъ нихъ ѣвъ, помолодѣвъ, а молодый, если хотѣвъ постарѣти, то постарѣвъ. Теперь же та яблонь уже двадцять лѣтъ не дае плоду. Позвѣдайся, что ѣй за причина? Если ми то пошлюбишь, пущу тя дальше“.

Плавчикъ пообіцявъ и пошовъ дальше.

Прійшовъ идъ третьому мѣсту, где видѣвъ, что одинъ молодый юноша сидить на лавицѣ и горечно плаче, ибо въ той день поховали его отця.

„Дай Боже гараздъ, смутный юноше“!

Дай Боже и тобѣ путниче, а где идешь“?

„Иду идъ Дѣду-Всевиду по три золотѣ волосы,“ одповѣвъ Плавчикъ.

„Ой, ой! Чому скорше не прійшовесь; мôй царь давно чекавъ на такого человѣка якъ и ты, теперь мушу тя повести до царя“.

Прійшли въ дни, коли ихъ царь привитавъ и каже:

„Чую, что хочешь ити идъ Дѣду-Всевиду: пущу тя дальше але такъ, если ми пошлюбишъ, что позвѣдуешься одъ него, что тота керниця, что ту е, а передъ двадцять роками така зъ неѣ вода текла, якъ у мертвому дали одну каплю — вставъ, а коли живому, такъ померъ, если хотѣвъ умерти; чомъ теперь не тече зъ неѣ вода“?

Плавчикъ и то пообѣцявъ. Царь го пустивъ, а онъ пошовъ. Ишовъ довго, довго черезъ великѣ лѣсы и вертепы, надойшовъ онъ до одного чорного лѣса; разъ только увидить предъ собою зелену луку а на нѣй золотый замокъ Дѣда-Всевида. — Плавникъ уйшовъ до замку, але не найшовъ тамъ никого, лишъ въ однôмъ кутѣ стару бабоньку; она сидѣла и пряла.

„Витай, витай Плавочку мôй“! каже, „рада тя виджу“.

Была та сама баба, его крестна, что ся съ нею зострѣтивъ въ тôмъ лѣсѣ, где заблудивъ и у неѣ переночовавъ.

(Докончення слѣдуеть).

Бывшій королѣвскій замокъ въ Празѣ, въ котрôмъ нынѣ бывае президентъ чеськословенскоѣ републики Т. Г. Масарикъ и ческа верховна влада. Въ серединѣ храмъ св. Вита. На передѣ камѣнный мôсть, котрый соединяе береги Велтавы, а котрый давъ выбудовати ческій король Кароль IV.

ПѢСНЯ.

(Прислав до редакціи „Вѣночка“ Штефанъ Деркачъ, ученикъ въ Раковцѣ.)

Синя гора неорана,
Лишъ кулями засѣяна,
На тôй горѣ воякъ лежить,
Въ правôй руцѣ саблю держить.

Коло него коникъ его,
Гребе ножковъ жально,
Анѣ ямки анѣ ярка
Анѣ ньанька ани мамки.

Нѣкому ми потужити,
Нѣкимъ дати зазвонити.
Звонятъ конѣ у подковы
А гусарѣ въ шаркантьовы.

А ты мамко возьми пѣску
Та посѣй го по каменю;
Якъ изъ пѣску жито взійде
Тоды сынъ твôй дому прійде.

Вовкъ и лисиця.

Разъ на одну свадьбу кликала лишка вовка. Каже: Куме! пойдѣмъ на свадьбу.

Я быхъ, кумице, йшовъ, айбо боюся, ожъ убють. Лишка пошла. Зайшла тамъ и збирала скôрки, що падали, тай ѣла, а вовкови унесла разъ, двѣчи полизати кôстокъ. Но, каже, кумочку, иди й ты, бо я уже пяна.

Я быхъ, кумице, йшовъ, ай боюся, ожъ убють.

Не бойся, каже лишка.

Пошовъ вовкъ до хижѣ тай збирае кôстки.

У хижѣ ся утямили, та кажуть: вовкъ, вовкъ, вовкъ! И тамъ його побили. И онъ утѣкъ звѣдти и сѣвъ собѣ на боцѣ та сидить. Лишка якъ тото учула, побѣгла та покачалася у паздѣрѣвъ, а паздѣря набралося на ню.

Каже вовкъ: Ой кумо! покликала ты мене а мене позвѣдали та голову ми розвалили.

Она каже: Мене й не такъ побили; позирай! Зъ мене кôстки летять; я вже жити не годна. И потрясеся, а зъ неѣ паздѣря летять. Каже, кумочку! Я звôдти не годна ити.

Узявъ ю вовкъ на плечи та несе. А она тогди спѣвае ему; Несе битый небитого, несе битый небитого.

— Що ты, каже, кумочко говоришь?

Лишка каже: Снить ми ся, що мя дуже побили.

— Ай нѣтъ, каже, — кумо, я виджу, ожъ тебе не били, та ты спѣваешь. Народная казка изъ Солойина, Берегскоѣ жупы.

Спѣванки и дѣточѣ забавы.

Медвѣдь.

Дѣти роблять колесо и спѣвають а медвѣдь якъ збудится то ловить а всѣ утѣкають.

Старый медвѣдь моцно спить
Мы го не збудиме,
Бо ся всѣ боиме
Якъ ся збудить то насъ зѣсть.

Зайчикъ.

Дѣти роблять колесо и спѣвають. Зайчикъ стоить въ серединѣ:

Тамъ у лѣсѣ малѣ дѣти
И збирають гарнѣ цвѣти
И забаву изробили
И зайчика сполошили.
Гулѣ зайчикъ утѣкае
И лапками подкидае.
Якбы мы такъ лапки мали,
Мы бы такожъ утѣкали.

Почтильонъ.

Дѣти ходять одна за другими колесомъ на передъ, роблять млынокъ руками, потому показують на головѣ шапочку и трублять въ руки.

Ѣде, ѣде почтовый возочокъ.
На нѣмъ, на нѣмъ почтовый панъ.
На головѣ шапочка, а въ рукахъ трубочка,
Труру, руру, почтовый панъ.

Одгадка на загадку въ попереднôмъ числѣ.

Кто-жъ то такая
Въ свѣтѣ щаслива,
Мудра правдива
И жартовлива?

Якъ не вгадали,
Стану въ пригодѣ:
Рѣчь коротенька —
Книжка — тай годѣ. **(Дѣдусь Кенира).**

Загадка.

Щобъ дѣтямъ веселѣше было,
Пущу я загадку прехитру:
Пійшовъ смеркомъ я за село,
Щобъ повернути млынъ до вѣтру.

Дивлю ся — зъ поля щось бѣжить,
Неначе бѣсова отара,
Шумить, гуде и торохтить,
А курява така, якъ хмара!

Отъ-отъ на мене налетить..
Я зъ переляку скокомъ-бокомъ
Та у бурянъ — духъ притаити
И выглядаю однимъ окомъ.

Щось двое въ переду гудуть,
За ними двое ще женуться,
Бѣжать, ниякъ не доженуть
И зо-зла ажъ объ землю бьються..

Курить мара, все торощить, мне,
Чи то ловина, чи цеглина ..
Гараздъ, що втѣкъ, а то й мене
Не обойшла-бъ лиха година.

Пробѣгло.. зникло у лѣску,
А я на-втѣкача до-дому,
Та про оказію таку
И досѣ не хвалюсь нѣкому.

Колись се дѣтямъ передамъ, —
Най ихъ розумъ молоденькій
Мѣркуе и розкаже намъ
Про той переполохъ дурненькій. **(Дѣдусь Кенира).**

Содержаня.

ШКОЛЬНѢ КНИГИ

букварѣ, читанки, учебники физики, исторіи, географіи, геометріи, аритметики зоольогіи, астрономіи, граматики: руськоѣ, латиньскоѣ, грецкоѣ и иншихъ мовъ, ноты спѣванки и т. и. можна одержати въ книгарнѣ „Уніо" и Германа Рота въ Ужгородѣ.

Головный складъ книжокъ у Михайла Лилы въ Кошицяхъ, ул. Почтова 11/15.

При гуртовыхъ закупахъ въ головнôмъ складѣ даеся на всѣ книги отпустъ.

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО" ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.

Рôчникъ I. Ужгородъ, 25. апрѣля (цвѣтня) 1920. Число 7. и 8.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 25. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и августа.

Выдае Школьный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (будинокъ губерніи).

РУСЬКИМЪ ШКОЛЯРАМЪ.

(Написавъ Я. Щоголѣвъ).

Учѣться, дѣти! мудра книжка
Скаже вамъ чогось богато
Зъ того, что колись другими
И посѣяно и пожато.

Тôлько вы не озывайтесь.
У книжкахъ на кождый голосъ:
Геть одкиньте чорный кукôль,
Выбирайте чистый колосъ!

Та и те запамятуйте,
Что для всякого народа,
Ще одна е зъ книжокъ книжка,
Та, что мы звеме природа.

Йдѣть на горы, тихій берегъ,
Въ рай, зелену дôброву:
Тамъ вы чуете чтось друге,
Иншѣ рѣчи, иншу мову.

На травѣ и квѣткахъ росинка
Шелестѣня и гомôнъ тôльки,
Щебетаня и пѣсня пташки,
Скрипъ жука, гуляня пчôлки.

Де гамору не бывае,
Другимъ чимсь на васъ подишуть
И въ душѣ добра и правды
Свôй сьвятый законъ напишуть.

А якъ станете шукати
Середъ жизненоѣ нивы
Чоловѣка, — не жалѣйте
Лити чистоѣ оливы

У лѣхтарню; бо безъ свѣтла
Наткнетесь на лѣсъ дрѣмучій,
Де розшарпають васъ звѣрѣ
И пожалить гадъ шипучій.

И ворогамъ вы не дайтесь:
Ктожъ на землю впавъ безъ силы,
Чтобъ того нагодували,
Чтобъ того вы напоили!

Прійде щастя вамъ, такъ знайте,
Что за нимъ сховалось горе,
Прійде горе — не жахайтесь,
Хай кипить оно, якъ море. —

Вы-жъ идѣть все далѣ — далѣ
Та глядѣть пряму дорогу:
Сьмѣло Крестъ берѣть на плечи,
Душу и серце дайте Богу.

И якъ тѣло и духъ безсмертный
Загартуються до стали, —
Чтобъ не дѣялося съ вами,
Чтобъ роботи Вамъ не стали. —

Гордо и высоко надъ всѣми
Можна буде вамъ пôднятись
И ворога въ цѣлôмъ сьвѣтѣ
Нѣякого не боятись!

Леонидъ Глѣбовъ:

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Христосъ воскресъ! Радѣйте, дѣти,
Бѣжѣть у поле, у садокъ,
Збирайте зѣлячко и квѣты,
Кладѣть на Божій крестъ вѣнокъ!

Нехай бренять и пахнуть квѣты,
Нехай почуе Божій рай,
Якъ на землѣ радѣють дѣти
И звеселять рôдный край.

На насъ погляне Божа Мати,
Радѣючи зъ святыхъ небесъ...
Збирайтесь дѣти, но-жъ спѣвати:
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Чародѣйна скрипка.

Стефанъ Ковалѣвъ.

Старый Романъ Матина, отець Василя Матины, а дѣдъ чемныхъ дѣточокъ Павла, Федя и Ганусѣ, оставъ самъ съ внучатами на господарствѣ; сынъ и сынова поѣхали были до мѣста на торгъ. Пôдъ вечѣръ сѣвъ дѣдусь на запѣчку, а дѣти коло него вѣнчикомъ, ажъ любо глядѣти, бо и кôть бѣлый съ чорнымъ пыскомъ вырушився десь помежи нихъ въ середину.

„Скажѣть намъ, дѣдуню, яку байку“ — просили дѣти — вы знаете про все оповѣдати.

„Съ охотою, тôлько не знаю, чи вдамъ такоѣ, чтобы вамъ подобалася“ — одповѣвъ старый Матина.

„Чому нѣ, ще и якъ вдасьте!“

„А будете спокойнѣ?“

„Но то слухайте, розкажу вамъ про „чародѣйну скрипку.“ Але якъ то и розпочати? Отъ такъ:

Было се дуже, а дуже давно. Тамъ, де теперь паровый тартакъ стоить, были давнѣйше озера, багна непростороннѣ,

а пискорѣ зъ нихъ люди мѣшками горнули, щупаки палицями били, а онде зновъ, де нѣмецкѣ стырты съ сѣномъ рôкрôчно зимують, тамъ были такожъ багна, лѣсы такѣ, что хиба дичь яка мала приступъ. Отже менѣ повѣдала моя бабка одного разу те саме, что я вамъ нынѣ маю повѣсти.

Пôдъ тымъ лѣсомъ надъ озеромъ стояла хатина. Въ хатинѣ жило трое людей: чоловѣкъ, жôнка и малый ихъ хлопчина Матвѣй. При хатинѣ бывъ маленькій хлѣвецъ якъ у бѣдака звычайно, а въ хлѣвцѣ коровка сороката съ однымъ надламанымъ рогомъ и короткимъ хвостомъ. Рôгъ зъ буты зломила, а хвôсть псы одорвали.

Матвѣй пасъ часомъ сорокату, часомъ сидѣвъ въ очеретѣ надъ озеромъ и прислуховався, якъ шумѣвъ вѣтеръ по тростинѣ, якъ щебетали птицѣ въ лозовыхъ корчахъ, якъ одзывалися дикѣ гусы та качки по болотахъ. Неразъ бывало сяде на купинѣ, зробить изъ тростины дримбало, якъ стане выгравати прерѣжными голосами, то отець мôгъ цѣлый день кричати ему надъ ухомъ „де корова?“ а онъ бôльше ничого не чувъ, только свою гранку.

Клопотъ бывъ родичамъ, грызлися, журили, что Матвѣй, ихъ рôдна дѣтина, таке ледащо: и коровы одноѣ на толоцѣ не допильнуе. Пробовали рѣжнихъ способôвъ, кричали, ганьбили, ѣсти не давали, на попелѣ велѣли спати, а онъ все свое, все на дримбалѣ грае, а страхъ забываеся. А тутъ люди въ селѣ смѣються, забудькомъ называють, непорадна година. Разъ зробивъ ему отець зъ чогось скрипку довбанку, вкрутивъ струны зъ якоѣсь тамъ шерсти и каже: „На, грай на скрипцѣ, тôлько не туманѣй!“

Але и се не помогло, онъ все своимъ Богомъ. Разъ якъ пошовъ собѣ въ лѣсъ тирликати, зайшовъ у такѣ нетечи, что и самъ вовкъ звôдтамъ не вылѣзъ бы — заблудивъ. Ходить, лазить по гущавинѣ, всюди такѣ величезнѣ дерева, что зъ преждевѣку стоять, а людска рука ихъ не кивала. Что вдѣе бѣдненькій на свѣтѣ, коли не трафить домôвъ, еще вовки розодруть де . . .

Коли такъ лазить, побачивъ пôдъ величавымъ грубымъ деревомъ мале голѣсеньке потятко, а коло него птича мати такъ заводить, падькае, что страхъ слухати и дивитися.

Матвѣй мавъ дуже добре серце. Бывало увидѣвъ коли на стежцѣ жабу, нѣсъ еѣ у воду, слимака зъ пôдъ нôгъ прятавъ подъ корчъ, а мышку гнавъ до дѣри: тутъ побачивъ пташеня, потреба было також съ нимъ чтось зробити, чтобы не згибло. Глянувъ на дерево, а тамъ высоко на вершку гнѣздо. Оно певно зъ сего гнѣзда — думавъ Матвѣй — и вынѣсъ пташка на дерево, положивъ его на свое мѣсце, де еще кôлькоро такихъ самыхъ сидѣло. Злѣзъ на землю вдоволеный, что такъ гарно списався, усмѣхаеться до староѣ птицѣ, а она байдуже: витае въ гнѣздѣ малого непосидющого и оглядае его, чи сильно потовкся. Уже хотѣвъ ити дальше, ажъ тутъ якъ зашумить по вѣковыхъ деревахъ — соснахъ, ялинахъ — якъ не заграе чтось пречуднымъ голосомь, дивнѣ звуки розойшлися по всѣй вселеннôй, а Матвѣй урадованый ставъ, слухае и дивуеся.

Глипнувъ очима на отворъ у деревѣ, а звôдтамъ выходить панночка въ пресвѣтлыхъ шатахъ мовъ у золотôмъ свѣтлѣ купана, глядить на Матвѣя и каже до него ласкаво:

„Ты, людяна дѣтина, Матвѣю, серденько маешь добре, бо пташечку мою вынѣсъ до гнѣзда. Скажи, любый хлопчино, чого бажаешь за свôй трудъ, а я вынадгороджу: золота, срѣбла, діяментôвъ дамъ, скôлько схочешь.“

„Золота, срѣбла, діяментôвъ менѣ не потреба — повѣдае Матвѣй — а сего вы зъ певностею не маете, чого я такъ сильно бажаю.“

„Ктожъ може знати. А якъ маю? Чейже ты въ мою скриню нѣ въ комору не заглядавъ!“

„Я хочу таку скрипку, чтобы я мôгъ на нѣй заграти ось такъ, якъ Бантромѣй, старый вôвчаръ зъ пôдъ кичеры грае.“

„Бажаня твое гарне. Може быти, что знайдеся чтось у мене, прошу близше вступити до моеѣ хатины!“

Впровадила панна хлопця до дупельнавого дерева, а тамъ у серединѣ красота, стѣны одъ золота сіяють, рѣжнѣ птицѣ золотенькими крильцями попôдъ стелю лѣтають, музыка десь грае, а скрипокъ стôлько на срѣбныхъ кôлкахъ висить, и не почислишь.

„Маешь тутъ се, чого хотѣвъ, е въ чѣмъ выбирати, а я не бороню“ — каже панночка.

Матвѣй здоймивъ зъ кôлка найменшу и найпоганѣйшу скрипку — не хотѣвъ брати красноѣ, чтобъ добру паню не прогнѣвати — и каже до неѣ:

„Отсю скрипку я хотѣвъ бы мати“.

„Несогôрше ты выбравъ. Ся скрипка помежи усѣма, якѣ тутъ бачишь, у мене найлѣпша. Мае она маленьку шрубку коло шейки, покрутишь нею разъ, а заграешь, все довкола втихне и слухати буде хочъ бы и цѣлый рôкъ, покрутишь шрубкою два разы, а заґраешь, то все скакати буде, что жіе, безъ одпочинку: якъ покрутишь три разы шрубкою, а заграешь, то такѣ тоны выдасть, что все заплаче, навѣть камѣня.

Матвѣй дякуе панночцѣ, кланяеся низенько за такій даръ чудесный, а она ему на се:

„Ничого, ничого. То ще мало за сю услугу, яку ты менѣ здѣлавъ. А теперь ходи зо мною, выпроваджу тебе на дорогу, чтобы ты мôгъ зайти до своихъ родичѣвъ.“

Повела панна Матвѣя якимись вертепами темнѣськими, привела его надъ якійсь поточокъ и велѣла дальше йти понадъ скалистый берегъ водою.

„Йди, дѣтинко, смѣло за бѣгомъ воды, а зайдешь ажъ надъ озерце коло своеѣ хаты, де ты годинами пересиджувавъ въ очеретѣ.“

Се сказавши панна е зникла въ гущавинѣ. Пôшовъ Матвѣй долѣ водою.

Тутъ Романъ Матина переставъ дальше розказовати, бо Федь заверещавъ не своимъ голосомъ.

„Ой-йой-йой! дѣдуню, ой-йой-йой!“...

„Чтожъ тобѣ, дѣтиночко, сталося? — спитавъ дѣдъ унука.

„Кôтъ укусивъ мене въ палецъ“.

„Та хибажъ ты его давивъ?

„Нѣ, вуса тôлько пôдкручовавъ“...

„Ба, то ты самъ собѣ виненъ, было не зачѣпати“.

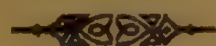
(Доконченя слѣдуе.)

ВСЕ ОЖИЛО.

Одъ снѣгôвъ
Ни слѣдôвъ,
Трава зеленѣе,
А сонечко
Околечко
Загрѣвае, грѣе.
По садкахъ,
По гайкахъ
Пташечки спѣваютъ,
Черешеньки
Бѣлесенькѣ
Стоятъ—розцвѣтаютъ.
На ставку
Изъ ледку
И слѣды пропали
На просторѣ,
Якъ у морѣ,
Човны загуляли.
А вода
Молода
Срѣбломъ одбивае,
На всѣ крила
Котитъ хвиля,
Мовъ кришталемъ грае...
Вже и верба
Почина
Листя выкидати,
И вѣточки,
Якъ квѣточки,
Звѣсила чубатѣ.
Спичаки
Зъ осоки
Остро выглядаютъ,
А водиця
Все хвилиться
Та ихъ заливае.
И село
Навколо
Навѣтъ поновило:
Куды глянешъ,
Де не станешъ —
Все повеселѣло.

Три золотѣ волосы Дѣда-Всевида.

(Изъ К. Я. Ербена переложила Гелена Фотулъ-Чубиркова)

(Докончення).

„Что тя ту принесло“?

„Царь не хоче абымъ бывъ его даремнымъ зятемъ: пославъ мня по три золотѣ волосы до Дѣда-Всевида“. — Бабонька засмѣялася и каже:

„Дѣдъ-Всевидъ е мôй сынъ; ясное сонце: рано е хлопакомъ, въ полудне чоловѣкомъ, а вечеръ старымъ дѣдомъ. Я ти золотѣ волосы дамъ, чтобысь видѣвъ, что не хочу ти быти даремною крестною. Але такъ сыночку мôй, теперь зостатися не можешь! мôй сынъ е добра душа; але якъ на вечеръ прійде до дому измученый а страпленый, голоденъ, такъ можно, что розгнѣваный тебе забивъ бы и поѣвъ на вечерю. Е ту одное порожное корыто, я тя пôдъ него схований“.

Плавчикъ попросивъ ю, чтобы была така добра позвѣдати отъ Дѣда-Всевида тіи три рѣчи, что ему суть наказанѣ; бо якъ каже: „безъ того не пустять го назадъ“.

„Позвѣдаю; але ты дай позоръ, что буде онъ казати“, одповѣла бабонька.

Разъ лишъ одъ заходноѣ стороны якъ почавъ вѣтеръ дути и влетѣло на окно Сонце, яко старый дѣдо съ золотымъ волосямъ.

„Фуй, фуй, я ту чую чоловѣка! — да кого ту мамко маешь“?

„Сыночку мôй, такъ где быхъ мала, чтобы ты не видѣвъ? Але то такъ е, что цѣлый день ходишь по цѣлôмъ свѣтѣ, наберешь ся чоловѣчоѣ вонѣ, такъ теперь ти е та воня въ носѣ“!

Дѣдо на то ничъ не сказавъ, сѣвъ къ столу и начавъ вечеряти. По вечери приклонивъ свою золоту голову на колѣна матери своеѣ, и ставъ дрѣмати. Якъ то бабонька увидѣла, что уже сынъ сѣ уснувъ, вырвала одинъ волосокъ изъ головы и вергла на землю. — Зазвонивъ якъ струна.

„Что хочешь мамко“? Звѣдуеся дѣдо.

„Ничъ сыночку, ничъ! Задрѣмала я и мала дуже дивный сонъ".

„А что ти ся снило"?

„Снило ми ся одное мѣсто; что на тôмъ мѣстѣ была така керниця же коли . . . и т. д. чи е деяка помочь, чтобы съ тоѣ керницѣ зновъ така вода текла"?

„Легка помочь: въ тôй керницѣ сидить одна жаба на самôмъ сподѣ: якъ тоту жабу забьють, буде зновъ вода течи".

Дѣдо уснувъ. Баба зновъ вырвала одинъ золотый волосъ, и вергла на землю.

„Что, то мамко"?

„Ничъ, сыночку, ничъ! Задрѣмала я и мала дуже дивный сонъ. Снило ми ся то, что въ однôй загородѣ была така яблонь, на котрôй родилися такѣ яблока, что коли старый чоловѣкъ ѣвъ, помолодѣвъ, а молодый если хотѣвъ, то постарѣвъ; та яблонь уже двадцять рокôвъ якъ не дае плода, чи е деяка помочь, чтобы зновъ родила"?

„Легка помочь: подъ яблонею лежить одинъ гадъ, если забье дакто того гада, буде яблоня зновъ родити".

По тôй мовѣ зновъ уснувъ; а баба вырвала и третѣй волосъ и вергла на землю.

„Что ми мамко не даешь спати? крикнувъ старый дѣдо и встати хотѣвъ".

„Лежи, сыночку, лежи! Не гнѣвайся, не рада збудиламъ тя; але прійшла на мня дрѣмота и мала я чудный сонъ. Снило ми ся о однôмъ перевозникови на чорнôмъ морѣ: двадцять лѣтъ якъ все тамъ служить, не е кто одмѣнити. Коли буде его роботѣ конець"?

„Глупоѣ мамки то сынъ! Най дасть другому лопату въ руки а самъ най выскочить изъ лодки на берегъ, буде тотъ другій перевозникомъ. Але теперь дай ми покой: мушу я въ часъ рано встати а ити слезы сушити, что донька царева жена углярового сына кождоѣ ночи наплаче. Тужить еѣ сердце за любимымъ мужомъ, котрого пославъ еѣ отець до мене на три золотѣ волосы".

Рано вставъ вчерашній дѣдо, якъ молодецъ — свѣтлое сонѣчко и пошовъ по свѣтѣ.

Баба одкрыла корыто, выпустила Плавчика и каже: „Ту маешь три золотѣ волосы, а что ти треба отвѣтовати на три вопросы, уже знаешь. Теперь иди съ Паномъ Богомъ! Мене бôльше не увидишь, анѣ на мене потребу не будешь мати“.

Плавчикъ подяковавъ ѣй за еѣ доброту и пошовъ.

Якъ прійшовъ на первое мѣсто, повѣвъ цареви, что въ керницѣ на сподѣ жаба, и т. д.

Царь заразъ давъ то зробити, жабу забили и вода почала зновъ весело течи. Давъ Плавчикови дванадцять бѣлыхъ коней и тôлько золота, кôлько могли на собѣ понести.

На другôмъ мѣстѣ повѣвъ о яблонѣ; и тотъ царь давъ гада забити, а яблоня зновъ родила здоровѣ яблока. Давъ Плавчикови дванадцять бѣлыхъ коней и много золота.

На третѣмъ мѣстѣ коло чорного моря тамъ сидѣвъ старець и чекавъ на отвѣтъ Дѣда-Всевида. Плавчикъ ему то не хотѣвъ повѣсти, доки его самого не перевезе на другій бôкъ. Якъ вже бывъ на другôмъ боцѣ, повѣвъ му, что казавъ Дѣдо-Всевидъ.

Прійшовъ щасливо до дому, где царь анѣ своимъ очамъ не вѣровавъ, якъ увидѣлъ Плавчика съ золотыми волосами, что принѣсъ одъ Дѣда-Всевида. А донька, т. е. жена его, не съ жалю но съ радости плакала, якъ его узрѣла.

„А гдесь тыхъ красныхъ коней найшовъ и тôлько богатства“? звѣдовався царь.

„Мôй свѣтлый отче, — одповѣвъ той“: „Я то тяжкимъ путемъ заслуживъ“.

„Молодѣ яблока, — жива вода, якъ бы то я мавъ“! — роздумовавъ царь. — Я то мушу мати; и собрався въ путь идъ чорному морю.

Пошовъ, и до днесь еще ся не вернувъ.

Такъ ся ставъ углярôвъ сынъ царскимъ зятемъ, якъ то ему его „крестна“ осудила, — а царь може и теперь сидить въ лодцѣ якъ го дакто не одмѣнивъ?

ВЕСНА.

Та се-жъ весна,
Бо тане снѣгъ, —
Дивись струмокъ
Съ гори побѣгъ.
Шумить вода,
Ламае все;
Весна иде,
Тепло несе.
Шумить, гуде
Веселый гай
И гомонить:
Вставай, вставай!

Розтане снѣгъ,
Зима мине,
Земля кругомъ
Цвѣсти почне.
Дѣтей малыхъ
Веселый рôй
Посуне зъ хатъ,
На лугъ скорѣй.
Радѣе все,
Спѣвае все:
Весна иде,
Тепло несе!

ВЕСНА ПРІЙШЛА.

Бурхлива рѣчка
Вже кригу ламае:
Весела веснянка
Далеко лунае.

Снѣги розтопились
Змилися струмками:
Земля молодѣе
И вкрилась клѣтками.

Зъ чужоѣ чужины,
Зъ далекого краю
Пташки прилетѣли
До рôдного гаю.

Гаѣ всѣ и луги
Пѣснями озвались:
Веселѣ промѣня
Зъ неба засмѣялись.

Весна молодая
Цвѣте и гуляе
И дужую силу
У душу вливае.

Казка про Мизинчика.

Живъ одинъ хлопчикъ. Бывъ онъ дуже малый и тому называли его Мизинчикомъ.

Одинъ разъ мати послала Мизинчика до купця по корѣня. Хлопчикъ побѣгъ радо. Но радость та минула, коли онъ прибѣгъ до краму. Двери были запертѣ а клямка была высоко. Застукавъ до дверей перстенцемъ: пукъ, пукъ! Але никто не приходивъ отвирати ему двери. Подумавъ собѣ: „Пожду а ктось выйде.“ И сховався въ углу, бо вѣтеръ дувъ немилосердно.

За хвилю прійшовъ якійсь бѣдусь. Мизинчикъ знявъ шапочку, а коли дѣдусь отворивъ двери, шупъ! — тай уже бывъ въ крамѣ.

Кôлька разъ просивъ корѣня, але купець не обзывався. Вѣроятно его не чувъ, тому что все приходили люде и голосно говорили. И влѣзъ собѣ Мизинчикъ межи мѣхи, котрѣ ту стояли, чтобы го никто не наздопкавъ. Думавъ ту пождати, ажъ люде пойдуть изъ краму.

Сидѣвъ, сидѣвъ, ажъ заснувъ.

Спавъ довго. Коли пробудився, было наоколо темно. Якъ онъ боявся! „Мамко — мамко,“ кричавъ онъ, але никто не обзывався. А спавъ онъ въ шатю! Грошъ, котрый

му мати на задѣ увязала, тиснувъ ему тѣло. Шукавъ дооколо себе рукою а намацавъ мѣхи. Теперь доперва все понявъ. Кунець заперъ его въ крамѣ.

Была ночь. Вже хотѣвъ крикнути, але наразъ учувъ пискъ и шелестъ. Мизинчикъ боявся, чтобы то не были злодѣѣ. Заперъ духъ и присѣвъ за мѣхомъ. Цѣлкомъ близько чувъ дробный тупотъ. Въ мѣсячнôмъ свѣтлѣ, котре падало черезъ шпару, видить звинне звѣрятко. Мало вусы и довгій хвостъ. За нимъ прибѣгло друге, третье, четверте, пяте а дальше такъ богато, что Мизинчикъ не умѣвъ вже ихъ перечислити.

Мышки попоѣли дащо цукру, хлѣба и сыра, такъ якбы были у себе дома. Наконець пошли до живого танцю.

Хлопчикови подобалися краснѣ мышки. Забывъ на все и пошовъ съ милыми мышками до танцю. Мыши приняли радо до себе такъ маленького чоловѣчка. Одна изъ нихъ посадила его собѣ на хребтѣ и ѣздила съ нимъ по крамѣ. То было якъ бы для Мизинчика!

Коли такъ ѣздить, дивится, въ кутѣ стоить якась дротяня кѣтка. Мѣсто пташка бывъ тамъ кусокъ солонины. „Что то?“ звѣдуе онъ у мышей. Мыши добре знали, что то лапка на нихъ наставлена. Добре знали, кôлько тамъ ласыхъ сестричокъ и тѣтокъ вже купець наловивъ, а что были недобрѣ, сказали: „Влѣзь тамъ, Мизинчику! Принеси намъ зьôдты солонины а мы тебе зато еще будеме возити.“

Мизинчикъ бывъ добряга. Вылѣзъ отже на лапку — и хапъ за солонину. Ухопивъ ю и хотѣвъ опять на гору. Але бѣда. Отворъ бывъ долѣ узшій якъ Мизинчикъ а дроты на

кôнцѣ острѣ. Мизинчикъ бывъ у вязницѣ! Мышки скакали наоколо и смѣялися зъ него. А хлопчикови зато капали слезы по лици.

Въ тôмъ зарахкотѣло въ дверехъ. То купець отвиравъ крамъ, бо уже бывъ ранокъ. Чувъ въ кутѣ шелесть и сейчасъ сказавъ: „Ага, уже маю одну мышь.

Але коли подивився, узрѣвъ тамъ Мизинчика. Мизинчикъ съ плачемъ оповѣвъ купцеви, длячого прійшовъ сюда и якъ ему поводилося.

Купець завинувъ вь трубку корѣня и до того додавъ хлопчика. Закликавъ помочника и пославъ то матери Мизинчика.

Та уже плакала за сынкомъ. Але серце еѣ радостно скричало, коли Мизинчикъ до неѣ изъ трубки закликавъ: куку! За Богумиломъ Тожичкою.

Тарасъ Шевченко:

ВЕЧѢРЪ.

Садокъ вышневый коло хаты,
Хрущи надъ вишнями гудуть,
Плугаторѣ съ плугами йдуть,
Спѣвають идучи дѣвчата,
А матери вечерять ждуть.

Семья вечеря коло хаты
Вечѣрня зôронька встае...
Дочка вечерять подае,
А мати хоче научати,
Такъ соловейко не дае.

Поклала мати коло хаты
Маленькихъ дѣточокъ своихъ,
Сама заснула коло ихъ.
Затихло все... Тôлько дѣвчата
Та соловейко не затихъ.

Заяць и коза.

Коза хотѣла поправити собѣ смакъ и пошла зъ пасо-виска въ сторону, где росли дикѣ рожи на краю гаю.

Ледви вкусила першій листочокъ — а въ тôмъ гопъ! зъ подъ корча выскочивъ со свого гнѣзда заяць, и скокъ, скокъ, якъ бы му земля пôдъ ногами горѣла, утѣкавъ на луки. Побѣгъ кусокъ дороги, сѣвъ собѣ на дибки и вѣтривъ. Нигде ничо не рушалося, лишъ у корчи надъ его гнѣздомъ еще стояла и непорушно позирала за нимъ.

„Айно“, повѣдае собѣ самому съ гордостею заяць, „она позирае и дивуеся, якъ я бѣгъ съ вѣтромъ на перегоны. Певно, что завидуе менѣ легкихъ и гибкихъ ногъ“. А до-давши собѣ охоты, гопъ, гопъ, поволи вертався идъ свому гнѣзду. Коза тымъ часомъ паслася въ корчи.

„Козонько“ заговоривъ до неѣ заяць, „что то значить, что ты за мною такъ дивуючися позирала“. Говоривъ то свѣ-домый себе, сподѣваючися, что почуе одъ неѣ похвалу.

„Ме-е-е“! замичала коза. „Я позирала и дивувалася, якій то нерозумъ за ничто утѣкати, мало духа не опустивши, и дуже я тебе жаловала, что ты такій трусливый“.

(Иванъ Грушка).

Одгадка за загадку въ попереднôмъ числѣ:

Спытавъ я голубятъ моихъ:
Что-жъ онъ бѣгло по дорозѣ?
Смѣються дѣти — кихъ-кихъ-кихъ:
„Дѣдусю, то колеса въ возѣ!“

Тьху, недотенный дѣдуганъ!
Не знать чого перелякався,
Сховався зъ дуру у бурянъ
И тôлько сорому набрався!

Содержаня.

ШКОЛЬНѢ КНИГИ

букварѣ, читанки, учебники физики, исторіи, географіи, геометріи, аритметики зоольогіи, астрономіи, граматики: руськоѣ, латиньскоѣ, грецкоѣ и иншихъ мовъ, ноты спѣваники и т. и. можна одержати въ книгарнѣ „Уніо“ и Германа Рота въ Ужгородѣ.

Головный складъ книжокъ у Михайла Лилы въ Кошицяхъ, ул. Почтова 11/15.

При гуртовыхъ закупахъ въ головнôмъ складѣ даеся на всѣ книги отпустъ.

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО“ ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.

Рôчникъ I. Ужгородъ, 25. мая (травня) 1920. Число 9. и 10.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 25. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и августа.

Выдае Школьный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (будинокъ губерніи).

Кто мы?

На свѣтѣ есть много народôвъ. Суть народы великѣ, якѣ числять милліоны своихъ людей, але такожъ и малѣ народы, котрѣ числять кôлькадесять тысячь.

Кождый народъ говорить своею мовою, або языкомъ. Для кождого изъ тыхъ народôвъ есть та мова мовою **материнскою** або **рôдною**. Поодинокѣ мовы суть до себе подобнѣ и о нихъ говориме, что они сполурôднѣ, а о народахъ, котрѣ такими мовами говорять, такожъ говориме, что то народы сполурôднѣ.

Всѣ народы, якѣ жіють въ Европѣ мають бѣлу скуру — и належать до бѣлоскурыхъ. А еще жіють люди, котрѣ мають чорну скуру, котрыхъ называеме муринами, въ Америцѣ жіють черленоскурнѣ, котрѣ мають скуру черленомѣдяноѣ краски, а въ Азіи много народôвъ мають жовту скуру, и о тыхъ говориме, что належать до жовтоѣ расы.

Опять послѣ того, якъ ихъ мовы суть сроднѣ, дѣляться народы, на племена. Одно племя творять въ Европѣ народы, котрѣ жіють въ краинахъ полуднево-заходныхъ: Италіянцѣ, Гишпаны, Португальцѣ, Французы, и они называються Романами. На пôвночи Европы жіють Англичане, Голанддѣ, Нѣмцѣ, Данцѣ, Норвежцѣ и Шведы, т. е. племя германьске. А найбôльше есть въ Европѣ народôвъ племени славянь-

ского, а ними суть: Чехословаки, Лужичане, Поляки, Россіяне, Русины, Словинцѣ, Сербохорваты и Болгаре. Славяне творили колись одинъ народъ и говорили однымъ языкомъ праславяньскимъ, подобнымъ до языка, котрого еще днесь уживаеся при Богослуженяхъ въ церквахъ грек.-католицкихъ и православныхъ, а котрый для того называеся такожъ церковнославяньскимъ. Але тымъ языкомъ теперь вже никто не говорить. — Говориме про него, что то языкъ мертвый.

Якъ изъ одного дерева выростають галузи и квѣтки, такъ и зъ одного колись славяньского пня выросли галузи, котрыми суть теперѣшнѣ славяньскѣ народы.

Славяне уже передъ бôльше якъ тысяча лѣтъ роздѣлилися на поодинокѣ народы и кождый изъ нихъ выховавъ собѣ свôй рôдный языкъ, котрымъ говорить и пише. Такъ повстали языки: чехословеньскій, сербо-лужицкій, польскій, словенскій, сербохорватскій, болгарскій. Языкъ рускій не есть одинъ. Розвинулися три рускѣ самостойнѣ языки, котрѣ называються: **великоруській** або московскій (одъ города Москвы), такожъ называемый россійскій, **малоруській**, або украиньскій (одъ Украины) або такожъ руській одъ Руси и **бѣлоруській**.

Окремъ названыхъ трьохъ головныхъ племенъ, романьского, германьского и славяньского, жіють въ Европѣ еще многѣ народы, котрѣ належать до другихъ племенъ, якъ Греки, Турки, Албанцѣ, Румыни, Ирляндцѣ, Фины и иншѣ.

А суть тутъ а такожъ и въ Пôдкарпатскôй Руси: Мадяре, Жиды и Цигане.

Тотѣ три народы суть походженя азійского: Жиды належать до такъ званыхъ Семитôвъ сполуродныхъ съ Арабами, Цигане походять вѣроятно изъ Индій, а Мадяре належать до племени, сполуродного съ Финами. Про Мадярôвъ, ихъ приходу до Европы и въ ихъ исторіи заговориме въ другôмъ числѣ.

Языкъ, котрымъ говорять жителѣ Пôдкарпатскоѣ Руси есть малоруській. Тымъ языкомъ говорять близько 40 миліонôвъ людей, а то окремъ Пôдкарпатскоѣ Руси, въ схôднôй Галичинѣ, Буковинѣ, на Волынѣ, на Подолѣ, на Украинѣ, въ областяхъ Донськôй и Кубаньскôй, на Крымѣ и въ Бессарабіи.

Земля заселена народомъ малоруськимъ або украиньскимъ простираеся отже одъ рѣки Дунайця на Заходѣ ажъ до рѣки Дону на сходѣ, одъ Чорного моря на полудни, ажъ до рѣки Припяти на пôвночи.

Въ поодинокихъ тыхъ краинахъ говорять жителѣ мало одъ себе розлучными нарѣчіями такъ, что кождый добре розумѣе.

Зо всѣхъ тыхъ малоруськихъ нарѣчій, есть нарѣчіе котрымъ говориться въ Пôдкарпатскôй Руси, а особливо въ еѣ заходнôй части, найблизше чесословеньскому.

Тому жителѣ Пôдкарпатскоѣ Руси скоро розумѣють Словакôвъ и Чехôвъ, коли говорять своимъ рôднымъ языкомъ и не потрѣбно было бы великого труду, абы научилися читати ческѣ книжки.

А коли нынѣ Пôдкарпатска Русь належить до Чесословенскоѣ републики и творить съ нею одну державу, хотяй мае свою автономію, и коли буде мати съ прочими краями чеѕкословенскоѣ републики частѣ зносины, варто за то учитися ческоѣ мовы.

Чехи мають много гарныхъ и красныхъ книгъ и научныхъ часописей, годныхъ читаня.

А особливо треба, абы руськѣ дѣти Пôдкарпатскоѣ Руси училися якъ належить матернього языка то есть руського.

Потреба, абы той матерній свôй языкъ любили и цѣнили, якъ дорогій скарбъ оддѣдиченый по своихъ предкахъ.

А коли дѣтина якого слова не розумѣе, тому что еще не чула або не читала — най лишъ звѣдаеся родичѣвъ, учителѣвъ и другихъ людей, что оно значить, и най збогатить свое зная словъ рôдного языка, абы могло говорити поправно по руськи и все называти своимъ рôднымъ языкомъ.

Языкъ руській есть красный и богатый въ слова, милозвучный и до спѣву надаючійся — и чужѣ его люблять — тымъ бôльше самѣ Русины мусять его плекати, его учитися, его всюды уживати и черезъ то свою любовь народного языка и свого народа проявляти. А найголовнѣйше очищовати его изъ чужихъ домѣшокъ, особливо мадярскихъ, котрѣ его казять.

Веснянка.

Дивувалась зима,
Чомъ се таютъ снѣги,
Чомъ леды присли всѣ
На широкій рѣцѣ.

Дивувалась зима,
Чомъ такъ слабне она,
Де той легѣтъ бересъ,
Что тепломъ пронима?

Дивувалась зима,
Якъ се скрѣпла земля,
Наливаесь тепломъ,
Оживае щодня?

Дивувалась зима,
Якъ посмѣли надъ снѣгъ
Проклюнутись квѣтки
Запахущѣ, дрôбнѣ?

И дунула на нихъ
Вѣтромъ зъ устъ ледяныхъ
И пластомъ почала
Снѣгъ метати на нихъ.

Похилились квѣтки
Посумнѣли, замклись,
Шуря-буря пройшла, —
Они зновъ пôднялись.

И найдужше надъ тымъ
Дивувалась зима,
Что на цвѣтъ той дрôбный
Въ неѣ силы нема . . .

Иванъ Франко.

Чародѣйна скрипка.

Стефанъ Ковалѣвъ.
(Доконченя.)

Запхавъ дѣдъ скалѣчену Федьову руку въ кожухову свою рукавицю, а кота нагнавъ одъ себе. Павло и Ганнуся цѣкавѣ были почути конець байки.

Романъ говоривъ дальше:

— Стало на тôмъ, якъ Матвѣй съ дарованою скрипкою пошовъ понадъ потôкъ долѣ водою. Идучи хотѣвъ спробовати скрипку, але охота достатися якъ найскорше до дому, не дозволяла ему сего. Иде жвавымъ загонистымъ крокомъ, а тутъ чтось захрупотѣло за нимъ ломачемъ. Оглядаеся, ба, а се медвѣдь таки простѣсенько садить на него! Чтожъ тутъ дѣяти? Смерть нехибна, розодре поганый звѣрище. Але одъ тогожъ скрипка? Взявъ до рукъ скрипку, покрутивъ два разы шрубкою, потягнувъ смычкомъ а медвѣдь уже тропака, а за нимъ усе кругомъ вертиться, скаче, не потреба и нагончого.

Якже Матвѣй помѣрковавъ, что въ медведю тôлько трошки пара товчеся, переставъ грати. Бѣдный звѣрище упавъ пôдъ корчемъ мовъ неживый, а Матвѣй пошовъ дальше своею дорогою.

Зайшовъ такъ надъ свое любе озеро, видить, якъ мати пасе сама красульку, гулюкае по очеретѣ за своимъ сыномъ а отець ладить сакъ на рыбу. Побачили свого забудька, звѣдують, де такъ довго забавлявся, а оно якъ не стане росповѣдати про свою скрипку, про красну панну въ лѣсѣ, про медведища, то родичи не можуть наслухатися — надивоватися.

Рознеслася чутка по селу, бѣжить старый, молодый, великій и малый послухати, якъ Матвѣй грае на скрипцѣ Вкрываютъ людоньки селище, якъ бѣлѣ гуси, а Матвѣй все лишъ разъ шрубкою покрутивъ, сяде на приспѣ пôдъ хатою и выграе, а все, что жіе, слухае, не ворухнеся. Разъ наднесло жидôвъ цѣлу купу, чтось сѣмохъ, приходять до Матвѣя и звѣдують, чому онъ такъ не заграе, чтобы могли собѣ хлопцѣ, дѣвчата погуляти?

Матвѣй завѣвъ жидôвъ у хату, замкнувся съ ними, накрутивъ шрубку на скрипцѣ два разы и звѣдуе, ци они маютъ охоту скакати? Якже жидики потакнули на жартъ головами, а онъ смичкомъ по струнахъ далѣй скочноѣ. Ба бѣда. Жиды гуляють, патинки гублять, а вôвкають якъ бѣшенѣ. Цѣкавѣйшѣ на дворѣ хотѣли бы знати, яке дѣло Матвѣеве съ жидами, далѣй ницьки пôдъ окна слухати, а тутъ не гораздъ. Скоро котре почуе скрипку, заразъ гопъ, гопъ, не звѣдуе, ци яма, ци болото. Отъ такъ справився Матвѣй съ жидами, что позднѣйше сотому заказовали брати его до корчми або на ланъ на охоту. Якъ зôставъ уже паробкомъ, нѣколи мѣсця не загрѣвъ; ходивъ по цѣлôмъ свѣтѣ. Часто-густо повернувши изъ далекого мѣста не ишовъ просто въ село, лишъ сѣдавъ у лѣсѣ пôдъ скалою и гравъ такъ жалосно, что все коло него плакало, навѣть камѣня мокрѣло. Ходивъ и по весѣляхъ та забавахъ и такъ перевѣковавъ на скрипцѣ граючи, а люди пропадали за музыкою-забудькомъ.

Неразъ случалося такъ, что иде собѣ селомъ, ажъ тутъ гурма псôвъ обступила дѣда и обертае на всѣ боки. Матвѣй якъ заграе, то и пси плачуть, выють, и люди заводять, йойкають и дѣдо-прошакъ отерае слези: — диво та и тôлько. Разъ зновъ иде собѣ якась баба съ кумою до мѣста на ярмарокъ, пôдняли обѣ якесь мѣщатко съ камѣнчиками — они спершу думали, что съ грôшми —, и нужъ циртолитися. „То мое . . .“ — „Нѣ, то мое!“ — „Я перше“ — „Нѣ, я перше знайшла“. Обѣ поймалися за барки, другѣ розрывають, але дежъ тамъ, не пустить одна другу. Люде пѣшѣ, съ возами, съ коровами, съ безрогами стоять, нѣ въ задъ, нѣ впередъ.

Ажъ тутъ, якъ не заграе ктось зъ дрôбонька, якъ не пôйде все покотомъ, дѣвки, парубки, куры, гуси; однымъ сло-

вомъ усе гуляе до умученя. Скоро музыка втихла, всѣ перестали гуляти; дивляться, а на перекопѣ пôдъ лѣсомъ сидитъ Матвѣй съ скрипками. Заразъ здогадалися, что то онъ вырядивъ имъ таку штуку!

Трудно было ему что и казати, чтобы на ново не розпочавъ. По смерти родичѣвъ заходивъ Матвѣй что разъ рѣдше въ свое село, а разъ якъ пôшовъ у свѣтъ, то довгѣ лѣта его не бачивъ никто, а молодшѣ тôлько зъ оповѣданя знали за него. По кôльканайцятьохъ лѣтахъ рознеслася чутка по селу, что якійсь дѣдъ съ бородою по колѣна сидить надъ озеромъ коло Бѣдуновоѣ пустки и грае до утомы такъ, якъ колись Матвѣй забудько. Дакотрѣ побѣгли тамъ и застали его самого, славного музыку съ чародѣйною скрипкою. Еще разъ загравъ такъ, что все кругомъ его скакало, еще разъ на голосъ чародѣйноѣ скрипки все плакало, въ кôнцѣ добывъ еще послѣдными силами тихѣ пращальнѣ звуки и заснувъ на вѣки. Нелапшивѣ люди ухопили заразъ чародѣйну скрипку и поламали ю на кусники: кождый хотѣвъ зостати Матвѣемъ, а тымчасомъ жадному изъ нихъ не вдалося.

* * *

Такъ закôнчивъ дѣдъ Романъ и розложивъ скипки на припѣчку, та ставъ запѣкати люльку, а дѣти думали про чародѣйну музыку: Гануся бачила панночку въ чуднôмъ строю. Павлови знову подобалося, якъ Жиды передъ Матвѣемъ гуляли, а Федьо скинувши рукавицю съ подрапаноѣ руки, взявъ двѣ скипки и далѣй передъ котомъ нѣби на скрипцѣ грае.

Говъ пррь! розлягся на подвôрю голосъ „Тато, тато прïѣхали“ — кричавъ Павло, выскочивши на лаву и заглядаючи крôзь окно.

„Мамунця мои солоденькѣ“ — лебедѣло дѣвча споглядаючи, ци пильно двери отворяються.

„Пожди, теперь не дамъ тобѣ нѣчого, недобрый дрантѣю“ — грозивъ Федь котови. — „Дѣрку зъ обаринка достанешь за се, что такъ скалѣчивъ менѣ палецъ.“

Войшли родичѣ въ хату, Привиталися дѣточки, подôставали питльованцѣ, повечеряли, помолилися и пошли снити щасливо, кожде по свому, про чародѣйну скрипку.

Родина.

Отецъ, мати, братя, сестры —
Се моя родина.
Коли всѣ здоровѣ въ хатѣ —
То добра година.

Отецъ, мати хлопочуться,
Чтобъ насъ приодѣти,
Й прокормити. Мы вчимося,
Чтобы чтось умѣти.

Отецъ каже: „Не дармуйте,
Берѣть книжку въ руки,
Бо теперь на свѣтѣ тяжко
Жити безъ науки“!

Топильникъ и медвѣдарь.

Въ однôмъ млинѣ живъ топильникъ. Бывъ онъ тамъ якъ дома. Въ день помагавъ трохи въ млинѣ, лапавъ рыбы, а вечеромъ и въ ночи грѣвся на печи. Але заки вылѣзавъ на печь, смаживъ собѣ всегда трохи рыбъ, котрѣ бывъ налапавъ. Въ млинѣ газда и мельникъ все ему якъ могли то помогали.

Лишъ мельничка дивилася на него изъ коса, что онъ ѣй по цѣлôй хижѣ поналивае, бо все ему капала вода изъ лѣвоѣ полы. „Абы дѣвки не мали, что иншого до роботы, лишъ по топильникови воду стирати“, говорила, и продумовала надъ тымъ, якъ одъ него избавитися. Нагода до того прійшла скоро.

Одного вечера зайшовъ до млына медвѣдарь съ молодымъ и сильнымъ медведемъ и дуже живою малпою. Прійшовъ изъ мѣста и просивъ газду, абы его принявъ на ночь.

Газда отягався, бо кто знае, каже, якъ звѣрѣ погодилибы ся съ топильникомъ. Але газдиня каже, чтобы они

могли собѣ учинити? А хотяй бы, — то ничъ не шкодило бы. Тажъ тому мокрому панкови ничо бы не шкодило, еслибы медвѣдь хребетъ трохи прочесавъ, и такъ довго говорила, ажъ газду переконала, чтобы онъ оставивъ медвѣдаря въ хижѣ.

И той сейчасъ такъ устроився якъ у себе дома. Медведя привязавъ свободно до лавки, малпу посадивъ на коминѣ, а самъ пошовъ лячи собѣ на печь. За хвилю, якъ только почавъ дрѣмати прійшовъ топильникъ. Мавъ на

собѣ довгій зеленый кабатъ, высокѣ чоботы а на головѣ сидѣла ему шапочка. Съ лѣвоѣ полы все и все капала ему вода. Такъ якъ бы ничъ не было, побѣгъ до печи, взявъ собѣ горнець, давъ до него рыбы и почавъ варити. А коли вже была готова, поставивъ горнець на лавцѣ, сѣвъ собѣ и заѣдавъ рыбу.

Якъ малпа почула варену рыбу, выпнялася, чтобы достати одну и таки собѣ покоштовала. Але топильникъ колатнувъ еѣ варешкою, поставивъ горнець на землю и даль-

ше заѣдавъ. Наразъ и медвѣдь зачувъ рыбу и посягнувъ своею лабою по горнецъ.

Топильникъ ударивъ го варехою по лабѣ, але якъ только то учинивъ, забурмотѣвъ медвѣдь, ставъ на ноги и пустився до нашого топильника. Тай змагався съ нимъ змагавъ! А малпа скочила сейчасъ изъ комина и пустилася такожъ до топильника. Та зачала его драпати та драпати. Бѣдный топильникъ кричавъ пôдъ небеса, что только мавъ силы, тай и вконцѣ вырвався та и утѣкъ.

Медвѣдарь смѣявся ажъ хапався за боки а коли рано газда и газдиня звѣдалися, якъ ся выспали звѣрята и что чинивъ топильникъ, розказавъ имъ про все что и якъ было.

Газдиня дуже радовалася!

То вже давно ему належалося, сказала, будеме хоть одъ него мати спокôй, и не будеме по нѣмъ все воду стирати.

Газду то все вправдѣ не дуже тѣшило, але мовчавъ ради своеѣ газдинѣ. Абы тôлько не мстився надъ нами, сказавъ, то бы менѣ не подобалося.

Медвѣдарь собрався, подяковавъ за ночлѣгъ и потягнувъ съ своими звѣрятами дальше. А газдиня еще его на дорогу и обдаровала и бажала собѣ, чтобы топильникъ вже николи до нихъ не вернувся.

Коли наставъ вечеръ, чекали всѣ, ци топильникъ опять прійде. Не ждали довго. Скоро одчинилися двери и топильникъ всунувъ голову до свѣтлицѣ: „Маете вы газдо тутъ еще тыхъ драпучихъ котôвъ“.

„Айно“! „одповѣла газдиня“. До рана прибыло до насъ еще трое молодыхъ. Хочешь ихъ видѣти“?

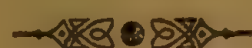
„О! вже до васъ николи не прійду. Они бы мене подрапали на смерть“. Одойшовъ и вже николи до того млына не вертався. Доси боиться драпучихъ мачокъ.

За Яномъ Грашомъ.

Кто она?

Лиха зима ховаеться,
А сонечко прогляне,
Снѣжокъ воды злякаеться,
Тихенько танутъ стане, —
И здалеку быстресенько
Вона до насъ прибуде,
Кому-кому любесенько,
А дѣтямъ найбôльшъ буде.

А. Л. Глѣбовъ.

Что за птиця?

Мѣжъ людьми, якъ пташка вьеться,
У людей и ѣсть и пье;
Ходитъ старецъ, проситъ, гнеться,
А у негъ всюди е.

А. Л. Глѣбовъ.

Велика рѣпа.

Бывъ собѣ дѣдъ Андрушка, а у него баба Марушка, а у бабы донечка Минка, а у дочки сучечка Хвинка, а у сучки товаришка котка Варварка, а у котки годованка мышка Сѣроманка.

Разъ весною взявъ дѣдъ рыскаль та мотыку, скопавъ у загородѣ грядку велику, гноемъ трохи поприваливъ, грабельками пôдгромадивъ, зробивъ пальцемъ дѣрку — тай посадивъ рѣпку.

Працювавъ дѣдъ не марно: зôйшла рѣпка гарно. Что день ишовъ дѣдъ въ огородъ, набравши воды повенъ ротъ, свою рѣпку пôдливавъ, ѣй дожитя охоти додававъ.

Росла дѣдова рѣпка, росла! Зразу така, якъ мышка была, потому якъ кулакъ, потому якъ буракъ, потому якъ два, а на кôнцѣ стала така, якъ дѣдова голова.

Тѣшиться дѣдъ, ажъ не знае де стати.

„Часъ“ — каже — „нашу рѣпу рвати“!

Пôшовъ онъ въ огородъ — гупъ, гупъ! Узявъ рѣпу за зелений чубъ; тягне руками, уперся ногами, добывае силъ усѣхъ, сопе якъ ковальскій мѣхъ — мучився, потѣвъ увесь день, а рѣпа сидить у землѣ якъ пень.

Кличе дѣдъ бабу Марушку: „Ходи, бабусю, не лежи, менѣ рѣпу вырвати поможи“!

Пôшли они въ огородъ — гупъ, гупъ! Взявъ дѣдъ рѣпу за чубъ, баба дѣда за плече — тягнуть, ажъ пôтъ тече! Смыкае дѣдъ рѣпу за чубку, смыкае баба дѣда за обшивку,

працюють руками, упираються ногами, — промучилися увесь день, а рѣпа сидить у землѣ, якъ пень.

Кличе баба дочку Минку: „Ходи, доню, не бѣжи, намъ рѣпку вырвати поможи!“ Пôшли они въ огородъ — гупъ, гупъ! Узявъ дѣдъ рѣпу за чубъ, а баба дѣда за сорочку, дочка бабу за торочку: тягнуть руками, упираються ногами, промучилися весь день, а рѣпа сидить въ землѣ якъ пень.

Кличе дочка сучку Хвинку: „Ходи, Хвиночко, не бѣжи, намъ рѣпку вырвати поможи“! Пôшли они въ огородъ — гупъ, гупъ! Узявъ дѣдъ рѣпу за чубъ, баба дѣда за обшивку, дочка бабу за запаску, сучка дочку за спôдничку — промучилися увесь день, а рѣпка сидить у землѣ, якъ пень.

Кличе сучка котку Варварку: „Ходи, Варварко, не лежи, намъ рѣпку вырвати поможи“! Пôшли они въ огородъ — гупъ, гупъ! Узявъ дѣдъ рѣпу за чубъ, баба дѣда за сорочку, дочка бабу за торочку, сучка дочку за спôдничку, котка сучку за хвостикъ. Тягнуть и руками и зубами, упираються ногами; промучилися увесъ день, а рѣпка сидить въ землѣ, якъ пень.

Кличе котка мышку Сѣроманку: „Ходи Сѣрочко, не бѣжи, намъ рѣпку вырвати поможи“! Пôшли они въ огородъ — гупъ, гупъ! Узявъ дѣдъ рѣпу за чубъ, баба дѣда за сорочку, дочка бабу за торочку, сучка дочку за спôдничку, котка сучку за хвостикъ, мышка котку за лапку — якъ потягли, якъ потягли, та и покотились. — Упала рѣпа на дѣда Андрушка, дѣдъ на бабу Марушку, баба на дочку Минку, дочка на сучку Хвинку, сучка на котку Варварку — а мышка шусть у шпарку.

Колисанка.

Спи дѣтино, спи!
Очка зажмури.

Можешь, рибко, тихо спати,
Надъ тобою твоя мати

Шепче молитвы.
Спи, дѣтино, спи!

Когутъ и песъ.

Живъ разъ старенькій дѣдокъ изъ старенькою бабонькою и были дуже въ бѣдѣ. Всего скота мали тôлько когута и пса а и тыхъ годували нужденно. И такъ песъ говоривъ разъ когутови:

„Знаешь ты, брате когутику, что? Утечѣмъ до лѣса! Тутъ нашъ животъ дуже бѣдный!“

„Утечѣмъ“, сказавъ когутъ, „горше не буде“.

Такъ пошли, куди ихъ очи несли. Ходили цѣлый день; зачало смеркати и вже бывъ часъ глядати за ночлегомъ. Зойшли изъ дороги въ лѣсъ и найшли собѣ великій, дуплавый пень. Когутъ вылетѣвъ на галузь, песъ залѣзъ въ дупло и уснули.

Рано, ледва зорѣло, когутъ запѣявъ: кукурику! Учула то лисиця и захотѣлося ѣй покоштовати когутячого мяса. Подойшла она подъ пень и почала выхвальовати когута: „Ай! когутикъ то когутикъ! Такоѣ птицѣ еще въ житю я не видѣла: якѣ краснѣ пера, якій червоный гребень, а якій чистый голосъ! Злети до мене гарный молодчику“!

„Почто?“ звѣдуе когутъ.

„Пойдеме до мене въ гостину! У мене нынѣ весѣля и для тебе приготована гра“.

„Добре!“ скáзавъ когутъ, „лишъ что я самъ не можу ити; я маю товариша.“

„Ай, яке то щастя“, подумала собѣ лисичка, „мѣсто одного когута будуть два«. — „А где есть твôй товаришъ“, звѣдала лисиця; „я и его запрошу на гостину.“

„Тамъ въ дуплѣ ночуе“, одповѣвъ когутъ.

Прибѣгла лисичка идъ дуплу а песъ еѣ за горло хапъ!... Злапавъ и лисичку роздеръ.

Морквяный воякъ.

Ѣхавъ воякъ морквяный,
Коникъ бураковый,
Кожушина орѣхова,
Жупанъ лопуховый;
Сѣделечко капустяне,

Стремена зъ березы
А напився лепетухи
То бувъ не тверезый!
Пистолета зъ качана
Куль зъ бараболь
А шабелька зъ пастернаку
А похва зъ фасоль.
Ѣде, ѣде вояченько,
Пôдъ нимъ коникъ скаче,
Надибали его свинѣ: —
„Злѣзай-но, вояче“!
Онъ выхвативъ пистольета,
Ставъ свинѣ стрѣляти, —
Свинѣ куль похватали,
Нѣчимъ воювати!
Онъ выхвативъ шабельку,
Ставъ свинѣ рубати,
Свинѣ шаблѣ геть погризли,
Нѣчимъ воювати!
Ѣдуть люди, идуть люди,
Ѣдуть край дороги,
З'ѣли свинѣ вояченька,
Лежать самѣ ноги! **Олена Пчѣлка.**

Содержаня.

ШКОЛЬНѢ КНИГИ букварѣ, читанки, учебники физики, исторіи, географіи, геометріи, аритметики, зоольогіи, астрономіи, граматики: руськоѣ, латиньскоѣ, грецкоѣ и иншихъ мовъ, ноты, спѣваники и т. и. можна одержати въ книгарнѣ „УНІО“ И ГЕРМАНА РОТА ВЪ УЖГОРОДѢ.

Головный складъ книжокъ у Михайла Лилы въ Кошицяхъ, ул. Почтова 11/15.

При гуртовыхъ закупахъ въ головнôмъ складѣ даеся на всѣ книги опустъ.

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО“ ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.

Рôчникъ I. Ужгородъ, 10. септембря (вересня) 1920. Ч. 11. и 12.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 25. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и августа.

Выдае Шкôльный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (площа Другета).

Зъ початкомъ школьного року.

Скончивсь уже жнивъ любый часъ,
Збôжа звезли въ стодолы,
Срѣбный дзвôночокъ кличе насъ:
„До школы! Дѣти! До школы!“

Досить забавы, досить гры,
Скôнчивсь часъ одпочинку,
До обовязку спѣшѣть вы
Попрацювати днинку.

Школа вже двери розтворя
Гей рамена мати:
„Ходѣть дѣточки! Вже пора!
„Маю вамъ чтось сказати.

„Научу васъ любити Бога
„И родичѣвъ и рôдный край,
„Вкажу, де щастя е дорога,
„Засѣю въ серцю вашôмъ рай“.

А коли втомитеся милѣ,
Змучить васъ трудъ, наука,
Тодѣ „Вѣночокъ“ въ вôльнôй хвилѣ
Въ двери ваши запука.

Онъ ваши серця звеселить,
Загомонить казками,
Втомленѣ очка розяснить
Гарними образками.

Тому до школы, любѣ дѣти
Усе охотно ся спѣшить,
„Вѣночокъ“ до васъ рвесь летѣти—
Працюючихъ розвеселить.

Галя.

Д-ръ Григорій И. Жатковичъ,

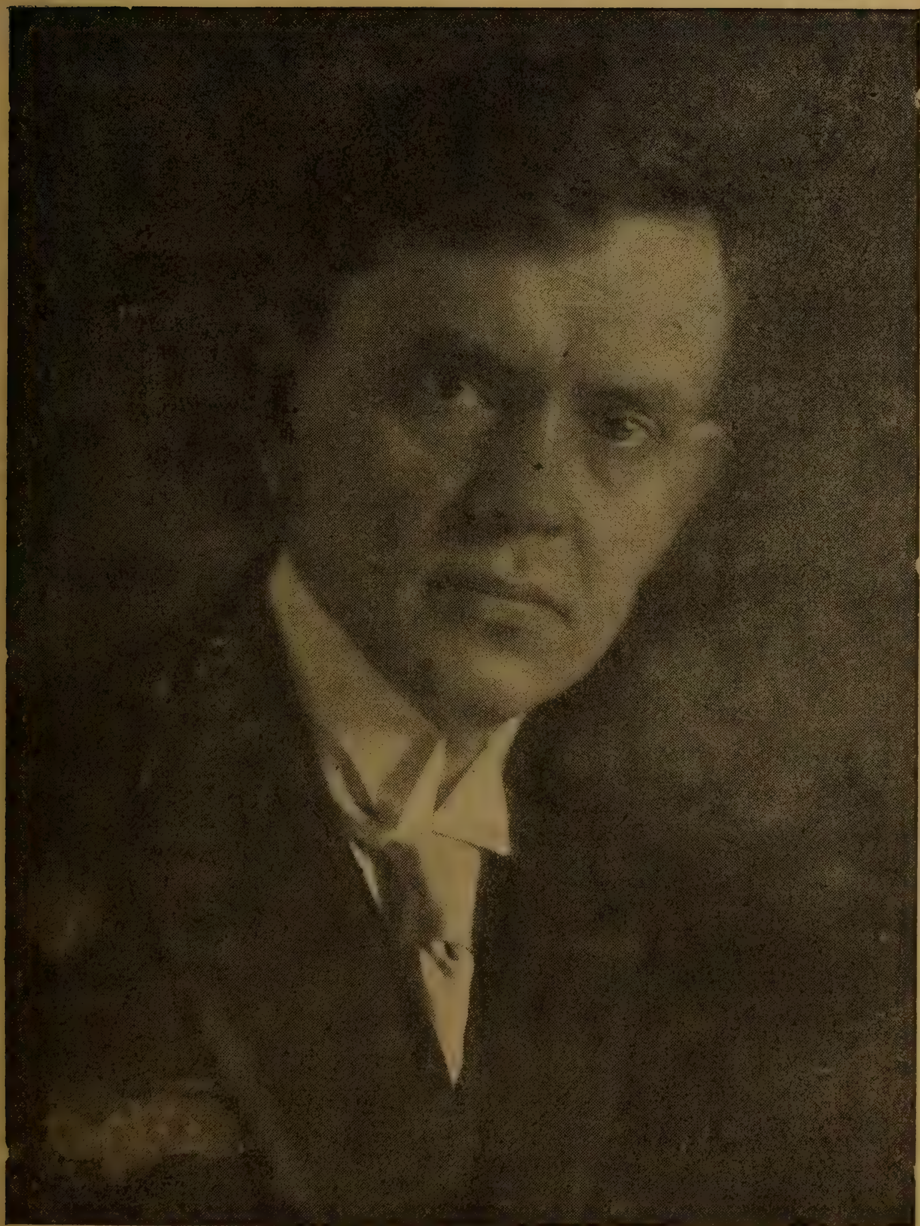
першій губернаторъ Подкарпатскоѣ Руси.

Переворотъ по програнôй свѣтовôй войнѣ учинивъ конецъ не лишъ Австріи але и Угорщины. Поодинокѣ народы тыхъ двохъ злученыхъ державъ рѣшили жадати для себе самостойности и заложити собѣ свои власнѣ державы, маючи вже досить насильства Нѣмцѣвъ и Мадярôвъ.

Тогды и Русины въ Угорщинѣ захотѣли осягнути самостойности, и тому что въ тяжкихъ обставинахъ мало для себе могли учинити, переняли ихъ справу въ свои руки американьскѣ Русины и въ ихъ имени звернулися до цѣлого свѣта, жадаючи и для Подкарпатскоѣ Руси свободы.

Черезъ ихъ стараня принято угорскихъ Русинôвъ въ середноевропейске-демократичне соединеня, а делегатами другихъ народôвъ заступникъ угорскихъ Русиновъ д-ръ Григорій И. Жатковичъ, адвокатъ и доцентъ въ Америцѣ, подписавъ по нынѣшнôмъ президентови ческословенскоѣ републики д-ръ Т. Г. Масарикови взаимну конвенцію и ударивъ при тôмъ въ дзвонъ свободы американскоѣ та проголосивъ угорскихъ Русинôвъ свободными.

Д-ръ Г. И. Жатковичъ, сынъ угро-руського емигранта, выхованый одъ молодости въ Америцѣ въ духу народнôмъ и демократичнôмъ и працюючи горячо для народа, бывъ установленый речникомъ Русинôвъ на парискôй мировôй конференціи, где пильно и съ повнымъ успѣхомъ боронивъ правъ свого народа и тымъ выскавъ собѣ великѣ заслуги.

Д-ръ Григорій Жатковичъ

губернаторъ Подкарпатскоѣ Руси.

Коли конференція тѣ права узнала и на желаня Русинôвъ Подкарпатску Русь присоединила якъ автономну часть до ческословенскоѣ републики, стався д-ръ Г. И. Жаткович наперед президентомъ директоріи автономноѣ Подкарпатскоѣ Руси, а нынѣ ставъ именованый першимъ еѣ губернаторомъ.

Губернаторъ д-ръ Жатковичъ горячимъ есть патріотою, мужемъ цѣлкомъ демократичныхъ мыслей, охочій до посвяти всѣхъ своихъ силъ и способностей для поднесеня Подкарпатскоѣ Руси, на оборону еѣ правъ и на поднесеня руського народа. Про то заслугуе собѣ на повну честь у всѣхъ жителѣвъ Подкарпатскоѣ Руси, любови всѣхъ Русинôвъ, котрѣ свôй народъ люблять и шанують свою рôдну мову и хотять, абы и руській народъ Подкарпатскоѣ Руси осягнувъ своею працею освѣту и добробытъ и направивъ всѣ тѣ учинки, якѣ тутъ въ краю оставила мадярска господарка и насильство.

Лишъ пильною и горячою працею можно то осягнути.

И тому лишъ горячою и пильною працею можно теперь показати свой патріотизмъ и есть наказомъ розуму, змысла для права и народного чувства, абы всѣ Русины въ тôй працѣ помагали першому свому губернаторови и тымъ, котрѣ въ тяжкôй и одвѣчальнôй роботѣ суть его сполу — роботниками.

Я. Р.

ДО ОТЧИНЫ.

До гробу... вѣчно у любви,
Жити для Тебе присягаю,
Чимъ есьмь, что маю, се Тобѣ
Завдячую лишъ, милый краю!

Нѣ, не выскажу словами,
Лишъ пѣснею заспѣваю
Якъ тя люблю! И дѣлами
Тобѣ вкажу, любый краю.

Въ радости, чи въ лютôмъ горю,
Доки жію на землѣ,
Вѣчно злучена зъ Тобою
Втѣхою — щастямъ Ты менѣ.

Ирма Остаровна.

ДО ШКОЛЫ.

Ну, прокидайтеся, дѣти:
Ранокъ — до книжки пора!
Сонечко вспѣло залити
Все посереду двора!
Швидче вдягайтесь до школы!
Кращѣ прогаѣте днѣ, —
Пôзно вертати, — нѣколи
Ихъ не завернете, нѣ!

Змалку кохайтесь въ освѣтѣ,
Змалку розширюйте умъ,
Бо доведеться у свѣтѣ
Всякихъ назнатися думъ.
Треба самымъ розвертати:
Якъ и до чого все йде,
Шляхъ безпомилишно взяти —
Той, что до правды веде.

П. Грабъ.

Учися, дѣтино, бо учитися треба;
Шукай сонця правды, най розумъ не спить;
Чого научишься, вода не забере,
Не возьме розбôйникъ, огонь не спалить.

В. Маслякъ.

НА ПРАЩАНЯ.

Гей Мадяре, Мадяре
Мы ся ошукали,
Якъ мы васъ лѣтъ тысячъ тому
До дому прійняли.

Такъ мы собѣ гадали:
Гей широкій є нашъ дôмъ
Можеме туй яко братя
Жити въ нѣмъ, жити въ нѣмъ!

Але наши надѣѣ,
Где они пропали?
Анѣ мы не счулися,
Насъ пôдъ ноги взяли!

Дармо мы просилися
Плачемъ одъ царуги—
Вы сказали, что паны вы,
А мы тôлько слуги!

Орали мы, орали,
И до скалы, въ неволѣ.
А за плату, хиба что тѣ
Мозолѣ, мозолѣ!

Звозили мы, звозили
Хлѣбъ вамъ до стодолы,
Анѣ собѣ заспѣвати
Не смѣли по воли!

Такъ Мадяре, Мадяре
Вже бôльше не буде;
Справедлива наша справа
На судѣ ся суде.

Гей на судѣ великôмъ
Божого закону
Покажеся, кто туй газда
Для Бога до скону!

То, что мы вамъ вже дали
Низовѣ долины
Держѣть собѣ, лишъ въ горахъ
Паны мы, паны мы!

Гей Мадяре, больше вже!
Насъ нѣхто не споить —
Розôйдѣмся, якъ скорше
Въ спокою, въ спокою!

Ш. Крчмери.

У зоряхъ небесныхъ великій законъ
Написаный, золотолитый—
Законъ надъ законы: свôй рôдный край
Надъ все ты повиненъ любити. **(Иванъ Неруда.)**

Жій для своихъ, працюй кровавымъ трудомъ,
Оддай усе, усе за рôдный людъ!

(Уляна Кравченко.)

Мадяре.

Краѣ при Дунаю, Тисѣ и подъ Карпатами, котрѣ въ старинѣ Римляне называли Панонiею, были одъ найдавнѣйшихъ вѣкôвъ населенѣ славянскими племенами. Племена тотѣ одъ непамятныхъ часôвъ занималися пильно господарствомъ, оброблями землю и ховали худобу. Жили въ спокою, одзначаючися всѣми прикметами души славянскоѣ а особливо гостинностею. Коли бы тотѣ Славяне по вѣки могли въ тôмъ спокою и порядку жити, то при своѣй працьовитости направду могли бы осягнути добробыту и высокого ступня образованя. Но судьба инакше повела.

На сходѣ живъ кочовый народъ монгольскiй, Мадяре, надъ рѣкою Днѣпромъ, подверженѣ Хазарамъ. Коли на нихъ ударили Печенѣги и выгнали ихъ изъ тодѣшныхъ осель, подалися они на заходъ въ Панонѣю и опановали ю. Домашнихъ славянскихъ жителѣвъ опановали и поклали надъ ними владу, которѣ тысячелѣтя (миленiумъ) недавно такъ славно славили.

Мадяре были народомъ кочовымъ и рабовничимъ, не мали нѣякоѣ культуры и не умѣли господарити. Жили зъ працѣ подбитого народу и лупецкими выправами. Они подходили на заходъ а особливо на Мораву, а навѣть черезъ ту до Чехъ и до Нѣмеччины.

Нѣколи Мадяре не могли бы нагородити то, что въ ческихъ земляхъ налупили и что тамъ варварскимъ способомъ знищили на своихъ лупецкихъ выправахъ. Великоморавска держава довго боронилася проти тымъ то мадярскимъ выправамъ, чиненымъ часто въ порозумѣню съ Нѣмцями.

Могутна держава Святоплукова была невыгодна Нѣмцямъ и проти неѣ злучився нѣмецкiй князь Арнульфъ съ Мадярами и покликавъ собѣ на помочь проти Святоплукови Мадярôвъ, бо не могъ ихъ поконати. Остаточно одперъ Святоплукъ мадярскѣ выправы, а коли потомъ въ р. 894 умеръ, незгода его сынôвъ ослабила великоморавску державу, а тымъ и еѣ способность боронитися противъ чужинцѣвъ. Мадяре дальше нападали на Мораву, котру съ отчаянямъ боронивъ моравскiй князь Моймиръ. Але чисельнôй и знаменитôй ихъ ѣздѣ и наглимъ нападамъ не могъ одолѣти. И

такъ статочный бой Моравянъ и ихъ князѣвъ бывъ марный. Упали въ тяжкихъ бояхъ, ихъ князь згинувъ, а исторія не каже намъ, коли и где то сталося. Можливо, что по великôй битвѣ подъ Братиславою въ 907 року.

Колись велика держава Ростислава и Святоплука досталася пôдъ панованя мадярске, але держава ческа тымчасомъ крѣпшала и подъ панованямъ своихъ князѣвъ боронилася съ успѣхомъ проти лупецкимъ выправамъ Мадярôвъ.

Зъ выправъ тыхъ часто верталися Мадяре побитѣ на голову и зъ численныхъ ихъ отрядôвъ вертала лишъ горстка.

Пораженя по такихъ выправахъ змусили також и Мадярôвъ, что они зрозумѣли, что мусять змѣнити цѣлый способъ свого житя. Перестали бити народомъ кочовымъ и лупецкимъ. И ту одъ Славянъ подбитыхъ научилися господарити и оброблятн землю. Тому то такъ много словъ находиме въ мадярскôмъ языцѣ походженя славяньского на назвы предметôвъ господарскихъ.

Але охота до панованя и насильства надъ другими народами и дальше не опускала Мадярôвъ. Часто провадили войны съ сусѣдами, заганялися на Моравы и надъ подбитыми народами панували дальше съ насильствомъ та старалися всѣми способами удержати ихъ въ подданствѣ. А тому, что легше можна пановати надъ народомъ необразованымъ, якъ надъ образованымъ, національно несвѣдомымъ, якъ свѣдомымъ своихъ правъ, старалися о то, абы народъ оставъ въ темнотѣ, не давали ему народныхъ школъ а его интелигенцію мадяризовали.

Доперва переворотъ учинивъ тому конець. Доперва нынѣ, коли Подкарпатска Русь и Словенско были приключенѣ до ческо-словенскоѣ републики, одержали Русины и Словаки народну свободу и могутъ образоватися въ своихъ народныхъ школахъ. А коли одержать образованя и народну свѣдомость, будуть мати въ рукахъ учинне оружіе проти мадяризаціи, а при помочи освѣты осягнуть и добробытъ.

РÔДНЫЙ КРАЙ.

Боры синѣ, рѣки чистѣ,
Нивы рôвнѣ, колосистѣ,
Чи у щастю, чи въ недоли
Не забуду васъ нѣколи.

Завтра такъ само якъ нынѣ
Въ дома якъ и на чужинѣ,
Рôдный краю, рôднѣ люди,
Я васъ люблю все и всюды.

Богданъ Лепкій

ОСѢНЬ У СЕЛѢ.

Дрѣмають села. Ясно ще
Осѣнне сонце сяе,
Та холодомъ осѣннымъ вже
Въ повѣтрѣ потягае,
Темнозеленѣ садки
Дрѣмають вже безъ плоду,
И тихо грѣються хатки,
И вербы гнуться у воду.

Дрѣмливо въ поле йде орачъ,—
Бо часъ еще не скорый,—
И звôльна пôдъ озимину
Пухкую землю оре.
Коровы ситѣ на стернѣ
Лежать и ремигають,
Картоплю пастухи печуть,
Коло огню гуляють.

И. Франко.

Звѣрѣ та розбôйники.

Домашнымъ звѣрятамъ навкучилося жити на дворѣ господаря и захотѣлось имъ пойти на свôй досвѣдъ. И пустилися въ путь песъ съ котомъ, цапъ съ барaномъ, а гусакъ съ когутомъ. Ишли цѣлый день, а вечеръ захопивъ ихъ въ лѣсѣ и не знали якъ зъ него выйти.

Хитрый Мурко каже до когута: „О лемъ ты кукурѣку, вылети на дерево, и подивися, ци не видно де свѣтла“. Когутъ вылетѣвъ на дерево, та розглядався на всѣ стороны. На право за лѣсомъ побачивъ свѣтло. Натягнувъ шею и зъ усеѣ силы закукурѣкавъ: „На право свѣтиться!“ Злетѣвъ межи своихъ и всѣ пôшли на право. Якъ выйшли зъ лѣса, увидѣли хижу, а въ нѣй свѣтилося.

Радилися и обрадилися, что цапъ Небойко подивиться до середины. Цапъ станувъ на заднѣ ноги и что увидѣвъ? Розбôйники тамъ сидять — и дѣляться грошми. Наразъ одинъ ударивъ кулакомъ у стôлъ: „Най мене чортъ возьме, якъ то не по злодѣйски роздѣляють“. Цапъ налякався, ударивъ головою до ôкна, скло розбилося и до вну заглянуло бородате лице, довгѣ роги—правдивый чортъ. Розбôйники не чекали ажъ онъ прійде по нихъ до хижѣ, а зникли у темнотѣ якъ пара.

Цапъ позирае, хижа порожка. Сказавъ свому товариству, что можуть тамъ ночувати. Звѣрята сейчасъ увойшли до хижѣ, а кождый выбравъ собѣ мѣсце на ночлѣгъ, де лемъ попало.

Цапъ радъ, что такъ сталося, примѣстився въ стодолѣ. Баранъ каже: „Я люблю холодъ“, и лишився въ сѣнѣ. Котка сказала: Я радо ласую и сѣла собѣ въ кухнѣ на огнище. Собачка, что радо обгризуе кости, положилася въ кôмнатѣ пôдъ стôлъ. Когутъ, что звикъ высоко сидѣти, вылетѣвъ на жердку коло комина, а гуска, что радо въ смѣтю порпає, лишилася на дворѣ.

Розбôйники, что утѣкли до лѣса, скоро спамяталися и жаль зробилося имъ грошей, полишеныхъ въ хижѣ. Радѣ бы были знати, что съ ними сталося, але никто зъ нихъ не мавъ одваги вернутися. Мали межи собою хлопця, того выслали звѣдати, что тамъ дѣеся, бо его не было бы шкода, якъ-бы ему что притрафилося.

Хлопець пôшовъ, а коли выйшовъ изъ лѣса, обойшовъ довкола хижу, але тамъ было темно и тихо. Осмѣлився и увойшовъ до середины. Коли вступивъ до сѣней, натрафивъ на барана, а той забекавъ: „Бе, бе, бе, ктось тутъ е!“ и почавъ его товкати головою у бôкъ. Хлопець настрашився, скочивъ до свѣтлицѣ, але когутъ збудився, злетѣвъ зъ жердки ему просто на голову и закукурѣкавъ: „кукурѣку, тутъ злодѣй е!“ Собачка заразъ встала и ухопила хлопця за ногу. Онъ обернувся, пôбѣгъ до кухнѣ, але туй скочила на него кôтка и вбила ему пазурѣ въ лице. Коли доставсь на двôръ, погнала за нимъ гуска и ущипнула его въ ногу. Хлопець не знавъ, где мае подѣтися, завернувъ до стодолы, але тамъ бывъ цапъ, взявъ го на роги и кинувъ нимъ на землю, ажъ ему кости затрѣщали.

Коли хлопець спамятався, взявъ ноги на плечи, прибѣгъ до розбôйникôвъ и почавъ имъ розказовати про тѣ страхи, якѣ знаходяться въ хижѣ. „Ахъ, дорогѣ братя“, розказовавъ, „ажъ до смерти вже мене тамъ не побачуть“. Колимъ прійшовъ до сѣней, тамъ бывъ боднарь, той мене товкъ немилосердно палицею. Коли я прійшовъ до кôмнаты, а тутъ заразъ до мене гусаръ зъ острогами и кричить: „Тутъ ты злодѣю“. А заразъ прійшовъ иншій и закладавъ менѣ желѣза на ногу. Я утѣкъ до кухнѣ, але тамъ бывъ швець, а той мене шиломъ поколовъ до крови. На дворѣ гнався за мною коваль зъ клѣщами, а коли я хотѣвъ сховатися въ стодолѣ, напавъ хлопъ зъ вилами, взявъ мене на вила и кинувъ мною до землѣ, ажъ я утративъ память.

Того всего настрашилися розбôйники и до хижи вже не верталися. Звѣрята роздѣлилися грошми и весело вернулися домôвъ.

Фр. Бартошъ.

Мужикъ и русалка.

Мужикъ упустивъ сокиру въ рѣчку, сумный сѣвъ собѣ на березѣ тай плаче.

Русалка почула, жаль ѣй зробилося мужика. Она вынесла ему зъ рѣчки золоту сокиру тай каже: „Чи се твоя сокира?“

Мужикъ каже: „Нѣ, не моя“.

Русалка вынесла другу, срѣбну. Мужикъ зновъ каже: „Не моя“.

Тогды русалка вынесла впущену сокиру. Мужикъ каже: „Отсе моя“.

Русалка подаровала мужикови усѣ три сокиры за его правду.

Дома мужикъ показавъ товаришамъ сокири и уповѣвъ якъ що было.

Ось одинъ мужикъ помысливъ те-жъ саме зробити, пôшовъ до рѣчки, нарочно впустивъ свою сокиру, сѣвъ собѣ на березѣ тай плаче.

Русалка вынесла золоту сокиру, тай звѣдуе: „Чи се твоя сокира?“

Мужикъ зрадѣвъ и закричавъ: „Моя, моя!“

Русалка не дала ему золотоѣ, тай его власноѣ не выдала ему за брехню.

М. Цупкій.

Лисиця и курка.

Байка.

Лисиця разъ на курку полювала
Та — знать — старечѣ зубы мала,
Бо тôльки пѣря ѣй одсѣкла,
А курка втѣкла.
Отъ тутъ лисиця загадалась
И такъ озвалась:
— „Начто Ты, Боже, пѣря курцѣ давъ?
Она безъ того скорше бы летѣла,
А ты ѣй тягару додавъ?“
— „Якажъ ты жалôсна! — повѣла
Ѣй курка, вже безпечна на горѣ —
Что падькаешь надъ моимъ тягаромъ.
Мого житя, найбôльшого добра
Не жаль было тобѣ!
Отъ тымъ не вѣрю я, чтобъ зъ доброѣ души
Журилась ты малымъ моимъ добромъ

Димитно Йосифовичъ.

МАТИ.

Велике слово: рôдна мати!
И горе дѣтямъ, котрымъ знати
Иого измалку не далось!
Ростуть они, мовъ на чужинѣ,
Хирѣють серцемъ въ самотинѣ,
Ѣмъ не хвата усе чогось.

И. Манжура.

БЫЛИНА.

Казавъ разъ кущъ былинѣ:
„Былинонько, чого ты така стала,
Мовъ рыбонька вяла?
Пожовкла, не цвитешь,
Живешь — якъ не живешь:
Твоя головонька отъ-отъ поляже...“
— „Охъ кущику, — былина каже —
— „Я на чужинѣ...“

□□□

Дѣра въ мôстку.

Возили люде дерево зъ лѣса и выбили дѣру въ мôстку. Дѣра была спершу маленька, але за кождымъ переѣздомъ ширшала чимъ разъ бôльше. Что то вадило одному або другому стати, зняти кусникъ дерева и забити дѣру? Коли нѣ? — Что я буду направляти? — подумавъ собѣ Иванъ,— най Стефанъ направляе. А Стефанъ зновъ подумавъ: что я буду тымъ гаѣтись, най Иванъ направить, онъ такожъ ѣздить.—Такъ спыхавъ одинъ на другого, и кождый тѣшився, якъ самъ переѣхавъ.

Ажъ ось надѣхавъ Иванъ съ величезною фурою дровъ. Конѣ мавъ здоровѣ тай не жалувавъ ихъ. Выѣхавши на мôстокъ, хотѣвъ оминути дѣру тай звернувъ на бôкъ. Ажъ тутъ пôрхнула зъ пôдъ мôстка качка. Конѣ сполошилися, скочили на бôкъ и одинъ застрягъ въ саму дѣру. На щастя лишъ скрутивъ собѣ ногу, але дальше вже ѣхати не мôгъ.

„Добре такъ Иванови“, — говорили другѣ, — „най бы бывъ мôстокъ направивъ“.

Иванъ пôзнавъ, что люде говорили правду, тай вже нѣчого не казавъ. Збѣглися добрѣ люде, подняли, выпрягли коня и перетягнули вôзъ на дорогу. Але пôдъ напоромъ ваги, что довго стояла на мостѣ, онъ цѣлый завалився.

„Куды-жъ мы теперь переѣдемъ?“ — йойкали другѣ, что зъ дровами стояли.

„Добре вамъ такъ! — сказавъ Иванъ — „было мôстокъ направити“.

Такъ терпѣвъ одинъ за всѣхъ, а всѣ за одного.

ОСѢНЬ.

Не щебече соловейко,
Не куе зозуля,
Весна швидко пролетѣла,
И лѣто минуло.
Гай зеленый вже жовтѣе,
Листя опадае,
Мина тепло, мина добро,
Холодъ наступае.

ШАНА И ДЯКА.

Тымъ, что въ поле йдуть орати,
Что плуги й серпы кують,
Что будують теплѣ хаты,
Пишуть книги намъ читати,
Шана й дяка тымъ велика
Одъ людей на вѣчнѣ вѣки!

Б. Гринченко.

Я великій, ты малый.

Воробчикъ квапно уловивъ
Синенького жучка; ажъ плаче
Жучокъ: „Пустѣть мене домôвъ!
Тажъ я худый, комарь неначе!“
Убійникъ каже: „Нѣ, ты мôй,
Бо я великій, ты малый!“
А кригулець туды летить,
Тай цупъ! воробчика хапае.
„Невинного вы не губѣть“,
Съ сльозами воробець благае.
Убійникъ каже: „Нѣ, ты мôй,
Бо я великій, ты малый!“
На кригульця орелъ съ горы
Впавъ зо всеѣ силы и термосить.
„Ласкавый царю не дери!“
Орла кригульчикъ просить.
Убійникъ каже: „Нѣ, ты мôй,
Бо я великій, ты малый!“
Ажъ тутъ съ поблизького горбка
Стрѣлець выцѣливъ въ грудь орлину.
„Чому вбиваешь мене зъ лука?“
Спитавъ онъ, впавши на долину
Убійникъ каже: „Ей! ты мôй,
Бо я великій, ты малый!“

И. В.

Содержаня:

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО“ ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.

...окъ въ Мук...

Рôчникъ I. Ужгородъ, 10. октобра (жовтня) 1920. Ч. 13.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 25. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и августа.

Выдае Школьный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (площа Другета).

ТО НАШѢ ЛЮБѢ, ВЫСОКѢ КАРПАТЫ.

Знаешь тѣ горы, мôй друже милый,
щo ранкомъ миленькимъ,
вечеромъ тихенькимъ
сонце ихъ украшае,
сердечно ихъ любить
до себе голубить,
якъ мати все про нихъ дбае?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То наши любѣ, высокѣ Карпаты!

Знаешь тѣ горы, мôй друже милый,
де въ небо ясне,
синье и красне
смереки, сосны зазирають?
бѣлыми скалами,
темными лѣсами
орлы, соколы лѣтають?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То наши любѣ, высокѣ Карпаты!

Знаешь тѣ горы, мôй друже милый,
де въ зеленôмъ гаю,
якбы при Дунаю,
птахи, соловіѣ спѣвають,
а въ водѣ быстренькôй,
яснôй, студененькôй
рыбки, пструги ся грають?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То наши любѣ, высокѣ Карпаты!

Знаешь тѣ горы, мôй друже милый,
де чорнѣ хмары,
якбы Татары,
людямъ страхъ насылаютъ?
буря и грôмъ
якъ смертный дзвôнъ,
страшно и тоскно заграваютъ?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То наши любѣ, высокѣ Карпаты!

Знаешь тѣ горы, мôй друже милий,
де зъ топорцями
пôдъ ялицями
гайдамаки танцѣ водили?
червонцѣ краснѣ
таляры яснѣ
межи собою дѣлили?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То наши любѣ, высокѣ Карпаты!

Знаешь, мôй дуже, де утѣкати,
якъ лихо тисне,
мечъ врага блисне,
якъ вся надѣя минеся?
Въ горахъ—тамъ воля,
тамъ твоя доля,
щастя твое повернеся!
Утѣкай, брате, въ горы Карпаты!
Тамъ лише можешь щастя зазнати!

Изидоръ Воробкевичъ.

Старый песъ и вовкъ.

Живъ одинъ пастырь въ горахъ и мавъ старого пса, котрого кликали Бодрикъ.

Бодрикъ бывъ дуже старый, не мавъ вже анѣ одного зуба, кульгавъ а по тѣлѣ мавъ богато ранъ одъ вовчихъ зубôвъ. Бывъ все вѣрнымъ пріятелемъ пастырѣвъ и неустрашимый сторожъ стада.

Але то все ничъ не значило, бо бывъ старый!

„Гетъ зо старымъ псомъ“! сказавъ одного дня пастырь, „почто ховати старого пса, тажъ молодый може овець доглядати“.

Выгнавъ старого Бодрика на смѣтя и не давъ ему ѣсти; молодого накормили и пустили дозирати.

Старого Бодрика дуже сесе болѣло, что го пастырь выгнавъ; лѣгъ на смѣтя и плакавъ. Прійшла нôчь; молодый песъ залѣзъ до буды и заснувъ. Старый песъ и въ спаню чувъ кождый шелестъ, бо спавъ лишъ пôвъ окомъ.

Наразъ почувъ вовка; вставъ и хотѣвъ скоро перескочити плотъ, але ноги угинались ему одъ старости, бо бывъ голоденъ. Для того смутный зновъ лѣгъ и анѣ не загавкавъ. Вовкъ тымчасомъ ввявъ по тихо овцю изъ двора и унѣсъ.

Рапо, коли господарь прійшовъ доѣти овцѣ, увидѣвъ, что однoѣ бракуе. Теперь познавъ, якъ недобре молодый песъ дозиравъ, жаловавъ дуже, что старого скривдивъ.

„Ей, говоривъ, коли бы старый Бодрикъ бывъ доглядавъ, не бывъ бы вовкъ овцѣ порвавъ“. Прикликавъ старого пса до себе, погладивъ его и добре давъ ѣсти. Бодрикъ бѣгавъ коло него и дуже бывъ урадованый.

Въ ночи не лѣзъ вже до буды, але бѣгавъ доокола двора.

Вовкъ розсмакованый прійшовъ зновъ; але на той разъ лишъ обтеръ губу.

„Чого ту хочешь“? скочивъ до него Бодрикъ, коли онъ зблизився до двора.

„Но, что хочу, овцѣ хочу“, одповѣвъ вовкъ.

„О, я тобѣ овцѣ не дамъ“, сказавъ ему Бобрикъ.

— „Но, лишъ менѣ дай, а будеме мати по пайцѣ“.

— „Я нѣякихъ пайокъ съ тобою не хочу мати“.

„Коли ты менѣ овцѣ не дашь, будеме битися“.

— „Но коли того хочешь, пойдеме; только пожди, ажъ моя варта скончиться, потомъ пойду до лѣса и будеме битися“, сказавъ старый песъ.

Коли вовкъ побачивъ, что овцѣ не достане, одойшовъ, але постановивъ собѣ помститися на псови. Прикликавъ собѣ для того медведя и ѣжака на помочь.

Песъ такожъ не пойшовъ самъ до лѣса, але взявъ собѣ на помочь вепра и старого коцура, товаришôвъ домашнього двора.

Коли медвѣдь и ѣжакъ побачили надходячого кулявого пса, старого коцуря и вепра, дуже настрашилися.

„Дивѣться братя“, крикнувъ медвѣдь, „якъ той першій збирае камѣня, котрыми насъ убье“.— „А той другій“, закликавъ ѣжакъ, „сѣче саблею около боку“. Коцуръ метавъ хвостомъ а ѣжакъ гадавъ, что той борониться передъ саблею.

Але якъ учули рохкапя вепра, налякалися; медвѣдъ вылѣзъ на дерево а ѣжакъ сховався въ терня.

Коли домашнѣ звѣрята войшли до лѣса, куцуръ все мурчавъ, врнiврнiврни. Ѣжакъ розумѣвъ, что той каже „въ терни, въ терни“, напудився и утѣкъ до лѣса.

Вепръ зновъ пôдъ деревомъ, на котре вылѣзъ медвѣдь, зачавъ кликати „гргргргр.“ — Медвѣдь розумѣвъ, что той каже „горгор“ и что на гору хоче вылѣзти; скоро злѣзъ зъ дерева и утѣкъ.

Коли видѣвъ вовкъ, что его товариши утѣкали, далѣ самъ утѣкати.

Старый Бодрикъ вернувся веселый съ своими товаришами домôвъ.

Одъ того часу овцѣ мали одъ вовка спокой а старому Бодрикови вело ся у свого газды добре ажъ до смерти.

За Боженою Ньемцовою.

ОСѢННЫЙ ВѢТЕРЪ.

Не такъ уже сонце свѣтить,
Не такъ оно й грѣе.
И вѣтерокъ не тепленькій,
Холодный вже вѣе,—
Не весняный, що одъ серця
Тугу якбы зносить,
А осѣнный, що у лѣсѣ
Мовъ бы кто голосить.
Изъ дерева листъ зрывае
Диброва пустѣе.
Свѣтить сонце, тее-жъ сонце—
Та бо вже не грѣе.
Пора прійшла,—зима близько,
Осѣнь наступила.

В. Забѣла.

Якъ росла одна яблонька.

Росла въ лѣсѣ дика яблоня, а по просту — кислиця. Въ осени потроха попадали зъ неѣ яблока на землю. Ишла черезъ лѣсъ дѣтина, подняла одно яблочко, але надкусивши, скривилася и кинула его зновъ до долу. Зъ надкушеного яблочка выпало зернятко и досталось у землю. Зиму перележало оно пôдъ снѣгомъ, а на веснѣ, коли сонечно пригрѣло, пустило зернятко въ землѣ корѣнцѣ, а понадъ землею два листочки. Изъ помежи тыхъ листочкôвъ поднявся прутикъ съ пупечками, а зъ пучкôвъ зновъ стали листочки. Такъ росло очко за очкомъ, листокъ за листочкомъ, ажъ поки не выросло гарне молоде деревце.

Попри молоду яблоньку ишовъ разъ гайный; побачивъ онъ гарне деревце, оглянувъ его доокола и почавъ его выкопувати. Перелякалася страшенно яблонька и, заплакавши, сказала сама до себе: „теперь я пропала!“ Але гайный перенѣсъ ю на инше мѣсце, въ садъ, и посадивъ ю въ добру, родючу землю.

На другій рôкъ приступивъ зновъ до неѣ чоловѣкъ изъ кривымъ ножемъ и стявъ єѣ головку. Ще бôльше перелякалась яблоня: — „ажъ тутъ моя смерть“, гадала она собѣ. Чоловѣкъ

зрѣзавъ зо староѣ яблонѣ зеленый прутикъ, розколовъ пеньокъ одъ молодоѣ яблонѣ, встромивъ у розколину молодый паростокъ (молодникъ), потомъ замазавъ рану якоюсь мазею и добре обкрутивъ рядею. Дооколо обставивъ чоловѣкъ скѣпець количками, привязавъ, чтобы одъ вѣтру она не зломалася.

Чуе молода яблоня, что чужій паростокъ починае зростатися съ еѣ тѣломъ, починае годуватися еѣ соками, росте паростокъ дуже скоро, выпускае листокъ за листкомъ, гильку за гилькою. На третье лѣто зацвѣла яблоня бѣло-рожевыми квѣтами, а коли одцвѣла, то натомѣсць зъявилися маленькѣ яблочка. Дальше яблочка робилися бôльшими и краcшими. Они не были уже горкѣ и терпкѣ, якъ у еѣ матери у лѣсѣ, але смачнѣ, червонобокѣ. Дерево выйшло дуже гарне, яблока были такѣ добрѣ, что ажъ изъ другихъ садôвъ приходили просити у еѣ господаря молодникôвъ одъ неѣ на скѣпець.

Отъ такъ изъ кислицъ зробилися яблока!

Здоровля найдорожшій скарбъ.

Щасливый той, кто здоровъ. Чтожъ чоловѣкови по найбôльшихъ достаткахъ, якъ не мае здоровля? Не смакуе ему страва, хоть-бы и найдобориѣйша, не мила ему одѣжь на тѣлѣ, хоч-бы и найкрасша; не цѣнить онъ яѣ забавы иѣ гры, за котрыми давнѣйше пропадавъ и гонивъ, бо они его горестею наповняють, бо не може въ нихъ участи мати за-для лихого здоровля. А красне сонечко, щебетъ птиць и той гарный свѣтъ съ своими золотыми проявами будить лише смутокъ и жаль въ его серцѣ и вытискае слезу зъ очей. Здоровля дорожше надъ всѣ скарбы, котрѣ треба, полишити съ житямъ на сѣмъ свѣтѣ. Якъ дороге здоровля, лишъ той оцѣнити може, кто его стративъ.

Ще бôльше чуе вартôсть здоровля той, кто заробляти мусить працею рукъ своихъ або працею розуму на хлѣбъ насущный для себе и для родины. Коли его опустять силы, коли тяжко захворѣе, а черезъ те не стане му хлѣба, и голодъ завитае до хаты, о тогды то нужда страшна стане передъ очима, и чоловѣкъ горенько почуе, кôлько то онъ стративъ вразъ изъ здоровлямъ. Не лише болѣе зъ того, что хворый, але онъ терпить голодъ и нужду своеѣ родины а ѣй помочи не може.

Здоровый часто не уважае на себе, перебирае мѣру въ ѣдѣню и питю, для розривокъ позбавляе себе выпочинку, допускаеся рôжныхъ выбрикôвъ. Ажъ коли таке неумѣренне житя позбавить его здоровля, коли переможе его недуга або тяжка хворота прикуе до лôжка, тодѣ наступае жаль вже за пôзно.

Показуеся отже, что здоровля найбôльшій скарбъ: оно пôдстава щастя и вдоволеня якъ для богатого, такъ и для убогого, а убогого хоронить одъ недостатку и нужды. Бо убогій, якъ здоровъ, може собѣ працею и ощадностею тôлько придбати, что себе и своихъ выживить и запевнить собѣ независимôй бытъ. Скарбъ той треба шанувати и его, якъ око въ головѣ боронити.

КАЗКА.

Живъ разъ царевичъ въ краю далекôмъ,
де анѣ зимна нѣ спеки,
де боры темнѣ, поля широкѣ,
а на поляхъ тыхъ збôжа высокѣ.

И мавъ усього добра доволѣ,
не знавъ, что́ злиднѣ - не знавъ, что болѣ,
житя сплывало ему въ утѣсѣ,
якъ чистый потôкъ въ зеленôмъ лѣсѣ,

Але для нього того за мало
было, бо щастя все не ставало
и онъ соколомъ за щастямъ линувъ
въ краѣ далекѣ, въ чужу чужину.

И скрôзь сходивъ онъ чужѣ просторы,
блукавъ лѣсами, блукавъ по мори —
въ мандрôвцѣ волосъ ему посивѣвъ,
минули марно лѣта щаслив҄ѣ.

И въ сердцѣ въ нього палкѣ надѣѣ
забрали, выхоръ розвѣявъ мрѣѣ,
думки веселѣ стрясла знѣвѣра,
а въ серцю зôльна конала вѣра . . .

И ставъ царевичъ птички пытати
„Скажи, де долѣ менѣ шукати?"
А птичка мовить: „Верни въ край рôдный,
де низкѣ стрѣхи, де нарôдъ бѣдный —
тамъ межи своими въ працѣ, любови
найдешь ты щастя цвѣтокъ чудовый."

Ф. Михайловъ.

Содержаня:

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВР. „УНІО" ВЪ УЖГОРОДѢ 1920

Рôчникъ I. Ужгородъ, 25. новембра (листопада) 1920. Ч. 14. и 15.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 25. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и августа.

Выдае Школьный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: Д-ръ И. ПАНЬКЕВИЧЪ.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (площа Другета).

Дня 31. октобра с. р. упокоився по довгôй и тяжкôй недузѣ въ 52. роцѣ житя,

ЯРОСЛАВЪ РОЗВОДА

першій редакторъ нашоѣ новинки „Вѣночокъ“.

Блаженноѣ памяти Ярославъ Розвода уродився дня 8. октобра 1869. р. въ Хрудимѣ на Чехахъ. По уконченю гимназіи въ Нѣмецкомъ Бродѣ пошовъ до Праги учитися на высокой школѣ правъ а потомъ перенѣсся до Львова, где близше познавъ галицкихъ Русиновъ, ихъ житя и культуру, а такожъ и житя польского народа. Зъ одтамъ дописувавъ часто до чеськихъ новинокъ до Праги а особливо познакомлювавъ Чеховъ изъ краснымъ письменствомъ польскимъ та малоруськимъ. Изъ нашого письменства переклавъ бл. пам. Ярославъ Розвода декотрѣ творы Ивана Франка и Василя Стефаника.

Въ януарію сего року перенѣсся онъ на Пôдкарпатску Русь и ставъ першимъ редакторомъ новинки для дѣточокъ руськихъ „Вѣночокъ“ та старався, чтобы руськѣ дѣточки мали что доброго читати и просвѣщати свой умъ.

Довга хворота перервала его заворѣле житя. Поѣхавши до Праги на лѣки минулого мѣсяця вже не вернувъ, бо люта смерть забрала его изъ того свѣта.

Оставивъ онъ добру память по собѣ не лише середъ свого чеського народа, для котрого працювавъ майже цѣле свое житя, але такожъ и середъ нашого народа, котрому онъ хотѣвъ щиро служити.

ВѢЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

СВЯТЫЙ ОТЕЦЬ НИКОЛАЙ ВЪ ГОСТИНѢ НА ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ.

Сценичный образокъ.

Написала: Марійка Пôдгорянка.

Особы:

Святый Отець Николай
Ангелъ зъ трубкою
Ангелъ зъ звôночкомъ
Ангелъ I.
Ангелъ II.
Ангелъ Хранитель
Хоръ ангеликôвъ
Василько
Стефанко
Марька
Чортъ

Сцена представляе лѣсъ. Дерева припали снѣгомъ. На передѣ дасколько зрубаныхъ пнѣвъ.

Василько входить на сцену зъ вязкою дровъ на плечахъ. Вязку кладе на пеньокъ, розтирае застудженѣ руки и зôтхае.

Ой якъ тяжко тѣ дрыва носити,
А ще тяжше сиротинѣ жити.

Отець вмерли, умерли и мати
Тай мусѣвъ я на службу ставати.
Ой тяжко я на службѣ бѣдую,
Молоденькѣ лѣта лемъ марную.
Другѣ дѣти учаться читати,
Менѣ кажуть йти дрыва збирати.
Другѣ дѣти учаться числити,
Менѣ кажуть — йти воду носити.
Другѣ дѣти будуть вже письменнѣ,
Мои очи все остануть темнѣ.
Ой не жаль ми, що долѣ не маю,
А лемъ жальми, що письмо не знаю.

Клякае до молитвы:

Милый Боже, змилуйся надъ мною
Тай выслухай днесь молитву мою:
Дозволь менѣ дащо паучитись.
Выслухай мня, Боже Милостивый,
Най не буду на все нещасливый.

Встае и збирае дрыва.

Ой збираю тѣ дрыва, збираю,
Тай дробными сльозми поливаю.

Тихо плаче, збираючи дрыва.

Вже громадку зобравъ немалую,
Теперь вязку собѣ наготую.

Выймае мотузъ и вяже дрыва.

Тоту вязку понесу до дому,
А по другу ще прийду потому.

Одходить зъ вязкою дровъ.

I. Ангелъ:

Въ бѣлѣмъ шатю зъ бѣлыми крыльцями, на кучерикахъ золотый обручикъ. Синій поясъ, а по нѣому золотѣ зорѣ. Входить тихо, легко и роззираеся доокола.

Десь тутъ була бѣдна сирота,
Десь тутъ була, десь тутъ ходила,
Десь тутъ дробнѣ сльози пролила.

II. Ангелъ:

Входить въ такѣмъ самѣмъ шатю и позирае на землю.

Мы тѣ сльозы позбираеме,
Гейби перлы нанизаеме.

Збирають.

I. Ангелъ:
Гейбы перлы нанизаеме,
Межи крыльця розкладаеме.

II. Ангелъ:
Понесеме Господу Богу
Най потѣшить сироту вбогу.

Збирають далѣ, потому вытягають нитки изъ пояскôвъ, сѣдають на пеньки и низають.

I. Ангелъ:
А де бувъ ты, братчику милый,
Що почувъ ты плачъ сиротины?

II. Ангелъ:
Та я грався зъ другимъ въ паронцѣ,
Колисався въ срѣбнôй хмаронцѣ.
Подувъ вѣтеръ зъ темного лугу,
Розповѣвъ ми сирôтску тугу.
Тай злетѣвъ я зъ хмароньки къ земли,
Позбирати сльозоньки — перлы.
А де бувъ ты, милый мôй брате,
Що почувъ ты плачъ сиротяти?

I. Ангелъ:
Я днесь посломъ у Николая,
Бо то завтра пора святая.
Николая завтра святого,
Ой роздасть вôнъ дарункôвъ много.
Котра була чемна дѣтина,
Тай до школы пильно ходила,
Николай ме дары давати,
Ангелики муть помагати.

II. Ангелъ:
Любый брате, радуюсь тому
И поможу Отцю святому.
Бо велику дяку я маю,
Походити по руському краю.
Бо ци знаешь, брате любенькій,
Що якъ бувъ я еще маленькій
На земли живъ у своей мамы,
То межи тыми бувавъ лѣсами.
Тысячка лѣтъ тому минула —

Щасна тогды Русь наша була.
Князѣ руськѣ тутъ панували,
Руськѣ замки въ небо здоймалися.
Руськимъ словомъ говорили всюды,
Князь, попы и сельскіи люде.

I. Ангелъ:

Цѣле, брате? Того не знаю,
Хоть и я живъ у руськôмъ краю.
Але тогды иншакъ вже було.
Руськихъ князѣвъ и панôвъ не було.
Якѣсь иньшѣ паны настали,
Що ихъ мовы мы вже не знали.

II. Ангелъ:

Бо на руській нашъ край напали
Чужѣ люде, все зруйнували.
Взяли собѣ все хоснувати,
Руськѣ нивы, мѣста и палаты.
Руську мову гетъ истоптали
И чужоѣ вчитись казали.
Лемъ ще въ простôй, низькôй хижинѣ
Руську пѣсню мати дѣтинѣ
При колысцѣ до сну спѣвала,
Рôднымъ словомъ казку казала.
Лемъ по церквахъ сѣльскихъ ще всюды
Руськимъ словомъ молилися люде
И благали лучшоѣ долѣ,
Щобы звергти ярмо неволѣ.
Простый народъ подержавъ вѣру,
Чисту вѣру и любовъ щиру.
Тай вже тоѣ вѣры и любови
Не закують чужѣ въ оковы.
Бо якъ серце зъ тѣла живого
Нѣхто скарбу не выдре того.

II. Ангелъ:

Кажешь, брате мôй, правду щиру.
Бо хто въ серцѣ тримае вѣру,
Вѣру въ правду й любовь до свого,
Перебути той може много.

Лемъ низайме, брате солодкій,
Бо теперь день въ зимѣ короткій.
Святый отець буде читати,
Щобы дары свои роздати.

Низають пильно. Тымчасомъ входить Св. Николай зъ двома ангелами. І. мае золоту трубку, другій срѣбный звоночокъ. Всѣ три несуть въ зайдахъ дары.

Св. Николай:

Миръ вамъ, любѣ,
Миръ вамъ, витаю!

І. и ІІ. ангелъ оддають поклонъ:

Витай, Отче нашъ Николаю!

Св. Николай:

Ангелики вы бѣленькѣ!
Берѣть сльозы тотѣ дробненькѣ,
До Господа ихъ понесѣте
Тай до мене назадъ вернѣте.
Тутъ я буду на васъ чекати,
Бо и я вчувъ плачъ сиротяти.
И прийшовъ ажъ на мѣсто тое,
Тай тутъ дѣло докончу свое.
Любѣ мои, зайды здоймайте,
На пенькахъ тутъ ихъ поскладайте.
Повыймайте тѣ дары зъ неба,
Що днесь дѣтямъ роздати треба.

Ангелики здоймають зайды, выймають дары, оддають поклонъ и одходять. Идъ ангелови въ трубкою:

Ты, мôй любый после крылатый,
Почни въ трубку золоту грати,
Най злетяться ангелы зъ неба
Тай повѣмъ имъ, що робити треба.

Ангелъ грае въ трубку. За сценою чути хоръ анхеликôвъ. Зразу тихо, потому все голоснѣйше.

Хоръ ангеликôвъ:

Крылцями легенько
Тремтиме,
На руську земленьку
летиме.

Трубы голосъ кличе
тру-ту-ту!
(*На голосъ: „Зеленая рута.“*)
Мы все ближе-ближе,
Мы вже ту.
Ось вже передъ нами
тихій гай,
А тамъ зъ Ангелами
Николай

При тыхъ словахъ легко вбѣгаютъ на сцену и творять пôвкругъ.

Поклонъ Тобѣ, Отче,
Даеме,
Оддаютъ поклонъ.
Що скажешь, то радо
Сповниме.

Св. Николай:

Ангелики, вы крылатіи
Берѣть дары пребогатіи!
Въ руську школу ихъ понесѣте,
На великій стôлъ положѣте.
Потôмъ летѣть зъ хаты до хаты,
Усѣхъ чемныхъ дѣтей списати.
Котрѣ въ школѣ пильно учились,
Безъ роботы не волочились,
Отця-матѣрь не засмутили,
Учителя наказъ сповнили.
Запишѣть ихъ въ бѣлôмъ паперѣ
Тай принесѣть на райскѣ двери.
До ангела зъ трубкою.
А ты возьмешь папѣръ, мôй любый,
Тай заграешь въ золотѣ трубы.
До Ангела зъ дзвôночкомъ:
Ты зазвонишь въ срѣбный звôночокъ,
Скличешь усѣхъ чемныхъ дѣточокъ,
Най до школы вечѣръ зôйдуться,
Для нихъ усѣхъ дары найдуться.

Ангелики розбираютъ дары. Потôмъ стаютъ знову въ пôвкругъ и оддаютъ поклонъ.

Хоръ Ангеликôвъ:

Слава, Николаю
нашъ святый,
Що насъ кликавъ зъ раю
до дѣтей.
До дѣтей летѣти
радѣ мы,
Бо й мы були дѣти
на земли.

Одходять легко, якбы збираючись до лету. За сценою спѣвають далѣ тише та тише.

Бѣлыми крыльцями
стрепотѣмъ!
Хмарковъ надъ хижами
пролетѣмъ.
Якажъ днинка красна,
золота,
Якажъ мила, красна
земля та.

Ангелъ зъ трубкою:

Чи теперь мы, Отче Николаю,
Пôйдемъ далѣ по руському краю?

Св. Николай:

Такъ, пойдеме, милѣ мои други,
Обдаруемъ всѣхъ ведля заслуги.
Лемъ намъ мало почекати треба,
Поки вернуть ангелики зъ неба,
Котрѣ несли тѣ сльозы до Бога,
Що пролила ихъ сирôтка вбога.

Наслухуе:

Ось вже чую, щось крыльми трепоче.

Ангелъ зъ звôночкомъ:

Се вертають они, святый Отче.
Ще третого вижу межи ними:
Ангелика зъ очима снутмыми,
А на личку сльозоньки неначе.

Св. Николай:

Позвѣдуемъ у него, мôй друже,
Чомъ ангельске серце болить дуже.

Певно котра недобра дѣтина
Пôдлымъ вчинкомъ его засмутила.

(Два ангелики входятъ и ведутъ въ собою Ангела Хоронителя, дуже засмученого.)

Ангелъ I.

Ты нашъ Отче, Святый Николаю,
Якъ вертали мы на землю зъ раю,
Зустрѣтили ангелика того,
Але видишь, якого смутного.

Ангелъ II.

Тай вôнъ Тобѣ, нашъ предобрый Отче,
Журу свою розповѣсти хоче.

Св. Николай:

Розповѣжь ми журбу свою, сыну,
А я тебе въ смутку не покину.

Ангелъ Хоронитель.

Святый Отче, смутокъ мôй безъ краю,
Бо пôдлое дуже дитя маю,
Що Богъ менѣ оддавъ хоронити,
На путь добру его наводити.
Бо вôнъ мого голосу не слухать,
Лемъ намовы лукавого духа.
Стефанко вôнъ кличесь.

Св Николай:

Знаю, знаю
Того хлопця! его хижа зъ краю.
Вôнъ матери слухати не хоче,
Лемъ по путьохъ задаръ ся волоче.
Побивае меншу сестру Марьку,
Ту порядну и пильну школярку.
Зневажае Василька малого,
Що въ нихъ служить.

Ангелъ I.

Сироту оттого
Що тутъ плакавъ!

Св. Николай:

Знаю я то, знаю!

Ангелъ Хоронитель:

Порадь менѣ, святый Николаю.
Хоть Стефанко смутить мою душу!
Люблю его и ратувати мушу.

Чортъ: *(виходить изъ за дерева, близъ приступити не смие, лемъ здалека пôдскакуе и пританцовуе.)*

Задарь, задарь твои труды,
Бо Стефанко вже мôй буде,
Ги! Ги! Ги! —
Вôнъ все слуха, що поражу,
Вôнъ все чинить, що розкажу, ги, ги, ги!
Що йде въ школу, матѣрь дурить,
А самъ пôйде въ лѣсъ тай курить, ги, ги, ги!
У матери узявъ качку,
Купивъ собѣ въ Ицка пачку, ги, ги, ги!
А разъ выпивъ пугаръ руму,
Що ажъ геть зôйшовъ зъ розуму, — ги, ги, ги!
Шкода, шкода твого труду,
Стефанкови я панъ буду! Ги, ги, ги!

Ангелъ Хоронитель:

Геть, ты сатано, то ще не знати,
Бо предобра есть Божая Мати.
Божая Мати и Богъ ласкавый,
Дадуть ему ще часъ до поправы!

Чортъ:

Не поправиться нѣколи,
Бо вôнъ выйшовъ зъ моѣ школы, — ги, ги, ги!
Отъ и теперь пôдбѣгае,
Якусь штуку замышляе, — ги, ги, ги!

(Указуе пальцемъ въ ту сторону, вôдки мае прійти Стефанко.)

Ангелъ Хоронитель:

Нѣтъ, вôнъ послухать голосу мого.
Геть, лысый чорте, геть ты вôдъ нього!

Св. Николай:

Ангеле, слухай: Одойдѣмъ мало,
Тогды увидимъ, якое дѣло. —

Тогды увидимъ, будеме знати,
Якъ ту дѣтину ще ратувати.

(Одходять за дерева. Чортъ зостае самъ, выходить напередъ сцены, ставить дуба, потомъ танцюе.)

А я собѣ чортъ, чортъ,
Я собѣ гонорный,
Въ тôмъ не хиба ничь, ничь,
Що я мало чорный, хи-хи-хи, хи-хи-хи!
Маю рôжки, якъ цапъ,
Нôжки якъ воробчикъ,
А хвостикомъ трапъ-трапъ,
Красный зъ мене хлопчикъ! Хи-хи-хи, хи-хи-хи!
Я не хочу на макъ
У пеклѣ сидѣти,
Ходжу свѣтомъ сякъ-такъ,
Нагваряю дѣти.
Много дѣтей я самъ
На пôдлое нагварю,
Буде радôсть чортамъ
Й чортовому царю.
Потрясу я хвостомъ,
Здубаю нôжками,
Поженуся зъ пруткомъ,
Дѣточки за вами! Хи-хи-хи, хи-хи-хи, хи-хи-хи!
А найбôльшій дамъ прутъ
Стефанкови мому.
Осъ вôнъ уже тутъ-тутъ,
Радуюся тому! Хи-хи-хи!

Стефанко (*входить*).
Нашъ Василько перше менѣ мовивъ,
Що зновъ вязку десь тутъ наготовивъ.
Та потому прийде еѣ взяти,
Лемъ ще маргу мусить напувати.
А я скоро прибѣгъ тутъ до гаю
Тай на збитки вязку розметаю.

Чортъ (*нагваряе*).
Ты ту вязку до Ицка несь смѣло,
Тай достанешь пачку за те дѣло.

Стефанко:

Або лѣпше до Ицька тѣ дрова
Я понесу — и пачка готова.
(*надумуесь*): Лемъ Василька будуть мати бити —

Чортъ:

А не мавъ бы ты чимъ ся журити,
Най бють!

Василько:

Най бють! Не пошкодитъ!
(*позирае на путь*): А отъ Марька на груньокъ выходить.
Тай не знати, чого она хоче...
Лемъ все менѣ голову клопоче.
Лемъ все хоче мене научати.

Чортъ:

Лемъ варуйся ты послухъ ѣй дати!

Марька: (*входить скоро*):

А ты тутка, братчику Стефанку?
Де ходивъ ты одъ семого ранку?

Стефанко:

Тамъ ходивъ я, де ми ся хотѣло.
А тобѣ якое тутъ е дѣло?

Марька:

Бо я знала, що ты Василькови
Певно хочешь розметати дрова.
Тай прибѣгла, щобъ тобѣ не дати.
Вôнъ не годенъ другій разъ збирати.

Стефанко:

Ничъ не бôйся, я не розметаю,
Зъ ними иньшаку роботу маю.

Марька:

Певно гôршу ще задумавъ штуку.

Чортъ:

Лемъ затямъ собѣ мою науку!

Стефанко:

Що задумавъ, то не мусить знати.
Легко хочешь одъ мене достати?

Марька:

Ой Стефанку! Чомъ такій нечесный?
Та Богъ тебе залишито небесный.

Зъ тебе люде не будуть нѣколи —
Повѣжъ менѣ, чомъ не йдешь до школы?

Чортъ:

Ты повѣжь ѣй:—не будешь ходити,
Бо не хочешь по руськи учитись!

Стефанко:

Я до школы не буду ходити,
Бо по руськи не буду учитись!
Руська мова — невелика штука,
Тамъ не пôйду, тамъ пôдла наука.

Марька:

Ой Стефанку, якъ можешь казати,
Та за пôдлу ту мову тримати,
Що то нею мати говорила
И молитвы першѣ насъ учила.
Ой Стефанку, грѣхъ великій маешь,
Якъ ты свою мову зневажаешь.

Чортъ:

По руськи лемъ простѣ говорятъ люде.
Хто такъ говорить, все лемъ простакъ буде!

Стефанко:

По руськи лемъ простѣ люде,
Хто такъ говорить, все лемъ простакъ буде.

Марька:

Такъ говорятъ лемъ немудрѣ люде.
Певно простый, а не—кривый буде.
Бо не скривить руську душу свою.
Ой Стефанку, жаль ми за тобою,
Що такій ты не мудрый, шаленый:
Тобѣ руській нашъ языкъ невченый?
Бо не знаешь, не знаешь нѣчого
Зъ минулого народу своего:
Що тутъ наши князѣ панували,
Руськѣ слова въ палатахъ луналы.
Руська мова цвила на всѣ школы,
Якъ квѣточка рожева на поли.
Лемъ ты, дурень, не вчишься нѣчого,
Тай слухаешь другого такого
Дурня якъ ты — ще й чорта пôдлого!

Чортъ:

Ты Стефанку ничъ Марьки не слухай.
Ты повѣжь ѣй: не пôйдешь нѣколи
И одинъ день до руськоѣ школи...!

Стефанко:

Можешь собѣ що хочь говорити,
Въ руську школу не буду ходити.

Марька:

Якъ ты можешь такое казати?
Руська школа — то якъ рôдна мати.
И голубить и любитъ и учить,
Молодоѣ головки не змучить,
Бо тамъ усе добрѣ розумѣти,
Тамъ бымъ рада цѣлый день сидѣти.
Якъ красно мы тамъ собѣ читаемъ,
Якѣ краснѣ вершики мы знаемъ.
Отъ и днеська одинъ я навчилась...
Лемь будь мовчки, чтобы не зимлилась.

(говорить вершикъ)............

Ще й спѣванки прекраснѣ я знаю —
А слухай лемъ, доразъ заспѣваю.

(спѣвае... хоръ за сцепою може помагати).

Ци такъ брате? Спѣваночка красна?

Стефанко:

Де бы красна! Година нещасна
Зъ спѣванками, зъ вершами, зъ книжками —
Прото я и слухати не хочу,
Голову собѣ тымъ не морочу.
Менѣ не що такъ, якъ ты спѣвати —
За то красно знаю засвистати.

(Свище, Чортъ ему помагае. Марька затуляе уха.)

Марька:

Ой Стефанку, доста вже блудити.
Пой лемъ дому, будемеся вчити.
Залишь збитки, пой зо мною, брате!

Чортъ:

Чи не можешь ѣй разъ въ плечи дати?

(Стефанко друляе Марьку, она паде, встае и плаче.)

Марька:

Милый Боже, що бѣдна зрѣлаю,
Що пôдлого я братчика маю?
Ничъ я изъ нимъ уже не поражу.
Пойду дому и матери скажу!
(*надумуесь*). Нѣ, не скажу, бо пощо смутити
Бѣдну матѣрь?! Ѣй такъ тяжко жити
И такъ все лемъ плаче про Стефана.
Ой кобы то бувъ такій мôй братчикъ,
Якъ Василько! Такій чесный хлопчикъ.
Все працюе, не бьеся нѣколи,
Такъ радъ бы ходити до школы.
Буду днеська я мамку просити,
Най го пустить до школы ходити.
Ой попрошу, впаду мамцѣ въ ноги,
Най учиться сирота убогій. (*Одходить.*)

Стефанко:

А теперь лемъ скоро беру дрыва,
Та до Ицька несу. (*бере вязку*).

Чортъ:

Путь щаслива!

Стефанко: (*позирае на путь*)

Ой Василько вже йде! Що дѣлати?
Треба скоро ту вязку сховати.
Та и самъ я сховаюсъ и вчую,
Що повѣсть Василь на штуку тую.

Василь: (*входить*)

Ось тутъ моя вязочка стояла.
(*глядае*): О мôй Боже! Де она пропала?
То Стефанко мусѣвъ дрыва взяти!
Бо не треба было ничъ казати
Про тѣ дрыва. Теперь що робити?
Легко буде ще газдыня бити . . .
А може вôнъ де завергъ тѣ дрыва?
Ой головко моя нещаслива!

(*роззираеся довкола. Въ мѣсцѣ, де стоять св. Николай и ангелы, видить ясность.*)

Якъ тамъ ясно! Якъ небо сіяе.
Ци то сонце зза хмаръ вызирае,

Ци луна бье одъ огня якого?
(св. Николай и ангелы указуються)
Що я вижу! Якъ ангелôвъ много
И Николай св. цѣлый ясный!
Милый Боже, чи се сонъ прекрасный?

(Протирае очи. Св. Николай выходить на передъ. Василько паде на колѣна).

Св. Николай:
Нѣ, не сонъ то, дорогій мôй сыну,
То прийшли мы на землю въ гостину.
Щобы свои дары роздѣлити
Межи такѣ чеснѣ, якъ ты, дѣти.
И якъ ты тутъ рано збиравъ дрова,
Мы молитвы твои чули слова.
Твои слова ажъ въ небѣ озвались.
Сльозы твои задарь не проллялись.
Маю дарôвъ для тебе частину.
Проси въ мене, чого хочешь сыну!

Василько:
О мôй Отче, св. Отче, св. Николаю!
Я ничого бôльше не жадаю,
Лемъ жадаю я скарбу такого,
Що нѣчіѣ не одберуть руки —
Того скарбу я прошу: науки.

І. Ангелъ:
О мôй брате! Русь ще не пропала,
Коли такимъ дѣтямъ житя дала.
На трудъ всякій пôйдутъ они смѣло
И докончать чесно кожде дѣло.
Зъ такихъ ростуть борцѣ за свободу.
Такѣ дѣти — то е цвѣтъ народу!

Св. Николай:
То най станеся по твоѣй волѣ.
Днесь еще ты будешь сыну въ школѣ.
И хоть отця не маешь, нѣ мамы,
Першій будешь межи школярами.
Отець буде зъ тобою Небесный,
Тай рости мешь розумный и чесный

И прославишь всю руську краину!
Ци ще просишь що въ мене, мôй сыну?

Чортъ:

Най Стефанка — проси — покарае,
Бо вôнъ тебе все бье, зневажае...

Василько:

Геть ты, чорте! Нагваряти смѣешь?
Въ моѣмъ серцѣ злôсть пôдлую сѣешь?
Нѣ, не хочу я Стефанка згубы,
Бо й вôнъ Русинъ, тому братъ мôй любый!

Идъ Николаеви:

Прошу тебе, Отче Николаю,
Коли въ тебе таку ласку маю —
Стефанкови не дай пропадати,
Най не смутиться руськая Мати!

Св. Николай:

Твоя доброгть чудо сотворила,
Стефанкове серце сокрушила.

Стефанко: *Выбѣгае изъ за корча и плачучи обôймае Василька.*

Ой Васильку, Васильку, мôй брате!
Та я тобѣ знавъ лемъ докучати.
Та я тебе штовхавъ, де попало.
И про мене плакавъ ты немало.
А ты просишь за мене такъ дуже —
Василечку! Одпусти мнѣ, друже!

Василько:

Одпущаю изъ серця цѣлого!

Стефанко: *Клякае передъ св. Николаемъ и Ангелами:*

Святый Отче! Провинивъ я много.
Та одъ днеська хочу чесно жити,
Матѣрь слухать, до школы ходити.
Николаю! Ангеле мôй ясный!
Отпустѣть мнѣ, щомъ чинивъ нещасный.

Ангелъ Хоронитель:

Встань, прийди до мене, любый сыну.
Жаль твôй щирый змывъ твою провину.

Николай:

Не зойди лемъ изъ доброѣ пути
И старайся що день лѣпшій бути!

Чортъ, котрый цѣлый часъ здалека слухавъ и кривився, теперь сѣвъ на землю и скавунчитъ жалосно.

Стефанко:

А то що такъ тутки вые?

Св. Николай:

То сей чортъ такъ зъ жалю маѣе,
Що зъ нѣчимъ ити прийдеться —
За то Ангелъ твôй смѣється.

Стефанко тулиться зъ любовю до ангела Хр.

Чортъ: *(скавунчить и крутиться по земли).*

Ой-йо-йой! Ужę пропавъ я!
Такъ тяженько працювавъ я —
А всю працю ангелъ взявъ!
Ой-йо-йой! Я маю втрату!
Дасть менѣ мôй царь заплату!
Легко — вже мôй хвôстъ пропавъ!

До Стефанка:

Я любивъ тебе, Стефанку,
Вчивъ изъ вечора до ранку —
Ты теперь лишивъ мене?..

Грозиться на Василя:

То ты виненъ, що ся стало.
Але лемъ почекай мало,
Ще достану я тебе!

Василько:

Чорте, геть! Я Русинъ зъ роду!
Я такого сынъ народу,
Що не дався всѣмъ чортамъ!
Лемъ мовчи, ты чортенятко,
Тай до пекла скачи гладко.
Знай, що твое мѣсце тамъ!

Чортъ: *(скавулить)*

А я такій бувъ завзятый,
И хвостатый и рогатый —
Я вже думавъ — мôй, мôй край!

Василько:

Тутъ не маешь що дѣлати.
Иди въ пекло танцювати,
Свое пекло звеселяй!

Чортъ скавунчачи скаче геть.

Св. Николай:

Ангелы мои, далѣ пôйдеме,
Русь Пôдкарпатську всю днесъ зойдеме.
Пôйдеме всюды пôдъ руськѣ стрѣхи,
Де народъ чесный, де народъ тихій.
Вѣру подержить, край рôдный любить,
Рôдную мову якъ скарбъ голубить.
Пойдеме, други, мѣжъ руськѣ дѣти,
Щобы ихъ щиро благословити
Отцѣвъ и дѣти, село и нивы,
Щобы край руській процвивъ щасливый!

(Заслона спадае).

Конецъ.

Написано дня 7—8 падолиста 1920. въ Зарѣчевѣ для руськоѣ школы въ Великой Березнѣ.

Зимовый сонъ у звѣрятъ.

Не всѣ звѣрята перебувають одинаково зиму. Заяць, лишка, вовкъ, серна, олень остають въ зимѣ въ лѣсахъ або на поляхъ Декотрѣ зъ нихъ якъ заяць, серна, олень кормляться сухимъ листямъ, корою изъ деревъ, а вовкъ и лишка нападають на другѣ звѣрята и кормляться ихъ мясомъ. Одъ студены хоронить ихъ густа шерсть и бѣганя.

Но другѣ звѣрята якъ примѣромъ: медвѣдь, борсукъ, вывѣрка, лиликъ, гады переходятъ зиму инакше. Они западають въ сонъ, изъ котрого встають звычайно зъ весною.

Якъ то може быти, что тотѣ звѣрята такъ довго сплять и не чують голоду?

До зимового сну збираються они сейчасъ, якъ лишъ настануть холоднѣ, осѣннѣ дни. Они ховаються въ теплѣ крыѣвки, печеры, дуплавѣ дерева або пôдъ землю. Входъ до тыхъ крыѣвокъ затикають щѣльно, чтобы до нихъ не мôгъ достатися воздухъ, а потомъ звиваються въ клубокъ и засыпляють. Серце ихъ

бье слабше, кишки не рухаються, а теплота тѣла зменшаеся. Якъ звѣстно теплоту тѣла людского а такожъ и звѣряти поддержуе все кормъ, котрый кождого дня тѣло принимае. Если того корму за богато для организма, то перетвоюеся онъ въ товщъ, котрый все збираеся пôдъ шкурою. Тымъ то товщемъ кормляться звѣрята подъ часъ свого зимового сна. Онъ выстарчае зовсѣмъ, абы поддержати тѣло звѣряти при житю и дати ему тôлько тепла, кôлько оно потребуе на той часъ.

Не всѣ звѣрята сплять твердо цѣлу зиму. Медвѣдь, борсукъ и вывѣрка будяться часомъ, выходять въ теплѣйшѣ зимовѣ дни изъ своихъ крыѣвокъ и заосмотрюються въ новѣ припасы. Съ надходомъ весны звѣрята будяться и ѣдять съ смакомъ тѣ припасы, якѣ назбирали въ осени. Збудившися въ першѣ теплѣ дни, западають опять въ сонъ, якій одъ часу до часу перерывають. Але коли вже разъ выйдуть изъ своихъ крыѣвокъ, вже бôльше до нихъ не вертають.

СВЯТЫЙ НИКОЛАЙ.

Святый Николай, якъ живъ ще на свѣтѣ
То любивъ дуже чемненькѣ дѣти.

Тай все до нихъ казавъ: „Вы мои дѣточки!
Найкрасше дѣтинѣ въ руки книжочки.

„Бо кôлько дѣточки въ книжочкахъ читають,
То тôлько зъ радости ангели спѣвають.

„А кôлько дѣточки напишуть красный складъ,
То тôлько Ісусъ въ небѣ тому радъ“.

Учѣтеся дѣточки, бо треба ся вчити!
Я за се буду Васъ благословити.

Осипъ Федьковичъ

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО“ ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.

Рôчникъ I. Ужгородъ, 25. децембра (грудня) 1920. Ч. 16. и 17.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПÔДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 10. и 25. кождого мѣсяця окрôмъ юлія и авгуота.

Выдае Шкôльный оддѣлъ цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Редакторъ: Д-ръ И. ПАНЬКЕВИЧЪ.
Предплата 4 К на рôкъ.
Поодиноке число 20 фил.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, Ужгородъ, (площа Другета).

СКАРБЪ РУСЬКОѢ ЗЕМЛѢ.

Ци знаешъ тотъ край, де живе нашъ народъ,
Де вина земля наша родить?
Де въ заходѣ сонця горить Ужгородъ,
Надъ Угомъ сонця два заходить!

Де сонце черлене одно понадъ гай,
А друге на рѣчку сѣдае—
И стелиться плай золотый на ручай,
Ай свѣтло на горахъ палае...

Золотяться горы и замокъ горить,
И вежѣ церковь Ужгороду—
Рыбалка якъ голубъ у свелѣ сидить
Надъ Угомъ и дивиться въ воду.

Якъ сонце купаеся въ плесѣ на днѣ
И рѣчку золотить у ряску—
Онъ рыбоньку удить срѣблисту въ огнѣ
И тихо розказуе казку.

— То скарбъ нашъ заклятый узеркалѣ водъ,
Якъ сонце сіяе крѣзь воду—
А скарбу сокотить—якъ вѣрить народъ—
Нашъ князь золотый Ужгороду!

Зъ Мадярами онъ середъ бою полягъ,
А скарбъ нашъ заклявъ пôдъ землею—
На тысячу лѣтъ, де схилився нашъ стягъ,
Ажъ воля заблисне надъ нею...

И з'явиться лицарь за тысячу лѣтъ,
Що карбъ для нарбду отворить—
И наше богацтво здивуе весь свѣтъ,
Якъ руській народъ заговорить.

Будь гордый на край, де проживъ нашъ народъ
Лѣтъ тысячи въ темницѣ розпятый —
А духа зберѣгъ середъ темныхъ породъ
Якъ скарбъ въ роднôй мовѣ заклятый!

Василь Пачовській

Святый вечеръ.

Довго и нетерпеливо чекавъ Василько на Святый вечеръ. Онъ вже ставъ хлопцемъ подрослымъ та розумѣвъ ту радость, яка наповняе души тысячей въ той день. Вже изъ посту вечерами приготовлявся изъ своимъ молодшимъ братомъ Степанкомъ та изъ сестрами до того свята, колядуючи кождого вечера новыхъ колядокъ. Няньо и мамка все слухали ихъ и поправляли, где того треба было.

Надойшовъ вконцѣ той довго очѣкуваный день. На дворѣ день спокойный, снѣгъ блищавъ одъ сонѣшныхъ промѣнѣвъ и погода была легка. По сему дѣти бѣгали спѣшно, бо матери ихъ посылали еще за всякими святочными орудками. Газды зновъ порали коло газдовства и худобы, бо и тымъ безмовнымъ сотворѣнямъ стараються всѣ въ той день догодити. Пôдъ вечеръ все утихало, бо зъ першою звѣздою почалося свято Рôздва — Святый вечеръ.

Василько мавъ велику радость, что съ няньомъ мôгъ нести до хати сѣно, котрымъ застельовавъ стôлъ и лавки. Коли увойшли у хату, привитавъ няньо всю родину зъ Рождествомъ и поставивъ дѣда коло стола. Помолившися, сѣли всѣ до стола, на котрôмъ вже стоявъ Карачунъ, бѣлый рôздвяный хлѣбъ, прикраса всѣхъ стравъ. Мама понаставляла стравъ, котрыхъ было дванайцять, и кожду мусѣли всѣ ѣсти на добрый урожай въ другôмъ роцѣ.

По вечеры стали всѣ одъ стола и зачали коляду. Василько изъ Степанкомъ вели передъ, бо они довго до того

приготовлялися и хотѣли, чтобы ихъ голосъ было найбôльше чути. За симъ одягнувшися тепло, пошовъ до своихъ товаришôвъ, котрѣ вже зъ звѣздою ждали на него на дворѣ. Зойшовшися въ велику громаду, поспѣшали они одъ окна до окна и спѣвали колядокъ, прославяючи пѣснями Христа.

По дорозѣ стрѣчали все другѣ громады колядникôвъ, якѣ весело жартували. Смѣялися они изъ мѣхоноши, котрый носивъ на плечахъ великій мѣхъ а до того часу еще порожный. Недалеко знову переходила друга громада зъ вертепомъ. Ишли переодѣтѣ за трохъ царѣвъ, пастырѣвъ, Ирода а також за циганина и жида.

Весело минувъ той вечеръ. Хоть нашъ Василько и змерзъ то все таки мавъ радôсть, что изъ своими товаришами могъ ходити возвѣщати свято Рôздва Христового.

Коляда.

(Господаревя).

Чи дома, дома, пане господарь?
— А панъ господарь здоровъ е дома.
Щей сидить собѣ по конець стола.
Въ негожъ подвѣря срѣбломъ лелѣе
А въ его дворѣ два три королѣ.
Гей першій король — сонечко зъ раю,
А другій король — князь мѣсяць зъ гаю,
А третій король — дощикъ у маю.

Першій королю, чимъ ся похвалить?
Чимъ ся похвалить, чимъ насъ обдарить? —
— Гей знаю, знаю, чимъ ся похвалю!
Та якъ я зойду въ недѣлю рано,
Всѣ ся церковцѣ поотвираютъ,
Всѣ ся свѣтлицѣ позажигаютъ,
Всѣ добрѣ люде до церкви идуть,
А зъ церкви идучи — колядуючи.

Другій королю, чимъ ся похвалить?
Чимъ ся похвалить, чимъ насъ обдарить?
— Гей знаю, знаю, чимся похвалю!

Та якъ я зойду къ вечера пôзно,
Зъ вечера пôзно, на небѣ звѣздно,
Урадуеся гôсть у дорозѣ,
Гôсть у дорозѣ, коники въ возѣ.

Третій королю, чимъ ся похвалить?
Чимъ ся похвалить, чимъ насъ обдарить?
Гей знаю, знаю, чимъ ся похвалю!
Та якъ я спаду три разы въ маю,
Урадуються горы, долины,
Горы й долины, всѣ полонины.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, Богу ся молимъ.
Богу въ небесѣхъ за насъ честныхъ всѣхъ.
Ой, дай же, Боже, на хлѣбъ урожу,
На хлѣбъ урожу, всѣмъ ласку Божу.

Новорôчна щедрôвка.

Ой въ нашôй земли новая зоря,
Зойшла ззя моря! — Щасть Боже!
Яснымъ промѣнямъ тьму просвѣтила,
Людей збудила! — Дай Боже!

Ой въ Ужгородѣ красна невѣста
Якъ кристалъ чиста! — Щасть Боже!
На рукахъ носить, якъ соколятко
Красне дѣтятко! — Дай Боже!

Тота невѣста, треба вамъ знати,
То руська мати! — Щасть Боже!
А на рукахъ ѣй красна дѣтина,
Руська родина! — Дай Боже!

А ты на небѣ, ясная зоре,
Не йди за море! — Щасть Боже!
Лемъ приязненько свѣти одъ нынѣ
Руськôй дѣтинѣ! — Дай Боже!

Чтобы намъ скоро тожа зростала,
Лиха не знала! — Щасть Боже!
Тай чтобы въ мирѣ, всѣмъ людямъ мила,
Щасливо жила! — Дай Боже!

Зима.

Дѣти збудилися рано и побачили, что въ хатѣ якось дуже побѣлѣло. Заглянули у окно и зъ радости закричали: „Снѣгъ, снѣгъ!“ И направду пухкій снѣгъ укривъ усю землю, дерева и хаты. Зойшло сонце, а снѣгъ одъ его свѣтла ажъ въ очи бье и мерехтить. Выбѣгли дѣти изъ хаты. Дороги не видно. На дворѣ треба было одмести то мѣсто где куры звыкли ѣсти. Но не довго тамъ можна было стояти.

Морозъ щипае за пальцѣ и треба дѣтямъ утѣкати. Померзлѣ бѣжать опять до хаты грѣтися.

У зимѣ день дуже короткій. Нема часу побавитися за дня. И не пообзираешься добре, якъ вже и вечеръ.

Зимовѣ вечеры бывають дуже довгѣ. Чтобы людямъ не было скучно, шукають собѣ роботы. Жôнки и челядь сидять звычайно за кужелями и прядуть, чтобы на лѣто мати полотно на сорочки. Мущины понадававши худобѣ ѣсти и

пити, починають сходитися въ хату. Дѣти попритулюються коло старенькоѣ бабусѣ и просять ю розказати казку. Тогды стае веселѣйше. Дѣти слухають довго, ажъ поки втомлонѣ не уснуть. Старшѣ дѣти школьники читають книжку на голосъ. Всѣ слухають и тôльки чути, якъ веретено фурчить або хтôсь пошепки промовить слово.

Снѣгова баба.

Ну-те, кто зъ васъ тамъ быстрѣйшій?
То идѣть въ садокъ скорѣйше,
Купы снѣгу тамъ лежать,
Бабу треба намъ скачать!

Хлопцѣ покликъ подхопили,
Бабу зъ снѣгу вразъ злѣпили:
Очи зъ вугля ѣй всадили,
Ротъ изъ буряка зробили.

Отъ, такъ баба! Молодцѣ!
Ну, дивуйтеся, воробцѣ!

Пѣсонька.

Зимонько-снѣгурочко,
Наша бѣлогрудочко,
Не верти хвостомъ!
А труси тихесенько,
Рôвненько, гладесенько
Срѣбненькимъ снѣжкомъ!

Мы повыбѣгаеме,
Снѣгу накачаеме
Купу за садкомъ;
Бабу здоровенную,
У очи старашенную,
Злѣпеме гуртомъ.

Про князя Корiятовича и жовтого змѣя Веремѣя.

Не въ десятôмъ царствѣ, не въ тридесятôмъ государствѣ, а на нашôй Подкарпатскôй Руси живъ добрый царь Володарь. Тай пôдъ нимъ добре людямъ жилося. Худобу гнали на пасло, а пôдъ горами вино росло, а на долахъ жито, пшениця, та всѣляка пашниця.

Ажъ умеръ старый царь Володарь, а паны покликали собѣ римского пана зза моря. Прибувъ новый царь тай вытягнувъ изъ Дунаю змѣя Веремѣя. Тай загнавъ тотъ царь змѣя Веремѣя у мукачôвскѣ горы, ай казавъ намъ Русинамъ ему дань давати, — что одмѣниться мѣсяць, по дванайцять дѣтокъ малолѣтокъ.

Розсѣвся тотъ змѣй Веремѣй на Чернечôй Горѣ, на Лятирицкôй водѣ людямъ на горе. Сѣмъ головъ мае, дѣтокъ малолѣтокъ пожерае, не рôкъ, не два, не три, не чотыри. Тай вже наша земля пустелею стала. Старѣ вже мруть, а молодѣ не ростуть, тôлько души зъ дѣтокъ малолѣтокъ вылѣтають тай у цвѣты сѣдають, моляться до дѣда, св. Николая, тай плачуть до сходъ сонця.

Тай св. Николай зробивъ такъ, что цареви приснився сонъ дивенъ предивенъ: Десь нѣбы жовте море, якъ смола палюща, якъ сѣрка вонюща цѣлу Угорщину заливае одъ Карпатъ ажъ до другого моря и всѣ народы выгубляе. Онъ на Мукачевскôмъ замку з'явився лицарь у срѣбнôй зброѣ съ хрестомъ двораменнымъ. Якъ явъ онъ трубѣти, та греблѣ гатити, та мосты мостити — тай сесе жовте море загнавъ Дунаемъ идъ Чорному морьови, де оно и пропало.

На другій день царь искликавъ вѣщôвникôвъ, розповѣвъ свôй сонъ тай звѣдуе ихъ:

— Что се за жовте море якъ смола палюще, якъ сѣрка вонюще, може мое царство залити?

— Татаре — кажуть вѣщôвники въ одинъ голосъ.

— А что се за лицарь такій съ хрестомъ, что може тото море зъ Угорщины загнати, обы пропало!

— А ктожъ бы, якъ не Федôръ Коріятовичъ, князь Подоля!

Подумавъ царь — загáняе послôвъ до Федора Коріятовича тай каже:

— Такій, а такій менѣ сонъ приснився! Прійди, князю Федоре Коріятовичу до мене, обы зробити греблю одъ жовтого моря, что йде одъ Татарôвъ до мого царства всѣ народы выгубляти. Дамъ тобѣ тотъ замокъ на Мукачевѣ и триста сѣлъ одъ Марамороша поза Маковицю!

— Добре — каже князь — тôлько позволь менѣ попозирати на тотъ замокъ на Мукачевѣ.

— Попозирай на замокъ, та на цѣлый край обдивися.

Прійшовъ князь на воронôмъ кони черезъ горы пôдъ вечѣрню годину.

А опôвночи ставувъ на Мукачевскôмъ замку. А ди, предъ зорею з'явився ему сивый дѣдъ святый Николай, показавъ перстомъ идъ Токаеви тай каже:

— Выйди до схôдъ сонця на долину, то почуешь, яке туй горе въ нашôй руськôй землѣ!

И щезъ. Выйшовъ князь до схôдъ сонця на долину та иде коньомъ зъ Мукачева до Токаю. Сонце свѣтить, а цвѣты черленѣ одъ Мукачева до Токаю тремтять пôдъ росою. Ай зъ кождоѣ цвѣтки маленькѣ души плачуть:

— Ратуй себе, князю, и нась одъ жовтого змѣя Веремѣя!

Перейшовъ князь ажъ до Токая, а одъ Токая до Маковицѣ, одъ Маковицѣ до Мукачева, та твердо ся посюдовавъ, что нѣгде не е дѣтей, лемъ дѣды та старухи въ кождôй хижѣ.

— Чого — звѣдуе князь — у васъ дѣтей не бувае, лемъ сами старѣ дѣды та бабы, якъ грибы горбатѣ.

— Ай, панонько — кажуть всѣ — мадярскій Змѣй Веремѣй на Чернечôй горѣ, на Ляторицкôй водѣ тотѣ наши дѣти пожерае.

— Звезѣть менѣ — каже князь — сѣмъ бочокъ смолы и сѣмъ возôвъ конопель, пойду я того Змѣя воювати.

Звезли ему не сѣмъ, а сѣмъ разы по сѣмъ, якъ казавъ князь — зъ усѣхъ сторôнъ до Мукачева. А сами пôшли на замкову гору спозирати, что то буде!

А князь обмотався коноплями, обсмолився смолою, взявъ довгій мечъ и щитъ, съ хрестомъ двораменнымъ тай пôйшовъ до змѣя на Чорнечôй горѣ на Ляторицкôй водѣ, воювати.

А змѣй розложився на горѣ тай грѣеся до сонця, ажъ мѣниться сѣмома пащеками искриться тѣломъ та сѣмома хвостами, якъ пава, гордый та лискучій. Почувъ, кто йде.

— Ге! каже, — руській духъ пахне.

— Дебъ то не пахъ — одказуе князь — коли я прійшовъ!

— А чого тобѣ туй треба? Битися, чи миритися?

— Куды вже миритися, битися съ тобою, гаде ненасытный

Отъ яли они битися, ажъ лѣсъ гомонить и земля дудонить. Что розгониться Змѣй Веремѣй та вхопить сѣмома пащелями князя — то кусками смолы и жмутками конопель вырывае. А князь мечемъ замахне, то все одну голову зотне. Голова одрубана скаче, а кровъ зъ неѣ лльеся, онь рѣчка плыве. А Змѣй якъ огень горить, спраготу мае, до Ляторицѣ збѣгае и скаче у воду гоѣтися, чей полѣвить ему на рану цѣлюща водиця.

А Князь за тотъ часъ обмотався конопля̀ми и смолою обсмолився, куды треба. О то вже выскакуе исцѣленый Змѣй Веремѣй. Та що розбѣжиться проти Князя, а Князь только мечемъ махъ! тай чахъ! — ажъ вѣтеръ гуде у лѣсахъ. А за каждымъ махомъ одна голова одлѣтае та скаче, а нова рѣчка крови плыве у долину...

А туй на землю у дзвоны дзвонять, молебнѣ правять, святый Николай у райскѣ двери входить та Службу служить. А народъ упавъ на вколѣнки, цѣ живый нѣ мертвый.

Уже шѣсть головъ Змѣя Веремѣя одрубаныхъ скаче, а кровъ зъ нихъ лльеться шѣстьома рѣчками въ долину. А тота долина одъ Мукачева до Токаю черлеными цвѣтками вкрылася ажъ мѣняться до сонця. Изъ кождоѣ цвѣтки маленькѣ души слухають и кличуть:

— Ратуй насъ, князю, ратуй одъ жовтого Змѣя Веремѣя!

Ажъ знову выскакуе Змѣй сѣркастый, жовтый, якъ гôрчиця. Вся людска кровь спльыла зъ него, лемъ жовчъ остала и смертію дише. Бѣжить проти князя, пирхае жовтою пащехою, якъ пекельне жерело сѣркою. Кинувся до князя, вхопивъ у зубы щитъ съ хрестомъ та гримъ! тымъ щитомъ объ землю. Но князь мечемъ по головѣ чахъ! — не одскочила. Князь замахнувъ мечемъ, чахъ по головѣ въ друге — не одскочила, только жовчію захлипаеться. Роззявився змѣй на его голову, князь пôдскочивъ тай мечемъ по головѣ въ третье чахъ! — якъ рубанувъ, а змѣй бабухъ! ажъ земля затряслась, повалився проклятый! А зъ него жовчи такъ верне въ долину — якъ жовте море!

Народъ, що стоявъ на мукачôвскихъ горахъ, такъ и сплеснувъ руками: Слава Тобѣ, Господи!

Тай кинувся зъ гôръ, кто зъ вилами, кто зъ сокирами жовте падло на дрôбенъ макъ порубати, тай виречи, обы несла его Лятoриця долѣ у Дунай идъ Чорному морьови.

А на черленôй долинѣ зъ кождоѣ цвѣтки вылетѣла маленька душка въ каплю крови и стала дѣтина. Кôлько квѣтокъ, только дѣтей вкрыло, усю свою кровь одъ Змѣя Веремѣя одôбрало, остало лишъ жовте озеро его жовчи. А довкола дѣти, якъ маковѣ цвѣты процвѣтають, въ ручки плещуть та спѣвають тисячами голосами:

— Слава тобѣ князю, що звитяживъ Змѣя, мадярского Веремѣя! Позирнувъ князь на тото поле дѣтей загубленыхъ середъ моря змѣиноѣ жовчи тай зажурився: Кто тыхъ дѣтокъ пѣ-

ступати, выростати, научати буде, якъ не є кому въ цѣлôмъ краю, лишъ старѣ дѣды, та бабы, якъ грибы горбатѣ?!

Посылає онъ до царя посла тай каже:

— Не можу я тобѣ царю греблѣ гатити, нѣ мостôвъ мостити, бо людей не є, лишъ самѣ дѣды та бабы, якъ грибы горбатѣ! Позволь менѣ взяти зъ руськоѣ землѣ сорокъ тысячъ Русинôвъ хорошоѣ вроды, обы тото жовте море татарске загнали на темнѣ воды, на гнилѣ колоды?

— Бери, скôлько хочешь тôлько хорони насъ одъ татарского моря — каже царь. (А не знавъ, что тото жовте море татарское, то саме его море мадярское, якъ смола палюще, якъ сѣрка вонюще, что всѣ народы выгубляе).

И заграло, забувнѣло въ княжôмъ дворѣ рано у Камяницѣ на Подолю:

— А збирайтеся, кто хоче мати садъ пôдъ виноградъ и землицю пôдъ ярицю, выряджайтеся за горы Карпаты! Возьмѣть жôнки молодицѣ малѣ дѣти годувати, черцѣвъ и черницѣ — въ школахъ научати князеви на радôсть, а Руси на славу.

Черезъ трийцять три днѣ и ночи йшли зо здвиженою зъ Подоля газдове, руськѣ сынове, жôнки и молодицѣ черцѣ и черницѣ за горы Карпаты. И давъ князь газдамъ триста сѣлъ одъ Марамарошу ажъ поза Маковицю на тото, обы ихъ молодицѣ сесихъ дѣтокъ малолѣтокъ годували. А черницямъ поставивъ монастырь на Сороцкôй горѣ по лѣвôмъ боцѣ Ляторицѣ, обы они сихъ дѣтей выростали. А черцямъ построивъ другій монастырь на Чернечôй горѣ по правôмъ боцѣ Ляторицѣ, обы ихъ у школѣ научали. А святому Николаю змурувавъ церкву съ трома верхами, кращу раю, обы тамъ руську службу Божу служили, одпустъ учинили одъ того часу до вѣка людямъ на радôсть, а Руси на славу.

Тай тогды яло тото жовте море зъ мадярского змѣя зъ пôдъ Мукачева Ляторицею у Дунай одплавати, а зъ Дунаю въ Чорнôмъ Руськôмъ морю потопати. А дѣти, якъ ярѣ цвѣти ростуть, якъ бжолы гудуть та спѣвають пѣсень тай припѣвають: Радуйся, радуйся, руськая земле!

Вються срѣбернѣ руськѣ спѣвы по Дунаю тай на березѣ Чорного Моря горѣ Днѣпромъ до златоверхового Кыѣва. И я тамъ бывъ, тотѣ пѣсни чувъ, и тай звôдтамъ принѣсъ Вамъ, дѣти сесю казку, якъ бубликôвъ вязку. Ай въ кождôй казцѣ и правда бывае, а де она? Кто зъ Васъ одгадае!

Берегсасъ, въ листопадѣ 1920 р. **Василь Пачовській.**

Якъ Лисъ водивъ Медведя на медъ.

(Изъ „Лиса Микиты" Ивана Франка)

„Не далеко тутъ-ось тôльки
Буде вôдси зо чверть мильки —
Пребогатый хлопъ Охрѣмъ,
Въ нього меду тьма безбожна,
Что не то, что ѣсти можна,
Але хочъ купайся въ чѣмъ!"

„Ой! — зотхнувъ Медвѣдь Бурмило, —
Ажъ на сердцѣ замлоѣло!
Ну, Микито, ну бѣжѣмъ!"
Сонце сѣло вже за горы,
Якъ добѣгли до оборы,
Де богатый живъ Охрѣмъ.

На землѣ тамъ, близь города,
Зъ дуба грубая колода
Бовванѣла. Майстеръ Гринь
Хтѣвъ по-вздовжъ еѣ лупати,
Той почавъ зъ конця вже гнати
Здоровенный въ щѣлку клинъ.

З-на двѣ пяди вже отверта
Щѣль была; колода вперта
Про тото не трѣсла ще,
Лишъ одъ клина заскрипѣла,
Нѣбы зубы зацѣпила
Прохрипѣвши: „Овъ, пече!"

„Вуйку! шепче Лисъ Микита,
Ось колода ся одкрыта —
Ты пощупай ѣй пôдъ бôкъ!
Хочъ крыва она та сѣра,
Та въ нѣй меду що й не мѣра.
Вôдси-й я не разъ волѣкъ.

Глянь, вже темно по долинѣ,
Хлопъ давно лежить въ перинѣ,
Тожъ нѣчого ты не бôйсь!
Ѣжь до схочу въ имя Боже!
Я постою на сторожѣ!...
Ну лишъ, смѣло въ шпарку лѣзь!"

„Спасибôгъ тобѣ, небоже! —
Рекъ Бурмило, — стôй, чтобъ може
Не надлѣзъ якій злый духъ!
Ой вже чую запахъ меду!
Ты небоже, стань зъ переду,
На до рукъ отсей обухъ!

И за симъ Медвѣдь Бурмило
Лабы, голову й карчило
Въ ту широку щѣль запхавъ;
Лисъ тымчасомъ трахъ обухомъ,
Клинъ изъ дуба выбивъ духомъ,
И Бурмила дубъ споймавъ.

„У! — сказавъ дубъ — е ще сила!“
Гей, якъ вхопить вôнъ Бурмила,
Лишь стрѣщавъ у нього лобъ.
„Вуйку крикнувъ лисъ Микита, —
Правда, шпарка знаменита!
Знавъ де мѣдъ ховати хлопъ.“

А Медведя зацѣпило!
Стогне, сапа мôй Бурмило,
Але дубъ трима й трима.
Шарпнувъ вуйко за три разы,
Затрѣщали лабы й вязы!
Але вырвати — дарма!

„Вуйку, — каже Лисъ, — якъ чую,
Дуже вамъ медокъ смакуе,
Та мабуть васъ муха тне.
Ѣжте-жъ, але мѣру майте,
Бо якъ обѣстеся, знайте:
Мѣдъ вамъ пупомъ поплине.“

Та Медведю не до меду!
Крутить задомъ, а зъ переду
Дубъ держить мовъ у клѣщахъ...
То вôнъ шарпне, дряпне, смыкне,
Далѣ зъ болю якъ не рыкне
Ажъ почули въ небесахъ.

Лисъ на кпи*) його здоймае,
„Бачь, якъ вуйко мôй спѣвае!
Вуйку, що за нута се?
Вуйку, вуйку, будьте тихо!
Въ хатѣ свѣтло — буде лихо!
Вуйку, хлопа бѣсъ несе!“

*) Смѣхъ.

А Охрѣмъ, богачъ — мужикъ
Пробудився — что за рыкъ?
Выглядае у кватиру —
Что за диво? При колодѣ
Чтось чорпѣе... Може злодѣй?
Хлопъ хапае за сокиру.

Выбѣгъ зъ хаты, приглядаесь.
Се бурмило борикаесь!...
Репетъ пôдойма Охрѣмъ:
„Гей сюди, сусѣды любѣ!
Ось Медвѣдь зловився въ дубѣ!
Гей Медведя бить бѣжѣмъ!"

У! Кипить въ селѣ тревога!*)
Якъ бы тѣ вовки зъ берлога
Позривались мужики.
Въ чѣмъ кто бывъ, въ тôмъ выбѣгае,
Что попало, тай хапае
Якъ оружа до руки.

Якъ прискочить до Бурмила —
Въ сего цѣпъ, у того вила,
Въ бабы кочерга въ рукахъ,
А Охрѣмъ съ тяжкимъ обухомъ —
Кинулись на вуйка духомъ!
Лишъ луп-цупъ! та трахъ-тарахъ!

Бôль додавъ Бурмилѣ силы:
Якъ не шарпне — Боже милый!
Шкуру всю зъ чола зодравъ!
Ще разъ шарпнувъ — вырвавъ лапы,
Але шкуру й кôхтѣ-дряпы
Дубъ немовъ свое забравъ.

„Вырвавсь! Вырвавсь!" закричали
Люде, въ ростѣчь поскакали,
А Бурмило трухъ, трухъ, трухъ!
Въ лѣсъ, въ корчи збѣгъ борзенько,
Лягъ та стогне такъ тяженько,
Якъ бы зъ нього перли духъ.

*) Леговѣще.

Якъ шило, когутъ, качоръ и гусакъ ходили до лѣса на губы.

Ишло шило до лѣса на губы. Стрѣпуло по дорозѣ когута, котрый перевязавъ собѣ хустину на шию та нѣсъ попасъ на дорогу.

— „Куди идешь, шило? — звѣдуе когутъ.

— Иду до лѣса на губы. Пойди со мною. Буде насъ больше, не будеме боятися ничъ вовка“.

Когутъ послухавъ и пошли дальше. А ту иде качоръ. Несе

великій тлумокъ на плечахъ, ажъ угинатся. Треба было ему богато рѣпы набрати, чтобы по дорозѣ не зголоднѣвъ.

— Шило съ когутомъ, де идете—звѣдуе качоръ.

— „Идеме до лѣса на губы. Ходи съ нами, буде насъ больше, не будеме боятися ничъ вовка“.

Качоръ послухавъ и пошли дальше. Идуть, идуть, а ту иде поважнымъ крокомъ гусакъ. Несе напередѣ цѣлу тайстру всякого зерна, чтобы на вынадокъ и на довше стало.

— „Шило съ когутомъ и качоромъ, куди идете?“

Идеме до лѣса на губы. Ходи съ нами! Буде насъ больше, не будеме боятися ничъ вовка.

Гусакъ послухавъ и пошовъ дальше. Коли уже прійшли до лѣса, настрашилися дуже вовка. На щастя увидѣли недалеко хатинку и сховалися до неѣ. Когутъ сѣвъ на жердку, качоръ залѣзъ пôдъ лавку, гусакъ выскочивъ на лавку, а шило влѣзло подъ порôгъ.

Наразъ влѣзъ вовкъ до свѣтлицѣ. „Усѣхъ васъ заѣмъ“ завивъ на нихъ.

Але когутъ, котрый на жердцѣ найбôльше мавъ одваги, закукорѣкавъ: Всѣ го бийте!

Гусакъ кричавъ: „Кийомъ! кийомъ го!“

Качоръ: „Шакъ такъ, шакъ такъ, шакъ такъ!“

Накопецъ выскочило изъ пôдъ порога шило и пикъ го въ бôкъ, пикъ, пикъ!

Видить вовкъ, что не жартъ, что изъ всѣхъ сторонъ небезпека тай еще и бють, давъ ногамъ знати и утѣкъ.

Шило съ урадоваными товаришами назбирало губъ и вернули щасливо домôвъ.

За **Фр. Бартошомъ**.

Гостина св. отця Николая на Подкарпатской Руси.

Святый отецъ Николай давно приготовлявся прійти до пильныхъ дѣточокъ а особливо до тыхъ, котрѣ услуються добрѣ читати и писати по руськи.

Такъ зачувалисьме, что дѣйсно св. отецъ Николай дня 18. децембра загостивъ до Ужгорода, Перечина, Великоѣ Березны, Чорноголовъ, Берегсасу, Берецкихъ, Ясѣня, Густа

та иншихъ мѣстъ и сѣлъ Пôдкарпатскоѣ Руси. Дѣти были дуже урадованѣ приходомъ такъ дорогого гостя, котрому дуже любилоса, что по школахъ дѣти вже учаться по руськи. Такъ чулисьме, что въ Ужгородѣ прійшло богато людей почути руську бесѣду школярôвъ и видѣти похвалы святыхъ гостей. За добру пильность въ руськôмъ языцѣ принѣсъ св. Николай въ дарѣ чотырьомъ ученикамъ ужгородскоѣ семинаріи цѣле шатя та и другимъ, котрѣ усилуються достигнути скорого успѣха, подававъ поменшѣ дары. Св. отецъ Николай пообѣцявъ и на другій рôкъ прійти зъ дарами але любивбы, чтобы наши молодѣ студенты по интернатахъ говорили вже межи собою по руськи и давали добрый примѣръ другимъ.

Гей Вы дѣточки любѣ! Коли у Васъ сего року не бывъ еще св. отецъ Николай, такъ учѣться и просѣть своихъ панôвъ учителѣвъ, обы научили Васъ ту прекрасну руську гру, яку Вы читали въ 14. и 15. числѣ Вѣночка. Они певно Вамъ поможуть у сѣмъ дѣлѣ.

Тыхъ дѣточокъ, котрѣ чули и видѣли гостину св. отця Николая просиме намъ написати, якъ ся имъ то любило и чи мали велику радость о тôмъ. Якъ красно напишите, то постараемеся помѣстити сесе у нашôмъ „Вѣночку“, чтобы и другѣ дѣти могли о тôмъ читати.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Одъ Нового рôку проситься всѣхъ нашихъ предплатникôвъ одновити предплату на рôкъ 1921. Ученики и ученицѣ усѣхъ школъ платять дальше до конця школьного року 4 Кч. Всѣмъ иншимъ особамъ, а такожъ и школамъ, котрѣ обовязково мають предплатити 1 число для библіотеки и по 2 числа на кожду клясу подвысшаеся на 10 Кч.

Всѣхъ тыхъ, кто не заплативъ еще предплати за минувшій рôкъ, проситься до конця мѣсяця послати довжнѣ гроши. Дальше звертаеться увагу всѣмъ предплатникамъ писати на переказахъ грошевыхъ, на что посылаеся гроши и за котрый рôкъ.

Всѣ числа того рочника можна достати у Редакціи (Ужгородъ, Школьный Оддѣлъ, Другетова площа, ч. 2) по цѣнѣ 4 Кч.

Содержаня:

КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРН. ТОВАР. „УНІО“ ВЪ УЖГОРОДѢ 1920.